

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Материалы VII международной научно-практической
конференции*

8–9 декабря 2022 г.

Омск
ОМА МВД России
2023

УДК 342
ББК 67.620я54
Р72

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (председатель);
В. А. Гусев — доктор юридических наук, доцент (зам. председателя);
М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент;
Е. В. Кошелев — кандидат юридических наук;
С. М. Гасанова (отв. секретарь)

Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г.) / пред. редкол. С. К. Буряков. — Омск : Омская академия МВД России, 2023. — 192 с.

ISBN 978-5-88651-825-2

В материалах сборника конференции освещаются теоретические и правоприменительные проблемы в сфере конституционного права, а также вопросы реализации конституционных норм в отраслевом законодательстве.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России, сотрудников иных правоохранительных органов.

УДК 342
ББК 67.620я54

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Конституционно-правовая тематика не утрачивает своей актуальности, имеет важное значение для развития российской юридической науки и практики, в том числе правоохранительной сферы.

В настоящее время в условиях осуществления специальной военной операции, установления многочисленных санкций против России, введения военного положения на отдельных территориях Российской Федерации и проведения частичной мобилизации необходима актуализация конституционных положений применительно к сложившейся ситуации, формирование новых подходов, форм и принципов взаимодействия личности, общества и государства.

Принятые Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей способствуют развитию конституционных положений, относящихся к духовным основам современного российского общества, таким как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Эти и многие другие вопросы, имеющие конституционно-правовой характер, были рассмотрены в рамках VII международной научно-практической конференции «Реализация конституции Российской Федерации: состояние и перспективы».

В мероприятии приняли участие наши зарубежные коллеги из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Могилевского института МВД Республики Беларусь, Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Департамента кадровой политики МВД Республики Казахстан (г. Астана), Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе), а также представители образовательных учреждений

системы МВД России: Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Санкт-Петербургского университета МВД России, Краснодарского университета МВД России, иных образовательных организаций высшего образования.

С. К. Буряков

РАЗДЕЛ I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С. Н. Бабурин

Нравственный каркас Конституции как основа реализации ее норм

8 декабря 1991 г. руководители РСФСР, Белорусской ССР, Украинской ССР собрались в санатории «Вискули» Беловежской пуши и упразднили Конституцию СССР и конституции союзных республик. Но настало время извлекать уроки, делать выводы и обеспечивать развитие общества, опираясь на право и справедливость. Когда мы говорим о конституционных принципах, не нужно сводить их только к позитивистскому толкованию конституции. Да, мы помним Лассаля, сказавшего: «Сущность конституции — это закрепление соотношения политических сил в обществе» [1, с. 8]. Но закрепление может быть разным. Европейские государства давно провозгласили себя демократическими, правовыми, социальными. Что мы сегодня наблюдаем? Результатом чего стал вооруженный конфликт на Украине? Мы видим, что деградация гуманизма, исключившего Бога из системы нравственных координат общества, поставила в центр этой системы только эгоизм человека, привела европейские государства к отрицанию человеческого в человеке, уничтожению божественного начала в человеческой сущности. В настоящее время, опираясь на новое толкование прав и свобод, разрушается понятие семьи, семейного воспитания, вместо этого вводится ювенальная юстиция, происходят очень жесткие негативные процессы, которые могут подтолкнуть человечество к катастрофе.

На Украине не военный конфликт России и Украины и даже не военный конфликт России и коллективного Запада, это противостояние традиционного общества, опирающегося на культурно-исторические

традиции, уходящие корнями в религиозную основу прошлого, убитого западнизмом. Это конфликт добра и зла. Россия возглавляет силы добра. Основа этого — в конституционной реформе 2020 г., сумевшей поправить заложенные в 1993 г. конституционные начала. Ведь мы говорим о возрождении России, о том, что сегодня мы воскресили нравственный каркас для всех вопросов и воплощения правовых норм. Через поправку в ст. 67.1 Конституции продлили параметры наших конституционных норм, восстановили преемственность Советского Союза, сокрушили главный фундаментальный принцип Беловежских соглашений 1991 г., утвердивших, что Советский Союз прекращает существование навсегда, и никто не является его продолжателем.

Отныне в Конституции РФ прописано, что мы признаем себя правопреемниками и продолжателями СССР. Тем самым мы наполнили принципиальными содержательными моментами понятие социального государства. Это и расширение социальной заботы о гражданах, и стремление к социальному, политическому, экономическому единству, солидарности, и самое главное — мы вернули в Конституцию понимание брака как союза мужчины и женщины, роль семейного воспитания (ст. ст. 67.1, 72, 75.1). Мы подчеркнули в Конституции единство нашей культуры, ставшей наследием всего народа. Поправкой в ст. 67.1 Конституции РФ мы сделали шаг к тому, чтобы от многонациональной России перейти к единой русской нации, объединяющей народы и этносы, мы наследуем идеалы и веру в Бога, продолжаем культурно-историческую идею.

Список источников

1. Лассаль Ф. О сущности конституции / пер. с нем. 2-е изд. Одесса, 1905.

О. И. Бекетов

«Новая чрезвычайность»: административно-правовые аспекты и тенденции

Происходящее на наших глазах стремительное распространение применения «чрезвычайного» в публичном управлении и законодательстве многих стран, ставшее особенно актуальным после изменений во внешней и внутренней политике США и европейских государств в XXI в., выступивших ответом на террористические атаки 11 сентября 2001 г., ярко демонстрирует устойчивость тенденции его расширения и превращения исключения в правило. Указанный курс свойственен и Рос-

сийской Федерации, где в качестве реакции на фактически устроенную коллективным Западом против нашей страны прокси-войну потребовалось ввести в действие планы по проведению частичной мобилизации. Таких мероприятий не было со времен Великой Отечественной войны [1]. В настоящее время в России установлены и параллельно действуют: период частичной мобилизации, военное положение (на территориях четырех субъектов РФ), режимы мер, осуществляемых в субъектах РФ в связи с Указом Президента РФ № 756 [2] (четыре уровня реагирования и готовности), режим повышенной готовности, введенный еще в марте 2020 г. в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Кроме того, в соответствии со ст. 30 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» в субъектах РФ, как правило ежегодно, в период со дня схода снежного покрова до установления устойчивой дождливой осенней погоды или образования снежного покрова, а также в случае повышения пожарной опасности на определенной территории вводится особый противопожарный режим. Каждый из указанных чрезвычайных режимов в отдельности и тем более их одновременное действие существенно ограничивают права граждан и организаций, возлагают на них дополнительные обязанности и обременения.

Некоторые характерные административно-правовые аспекты «новой чрезвычайности»

Чрезвычайные нормы, меры и практики, на которые хотелось бы обратить внимание, устанавливают следующее.

Контракты о прохождении военной службы, заключенные военнослужащими, продолжают свое действие до окончания периода частичной мобилизации, за исключением трех особых оснований увольнения (пп. 4, 5 Указа Президента РФ № 647 [3] (далее — Указ № 647)).

При необходимости в Российской Федерации (читай — *в любом из ее субъектов или в стране в целом* — О. Б.) в период действия военного положения могут применяться иные (помимо предусмотренных Указом № 757 [4]) меры, предусмотренные Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (п. 3 Указа № 756).

На территориях субъектов РФ создаются особые органы управления — межведомственные координирующие органы (штабы территориальной обороны) и оперативные штабы (пп. 2, 7 Указа № 757). На федеральном уровне при Правительстве РФ сформирован Координационный совет по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Фе-

дерации. В то же время на этих двух уровнях продолжают действовать оперативные штабы, образованные в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Ответственность за проведение в жизнь чрезвычайных мер (их перечень, сроки, особенности, порядок реализации) возложена на высших должностных лиц субъектов РФ (п. 8 Указа № 647, пп. 6–8 Указа № 757).

Интересно, что решения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (оперативного штаба), принятые в рамках его компетенции, являются обязательными для исполнения в том числе и федеральными органами исполнительной власти (Минобороны России, МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии), осуществляющими деятельность на территории соответствующего субъекта РФ, а также гражданами, зарегистрированными по месту жительства (месту пребывания) и (или) находящимися на территории соответствующего субъекта РФ (п. 7 Указа № 757).

Тенденции развития административного законодательства и практики публичного управления в условиях «новой чрезвычайности»

Нам доводилось утверждать, что расширение и укрепление областей «чрезвычайного» в российском административном праве и публичном управлении отражают долговременную абсолютно доминирующую социально-политическую тенденцию [5, с. 186]. Примером «рутинизированной чрезвычайности», уверенно ставшей правовой обыденностью, выступает административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (его прототипом был гласный полицейский надзор, учрежденный в 1882 г. в качестве одной из чрезвычайных мер, направленных на противодействие усиливавшемуся революционному движению); специальный контроль в аэропортах, действовавший в 1970-х гг. в целях предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации; режим повышенной готовности, повсеместно введенный в марте 2020 г. для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции.

Перечень подобных примеров обширен. Можно предположить, что «новая чрезвычайность» вряд ли станет исключением. С нашей точки зрения, все нормоположения, указанные во втором разделе статьи, получают свое дальнейшее развитие. Например, правовая позиция о нераспоржении контрактов военнослужащих до окончания периода частичной мобилизации вполне может быть распространена на всех сотрудников органов, учреждений, подразделений, обеспечивающих оборону и безопасность. Исходя из полученного опыта, очевидно, что самой серьезной

корректировке должны быть подвергнуты Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и все основанное на них законодательство.

Список источников

1. Сокирко В. Глава Генштаба: такого уровня военных действий современная Россия не знала. URL: https://aif.ru/society/army/glava_genshtaba_takogo_urovnya_voennyh_deystviy_sovremennaya_rossiya_ne_znala/ (дата обращения: 24.12.2022).

2. *О введении* военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : указ Президента от 19 октября 2022 г. № 756. Здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Об объявлении* частичной мобилизации в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647.

4. *О мерах*, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 : указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757.

5. Гусев В. А., Бекетов О. И. Проявления «чрезвычайного» в административном праве и практике государственного управления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4(45).

М. А. Бучакова

Традиционные российские духовно-нравственные ценности

Продолжающаяся трансформация духовных ценностей в XXI в., приведшая к усилению противоречий между традиционными российскими и западными европейскими ценностями, представляет угрозу духовной безопасности российского общества. Внедряемые на протяжении последних десятилетий западные идеалы ведут к культивированию общества потребления, отказу от понятия брака как союза мужчины и женщины, размыванию такого важного качества российского народа, как коллективизм. Российская система ценностных ориентиров все чаще подвергается нападкам со стороны Запада, не оставляющего попыток дискредитировать духовно-нравственные основы жизни общества. События, связанные с проведением специальной военной опе-

рации на Украине, привели к еще большему противостоянию России всему западному миру, актуализировав проблему упрочения системы традиционных ценностей, в том числе в контексте обеспечения духовной безопасности России.

В связи с этим Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 были приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы). Являясь программным документом, Основы призваны защитить и укрепить суверенитет России, обеспечить единство государства, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Положения Основ направлены на своевременное и эффективное реагирование на новые вызовы и угрозы национальной безопасности государства. Одновременно их нормы конкретизируют положения других актов стратегического планирования, в частности Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и др.

Перечисление в Основах идей и ценностей, чуждых российскому народу, субъектов, от которых исходит угроза традиционным ценностям, позволяет более оперативно реагировать на их проявления в обществе. Вместе с тем необходим сбалансированный разумный подход к оценкам угроз и вызовов, так как духовная сфера является очень тонкой материей, и идентификация чуждых идей и ценностей имеет характер усмотрения, что может привести к перегибам в проводимой политике по сохранению традиционных ценностей.

Действующий документ расширяет государственное регулирование идеологической сферы, устанавливая определенные правила по формированию традиционных российских ценностей, что не в полной мере согласуется со ст. 13 Конституции РФ о признании идеологического многообразия.

Идеология — это собрание высших ценностей-идеалов, формирующее представление о добре и зле, о смысле жизни. Ф. М. Достоевский писал, что без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация [1]. Соответственно, каждое государство имеет идеологическую составляющую, что находит закрепление в конституции и законодательных актах государства. Принятие данного документа свидетельствует о направленности страны на формирование идеологии, содержащей высокие

нравственные установки, позволяющие противостоять деструктивным идеологическим течениям. В этом ключе принятие Основ выступает идеологической составляющей общества.

Значимую роль в развитии российских ценностей сыграла земельная крестьянская община. Государство большую часть времени было вынуждено функционировать в условиях военного противостояния, что вело к формированию определенных качеств индивидов, при которых интересы и потребности общины ставились выше интересов отдельного члена общины, что способствовало развитию общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны и определяло всю систему нормативно установленных традиционных российских ценностей, к числу которых относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России.

Анализ ценностей позволяет сделать вывод, что часть из них закреплена в законодательстве. Например, в поправках к Конституции РФ 2020 г., применительно к семейным ценностям, появилось положение о браке как союзе мужчины и женщины, расширены нормы о защите детства и материнства. Государство создает условия, способствующие поддержке семей, всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, усиливает их охрану посредством совершенствования семейного законодательства, применения норм КоАП РФ и УК РФ в случае выявления правонарушений в этой области.

Вместе с тем некоторые из обозначенных в Основах традиционных ценностей, являясь категорией нравственной, имеющей социально-философский смысл, не получили необходимого правового закрепления. В современных условиях преемственность в развитии государственных институтов и традиционных российских ценностей направлена на достижение и сохранение единства многонационального государства.

Список источников

1. URL: <https://ru.citaty.net> (дата обращения: 17.10.2022).

А. В. Быков

Трансформация конституционного регулирования субъектного состава РСФСР

Формирование советской государственности положило начало развитию федеративных отношений, ранее неизвестных, поскольку Российская империя являлась унитарным государством, единым и неделимым.

В статье 10 первой советской Конституции РСФСР, принятой Пятым Всероссийским съездом Советов, государство определяется как «свободное социалистическое общество всех трудящихся. Вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах. При этом ожидаемого четкого раскрытия вопроса о субъектах федерации мы не видим. В статье 11 говорится о праве объединения областей с особым бытом и национальным составом в автономные союзы во главе с областными съездами советов. Эти автономные областные союзы входят в РСФСР на началах федерации. Таким образом, возникает вопрос о субъектном составе федерации.

В. И. Ленин признавал необходимость пойти на создание федерации ради привлечения национальных окраин к союзу с Россией. Однако основой пролетарского государства виделась диктатура пролетариата, основанная на централизме.

Статус советов как носителей власти и основы государства был закреплён в Конституции РСФСР 1918 г., ст. 1 которой гласила: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам». Советы были выразителями диктатуры пролетариата. Они выступали представителями народа и выражали волю народа на местах и в масштабе всей страны. В этом качестве советы обладали первоначально широкими полномочиями.

Можно сделать вывод, что федерация изначально понималась как свободный союз советов (коммун), среди которых выделялись особые территории, образованные по национальному признаку.

При этом в Конституции РСФСР 1918 г. нет понятия «автономная советская республика». Федерализм на основе национальных автономий, очевидно, рассматривался как временное, связанное с текущим моментом, явление, истинный федерализм — это свободное объединение всего трудящегося народа в лице создаваемых им советов.

Конституция РСФСР 1937 г. не раскрывает сущности федеративного устройства, ст. 14 содержит перечень краев, областей автономных республик, автономных областей, из которых состоит РСФСР. Статья 13 закрепляет право образования автономных республик. При этом о статусе остальных территорий ничего не говорится. Положения главы 4 «Об автономных советских социалистических республиках и областях» и главы 5 «О местной власти» демонстрируют отличия в статусе автономных республик и иных территорий, в частности, автономные республики обладали правом формирования собственных советов народных комиссариатов (ст. 47), ст. 48 закрепляет за центральными исполнительными комитетами автономных республик законодательные полномочия в пределах автономных республик. Местные органы власти (съезды советов краев, областей, губерний, советы, их исполнительные комитеты) подобными полномочиями не обладали. Их решения (постановления) могли быть отменены вышестоящими съездами советов.

Таким образом, можно говорить о формировании неравнозначного положения территорий, входящих в состав РСФСР. Фактически речь может идти о сочетании федерализма в лице автономных советских социалистических республик с фактическим полуунитаризмом в отношении иных территорий. Формально их объединяло главенство советов как органов власти на местах, но практически местные советы все более утрачивали свою самостоятельную роль. Основой государственных отношений становится главенство центральных органов власти с верховным доминированием партийного руководства.

А. А. Вичева

Влияние цифровизации на избирательный процесс в Российской Федерации

Современное развитие цифровых технологий способствует их проникновению во все сферы общественных отношений. Их внедрение в избирательный процесс РФ осуществляется стремительно, что влечет изменение действующего избирательного законодательства.

Знаковым в процессе цифровизации является Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». Данный

нормативный акт не только закрепил на федеральном уровне понятие «дистанционное электронное голосование», но и предусмотрел ключевые принципы его проведения в одномандатном избирательном округе Москвы. По данным московского департамента информационных технологий, на выборах электронные бюллетени получили 10,4 тыс. избирателей, проголосовали 87,4% граждан, явка на такой вид голосования составила 92,3%.

В дальнейшем дистанционный формат голосования использовался и при проведении других форм волеизъявления граждан — Общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ, выборов депутатов Государственной Думы седьмого созыва, а в 2022 году — выборов высших должностных лиц Калининградской, Новгородской, Томской, Ярославской областей, в г. Калуге, выборов депутатов Калуги, Курска, Пскова. Примечательно, что в списки участников такого вида голосования было включено 110 тыс. избирателей (самостоятельно подали заявление через портал Госуслуг), 86% из которых проголосовали.

Следует отметить, что дистанционный формат голосования при осуществлении форм народовластия в России показал свои преимущества не только в условиях санитарно-эпидемиологических (ковидных) ограничений, но и способствовал активизации политической сознательности граждан. Это, как представляется, послужило причиной включения в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон № 67) статьи 64.1 «Дистанционное электронное голосование». Ее анализ позволяет сделать вывод, что рассматриваемая форма голосования может проводиться по решению соответствующей избирательной комиссии при проведении выборов и референдумов всех уровней одновременно с традиционной формой. Это соотносится с позицией Центральной избирательной комиссии РФ (далее — ЦИК), считающей, что внедрение новых технологий ни в коем случае не отменяет традиционные процедуры, а лишь гармоничным образом дополняет их, делает более удобными для избирателей.

Однако возможность одновременного применения различных форм голосования спровоцировало проблему многократности использования бюллетеней. Так, гражданин может проголосовать дистанционно, после чего прийти на избирательный участок и заполнить бумажный бюллетень. Для решения данной проблемы Министерство

цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (далее — Минцифры) разработало специальный алгоритм («Антипровокатор» или «Стоп-дубль»), суть которого заключается в том, что каждого избирателя можно зашифровать — первые две буквы имени, фамилии, отчества, дата рождения и последние четыре цифры номера паспорта создают уникальный код. По словам главы ЦИК, в 2021 г. эта система позволила предупредить несколько попыток двойного голосования на избирательных участках за пределами РФ. С помощью этой технологии выявлена «электоральная рецидивистка» Юлия Ильинская, проголосовавшая дистанционно по российскому паспорту на выборах в Москве и по загранпаспорту на участке в Ашдоде (на нее заведено уголовное дело). ЦИК планирует совместно с Минцифры, Ростелекомом и иными заинтересованными субъектами доработать систему предотвращения двойного голосования до 2024 г.

Активно внедряются также цифровые технологии для избирателей, к которым можно отнести сервисы целевого адресного информирования, различного информирования на сайте ЦИК РФ, подачи заявлений, сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов или списков кандидатов. Возможность использования цифровых сервисов представлена на сайте ЦИК, а также в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Так, Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Закон № 67 дополнен пунктами 16.1–16.9, которые предусматривают особенности дистанционного сбора подписей избирателей. Как отмечают в ЦИК, эти подписи, все без исключения, признаются действительными, подделать подпись нельзя. Как представляется, использование данного цифрового сервиса способствует упрощению реализации пассивного избирательного права.

В завершение подчеркнем, что в избирательный процесс РФ активно и самое главное продуктивно внедряются цифровые технологии. Они затрагивают саму избирательную процедуру, делая ее более доступной, изменяют порядок реализации активного и пассивного избирательного права, чем расширяют возможности вовлечения населения в демократические способы формирования органов публичной власти.

О. В. Волчкевич

Реализация конституционно-правовых норм о прекращении гражданства: состояние и перспективы

Изменения, происходящие в политической, социальной сферах жизни страны, с учетом общемировых миграционных и экономических процессов, оказывают влияние на внесение изменений и дополнений в законодательство о гражданстве.

В целях эффективного противодействия возникающим рискам и угрозам национальной безопасности государств существует необходимость регламентации общественных отношений, связанных с прекращением гражданства лиц, которые участвовали в террористической или другой экстремистской деятельности с причинением тяжкого вреда интересам государства.

Гражданство определяется как устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности. Гражданство выступает неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета.

По мнению В. Я. Кикотя, гражданство — это особое политико-правовое состояние человека, представляющее собой общую, непрерывную и устойчивую связь его с государством, вследствие чего лицо получает возможность пользоваться всеми установленными законом правами, а также обязано выполнять определенные обязанности [1, с. 93].

В связи с этим представляется, что гражданство проявляется как взаимоотношение между государством и лицом, которое находится под его властью, в результате чего государство наделяет гражданина правами и защищает его, а гражданин, в свою очередь, соблюдает законы этого государства и, безусловно, выполняет установленные обязанности.

Суверенное государство правомочно устанавливать в законодательстве любые основания прекращения гражданства, не противоречащие конституции.

Для определения понятия «прекращение гражданства» обратимся к энциклопедическому словарю конституционного права РФ. Прекращение гражданства Российской Федерации — это прекращение правовой связи лица с Российским государством на основании решений и действий компетентных государственных органов и должностных лиц [2].

Прекращение гражданства — это отсутствие правовой связи человека с государством в результате выхода, лишения или утраты лицом гражданства государства с одновременным обретением (сохранением) им статуса иностранного гражданина или лица без гражданства.

В Республике Беларусь (далее — РБ) натурализованный гражданин, достигший 18-летнего возраста, может утратить гражданство в связи с наличием вступивших в законную силу приговора суда РБ, судебного решения по уголовному делу иностранного государства, приговора или иного решения международного трибунала (суда), смешанного трибунала (суда), подтверждающих участие этого лица в экстремистской деятельности или причинении им тяжкого вреда интересам РБ.

Конституционный Суд РБ полагает, что устанавливаемая законодательная регламентация является правомерной, распространяется на лиц, причиняющих тяжкий вред жизненно важным интересам личности, общества и государства. Устанавливаемое правовое регулирование отвечает требованию ч. 1 ст. 59 Конституции РБ, обязывающему государство принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан РБ, предусмотренных Конституцией.

Международными нормативными правовыми актами установлено, что никто не может быть произвольно лишен своего гражданства (п. 2 ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, п. «с» ч. 1 ст. 4 Европейской конвенции о гражданстве от 6 ноября 1997 г.).

Лишение гражданства — это форма прекращения гражданства за действия, противоречащие интересам государства. Хотелось бы отметить, что условия лишения гражданства содержались в Законе от 23 мая 1990 г. № 1518-I «О гражданстве СССР», закрепляющем в ч. 3 ст. 20 институт лишения гражданства. В соответствии со ст. 23 лишение гражданства осуществляется «в исключительном случае в отношении лица, проживающего за границей, если оно совершило действия, наносящие существенный ущерб государственным интересам или государственной безопасности СССР».

Лишение гражданства как форма прекращения гражданства запрещено Конституцией РФ и Конституцией РБ. Однако конституционный опыт указывает на возможность лишения гражданства в других государствах. В Конституции Республики Казахстан предусмотрены основания для лишения гражданства (ч. 2 ст. 10). В Конституции Киргизской Республики ст. 13 регламентирует лишение гражданства. Лишение гражданства предусмотрено законодательством Республики Армения (ст. 25 Закона Республики Армения «О гражданстве Республики Армения» 2007 г.); Греции (ч. 3 ст. 4 Закона «Об утверждении Кодекса о гражданстве Греции» 2004 г.); Республики Таджикистан (п. «г» ч. 1 ст. 27 Конституционного Закона «О гражданстве Республики Таджикистан» 2015 г.).

Хотелось бы отметить, что в Российской Федерации проектом Федерального закона № 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации», который рассмотрен Государственной Думой 5 апреля 2022 г. и принят в первом чтении, совершение тяжкого преступления против государства, а также преступления в сфере оборота наркотических средств предусматривается в качестве самостоятельного основания для прекращения гражданства.

С 15 марта 2022 г. вступило в силу изменение ч. 4 ст. 10 Конституции РБ, которым, в соответствии с принципом системности нормативных правовых актов, введена норма о том, что приобретение и прекращение гражданства осуществляются в соответствии с законом. Указанное изменение и нормы закона позволяют устанавливать новые основания прекращения гражданства в закон. В настоящее время основаниями прекращения гражданства РБ являются выход из гражданства и утрата гражданства.

При поступлении лица на воинскую службу, службу в полицию, органы безопасности, юстиции или иные государственные органы иностранного государства; по заявлению родителей (единственного родителя) в отношении ребенка, приобретшего по рождению наряду с гражданством иностранного государства; по основаниям, предусмотренным международными договорами РБ, утрачивается гражданство РБ. Однако в данных случаях нет общественной опасности в действиях лица, утрачивающего гражданство, и утратить его может гражданин РБ, который приобрел гражданство по рождению.

Если при указанных способах утраты у лица нет умысла на причинение вреда национальной безопасности государства, то в результате совершения действий, предусмотренных ч. 2 ст. 19 Закона, лицо умышленно причиняет вред Беларуси и существованию государства. В данном случае натурализованный гражданин совершает преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления, против государства, порядка управления и правосудия, здоровья населения.

Полагаем, что рассматриваемые в системном единстве положения ч. 4 ст. 10 и п. 17 ст. 84 Конституции, а также учет правовой природы существующих оснований и условий прекращения гражданства, позволяют вести речь о нормативном дифференцировании оснований прекращения гражданства, в частности для граждан, совершивших преступления, связанные с экстремистской деятельностью либо причинением тяжкого вреда интересам Республики Беларусь. Например, в зарубежной практике такие альтернативные основания для прекращения гражданства имену-

ются денатурализацией (США), расторжением, аннулированием (Канада — за иммиграционное мошенничество и терроризм), прерыванием, ликвидацией, отзывом гражданства.

Таким образом, предлагаем исключить из ст. 19 часть 2 и ввести отдельную ст. 19–1, регламентирующую дополнительное основание прекращения гражданства (отзыв) в связи с наличием вступившего в законную силу приговора суда Республики Беларусь, судебного решения по уголовному делу иностранного государства, приговора или иного решения международного трибунала (суда), смешанного трибунала (суда), подтверждающих участие этого лица в экстремистской деятельности или причинение им тяжкого вреда интересам Республики Беларусь.

Прекращение гражданства по данному основанию (отзыв) будет способствовать осуществлению процедуры высылки, экстрадиции денатурализованных граждан после отбытия ими наказания, а также установлению им запрета въезда на территорию Республики Беларусь и ограничению избирательных прав.

Список источников

1. *Российское гражданство* : учеб. пособие / под ред. В. Я. Кикотя, Н. М. Смородина. 4-е из. перераб. и доп. М., 2010.

2. URL:<https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline> (дата обращения: 11.10.2022).

Н. С. Груднин

Перспективы развития российского конституционализма на современном этапе

Конституция является ядром конституционализма — системы общественно-политических отношений, в рамках которой реализуется конституционный строй, гарантируются права и свободы человека и гражданина, регулируется взаимодействие органов публичной власти и институтов гражданского общества. От того, насколько реальна и эффективна Конституция, от степени ее авторитета в глазах граждан, зависят стабильность конституционного развития государства и значимость конституционализма в процессе развития государственно-правовых отношений.

Необходимо отметить, что почти за 30 лет своего существования действующая Конституция РФ сыграла важную роль в развитии основ конституционного строя, построении системы признания и уважения прав и свобод человека и гражданина, формировании государственной

правовой культуры. Наконец, самое главное, Конституция РФ 1993 г. обеспечила стабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране, гражданского мира и стабильности. Именно благодаря Конституции, демократические ценности, идеи и принципы правового социального государства стали реальностью, перешедшей в практическую плоскость конституционализма. Конституционализм в России прошел начальный путь своего становления, и многие положения Конституции 1993 г. (особенно права и свободы человека и гражданина) воспринимаются гражданами страны не как формальная декларация, а как реальное завоевание и важнейшая ценность, обеспечивающие поступательное развитие государства и общества.

Становление конституционализма в современной России продолжается и сегодня: отечественный конституционализм все активнее развивает свой социальный вектор, совершенствует систему разделения властей, укрепляет правовую культуру и самосознание внутри многонационального российского общества. Вместе с тем говорить о том, что российский конституционализм окончательно сложился и укоренился, пока не представляется возможным. Причина тому — наличие ряда застарелых проблем внутри российского общества и организации системы публичной власти. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Во-первых, необходимо отметить отсутствие системы гарантий для полноценной реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина на конституционном уровне. Представляется, что в Конституции 1993 г. законодательное закрепление основных прав и свобод человека и гражданина находится на довольно высоком уровне. Этот факт позволил Российской Федерации сделать значительный шаг вперед в построении социально-правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Однако при этом сама Конституция лишь в общих чертах описывает механизм и институты защиты прав человека. Безусловно, это можно считать упущением разработчиков текста Конституции, препятствующим эффективной защите прав человека в России и мешающим полноценному развитию конституционализма. Полагаем, что в целях укрепления конституционализма и демократической природы российской государственности Конституция 1993 г. могла бы быть дополнена следующим положением: «Каждому, находящемуся на территории Российской Федерации, гарантируется право на самозащиту, государственную и международную защиту прав и свобод. Государство обязано оказывать гражданам Российской Федерации помощь в защите их основных прав и свобод при обращении в национальные и межгосу-

дарственные органы по защите прав и свобод человека». Думается, что в перспективе можно было бы подумать о включении в содержание Конституции новой главы «Механизм реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина».

Во-вторых, следует назвать неразвитость политических партий и их недостаточное влияние на развитие системы разделения властей в России. Как известно, в России утвердилась многопартийная система, однако по ряду причин наибольшим доверием у населения пользуются всего лишь несколько партий, среди которых «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР. Очевидно, что политические партии как ключевые элементы современной системы народного представительства укрепляют взаимосвязь государства и его граждан: развитая партийная система, в свою очередь, способствует развитию конституционализма.

В-третьих, необходимым направлением укрепления российского конституционализма выступает формирование политической и electoralной культуры граждан страны. Безусловно, развитый конституционализм предполагает активное участие граждан в политической жизни страны. Оно необязательно должно быть каждодневным, но в наиболее важные моменты жизни страны граждане обязаны участвовать (в определенных пределах) в обсуждении и принятии решений.

В-четвертых, важнейшим направлением становления российского конституционализма является сохранение исторической памяти, а также укрепление идеологии патриотизма в обществе. Очевидно, что первые шаги уже были сделаны в ходе конституционной реформы 2020 г. Определенные подвижки в этом вопросе вызваны самим временем: в 2022 г. стало понятно, что национальная идентичность любого государства невозможна без учета исторических и культурных традиций, укрепления идеологии патриотизма и воспитания молодых граждан страны на основе достижений прошлого.

Резюмируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что развитый конституционализм опирается на эффективную и признаваемую обществом Конституцию, но при этом он невозможен без постоянного живого диалога между государством и гражданским обществом. России как демократическому правовому государству удалось сформировать основы конституционализма. Его дальнейший прогресс будет зависеть от механизма реализации и защиты прав и свобод человека, развития партийной и избирательной систем, укрепления идеологии патриотизма, знания и уважения многовековой истории страны, ее военных побед и подвигов рядовых граждан.

Т. Е. Грязнова

Принципы конституционализма в учении Ф. Ф. Кокошкина

Принципы конституционализма, как и сам конституционализм, с конца XVIII в. прочно обосновавшиеся в теории и практике континентальной Европы и США, ничуть не утратили своей актуальности и научной привлекательности и в начале XX в. Составляя основу господствующей либеральной идеологии, они лишь усилили свою значимость в результате трансформации самодержавия в дуалистическую монархию, став неотъемлемой составляющей моделируемых правовых идеалов будущего России.

В отличие от большинства отечественных юристов (А. Д. Градовского, В. М. Гессена, Н. И. Лазаревского, Н. И. Палиенко, С. А. Котляревского и др.), Ф. Ф. Кокошкин был не склонен дистанцировать государство правовое от конституционного. «Конституционное государство есть практическое осуществление идеи правового государства» [1, с. 222], — писал он.

Конституционным, согласно Ф. Ф. Кокошкину, можно считать государство, которое свои отношения с подданными строит исключительно на основе права, будучи связанным необходимостью соблюдения законодательно закрепленных прав индивидов. Являясь одновременно и фактором правообразования, и субъектом права, государство в лице своих властных и управленческих структур объективно нуждается в ограничении, гарантом которого и выступает конституция. Неслучайно последняя трактуется автором как совокупность гарантий, обеспечивающих подчиненное положение государства по отношению к праву [1, с. 222–223].

В качестве основных гарантий, именуемых принципами конституционного государства, Ф. Ф. Кокошкин называл: «1) участие народа или народных представителей в законодательстве; 2) разделение властей» [1, с. 224]. Обосновывая исключительную значимость соответствия юридических норм народному правосознанию, он писал: «Необходимость для издания законов согласия выборных представителей населения есть тот минимум участия народа в законодательстве, без которого государство не может быть признано конституционным» [1, с. 224].

Что касается разделения властей, то его реализация возможна лишь посредством целого ряда дополнительных гарантий, получивших в современной юриспруденции наименование системы сдержек и противовесов. Так, возможный деспотизм со стороны законодательной власти будет предотвращен ее осуществлением одновременно несколькими органами (двухпалатным законодательным собранием и правом вето главы

государства); сочетанием институтов прямой и представительной демократии; наличием основных законов, огражденных, по сравнению с законами обыкновенными, усложненной процедурой изменения; наличием органов конституционного надзора. Применительно к исполнительной власти, сдерживающими факторами, гарантирующими защиту от правонарушений, Ф. Ф. Кокошкин считает право народного представительства определять бюджет и численность армии; ответственность министров перед народным представительством; право судебной власти проверять законность распоряжений правительства; наличие административной юстиции. Независимость судебной власти и ее функционирование в соответствии с общественным правосознанием будут обеспечены, по мнению автора, несменяемостью судей, наличием суда присяжных и права помилования у главы исполнительной власти.

Реализация вышеназванных конституционных принципов, как свидетельствует история, может иметь место как в монархических, так и в республиканских формах правления, объединяемых также принципом демократизма, ставшего неотъемлемой составляющей современных правовых систем в связи с ростом общественного правосознания и правовой культуры граждан, их стремлением стать полноправными участниками политической жизни страны. Не случайно автор подчеркивал: «Создание конституционного государства есть продукт процесса рационализации власти, который идет рука об руку с процессом ее демократизации. Конституционный строй предполагает известную степень сознательности населения в отношении его к государству и сам, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию этой сознательности» [2, с. 218].

Рассматривая принципы конституционализма в качестве магистральных идейных ориентиров развития правовых систем просвещенных народов, Ф. Ф. Кокошкин, в русле либеральной традиции, был убежден в их определяющем значении и для будущего России [3, с. 81], вступившей на путь реформ в период событий 1905 г.

Список источников

1. *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. 2-е изд. М., 1912.
2. *Русское государственное право.* В связи с основными началами общего государственного права : конспект лекций, составленный слушателем Н. Невзоровым / под ред. Ф. Ф. Кокошкина. Симферополь, 1918.
3. *Кокошкин Ф. Ф.* Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906.

В. А. Гусев

Право человека на неприкосновенность частной жизни и обязанность государства обеспечить общественную безопасность

Каждый человек имеет конституционное право на неприкосновенность своей частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). При этом в соответствии с п. 1 ст. 150 Гражданского кодекса РФ неприкосновенность частной жизни является неотчуждаемым нематериальным благом, принадлежащим гражданину. Право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера [1].

Сущность и содержание понятия «частная жизнь» законодательно не определены, поэтому в юридической научной литературе существует большое количество определений частной жизни. Следует отметить, что большинство ученых трактует ее весьма широко, предполагая, что частная жизнь — это личное пространство отдельного индивидуума. При таком подходе к частной жизни можно отнести образ мыслей, предпочтения, увлечения, убеждения, привычки и иные аспекты жизнедеятельности человека, которые охватывают все сферы семейной, бытовой, имущественной, культурной жизни, родственных и дружественных связей, домашнего уклада, личных отношений. В том числе к сведениям о частной жизни гражданина, которые являются тайной, относится информация, позволяющая идентифицировать соответствующего гражданина (имя, изображение, адрес места жительства, контактные данные, дата и место рождения, национальная принадлежность и т. д.), составляющая личную, семейную и иную тайну данного гражданина (например, налоговую тайну — сведения о доходах, имуществе, размере уплаченных налогов; медицинскую тайну и т. д.), информация о коммуникациях гражданина (в том числе о его переписке, телефонных переговорах и т. д.), о передвижении гражданина по территории страны и мира [2].

В части 1 ст. 24 Конституции РФ предусмотрен базис механизма реализации данного права, который запрещает сбор и использование информации о частной жизни лица без его согласия. В то же время защита прав и свобод человека и гражданина закреплена в ст. 2 Конституции РФ как обязанность государства. Кроме того, в ведении российского государства

и его субъектов находится обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Очевидно, что реализация права на неприкосновенность частной жизни отдельно индивидуума может вступить в конфликт с интересами общества при его посягательстве на жизнь, здоровье и собственность других граждан. В этом случае государство обязано защитить права этих граждан и обеспечить общественную безопасность, ограничив при этом право на неприкосновенность частной жизни самого нарушителя.

В развитие данной идеи в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотрено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты прав и законных интересов других лиц и безопасности государства, но только в той мере, в какой это необходимо для достижения указанных целей. Это конституционное положение полностью соответствует ч. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.): «не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Как отметил в своем определении Конституционный Суд РФ, право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о себе, сохранять в тайне от посторонних сведения личного, интимного характера. Вместе с тем в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая касается только его и не подлежит контролю со стороны государства, если она носит непротивоправный характер. Лицо, имеющее умысел на совершение тяжких преступлений, должно предполагать, что в результате оно может быть лишено свободы и ограничено в правах, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни [3].

Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни не идеально, и несмотря на то что относится к естественным правам человека, может быть ограничено органами государственной власти в интересах подавляющего большинства общества. Более того, государство по своей сути призвано защищать права, свободы и законные интересы общества, которое наделило его этой обязанностью. В связи с этим государственные

правоохранительные органы обладают полномочиями ограничивать право отдельных граждан на неприкосновенность их частной жизни, в том числе в рамках оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования, когда вина таких граждан не установлена и не доказана в судебном порядке. Данное обстоятельство свидетельствует о несомненном приоритете интересов общества и превосходстве обязанности государства в обеспечении общественной безопасности над правом человека на неприкосновенность частной жизни.

Список источников

1. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О.

2. *Сперанская Л. В.* Право на неприкосновенность частной жизни. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О.

И. В. Данькова

Конституционные права и свободы несовершеннолетних: особенности реализации на примере Республики Беларусь

Права и свободы ребенка являются неотъемлемой частью его жизни во взаимодействии с другими членами общества. Они призваны упорядочить отношения ребенка со взрослыми, смягчить возникающие между ними противоречия и конфликты. Согласно Конституции Республики Беларусь (далее — РБ) каждому от рождения принадлежит неотчуждаемый набор основных прав и свобод, составляющий единую систему, в которой выделяются их различные виды, в зависимости от определенных критериев.

Конституция провозгласила человека (в том числе и ребенка) и его жизнь высшей ценностью общества и государства. Право на жизнь обеспечивается рядом конституционных гарантий, а также политикой государства, направленной на разрешение конфликтов мирным путем без

применения оружия, борьбу с правонарушениями против личности. А на основании ст. 4 Закона «О правах ребенка» государство защищает жизнь ребенка от любых противоправных посягательств, не допускает применения смертной казни и пожизненного заключения в отношении детей [1; 2].

С правом на жизнь достаточно тесно связано право на достойные условия жизни, которые призваны обеспечить полноценное физическое, умственное и духовное развитие ребенка. Родители, воспитывая детей, обязаны заботиться об их здоровье, приобщать к посильному труду и готовить их к самостоятельной взрослой жизни. В благополучной семье у здоровых родителей дети, как правило, не нуждаются в какой-либо дополнительной защите. Сама семейная обстановка оберегает их, обеспечивает нормальную жизнедеятельность и развитие. Распад семьи — явление негативное и, защищая права детей, законодательство в качестве неперемennого условия ставит рассмотрение дел о расторжении брака только в суде, где учитываются интересы детей [1].

Право на жизнь в семье предусматривает возможность ребенка жить в кругу родителей и других родственников, где он получает равную заботу и внимание от всех членов семьи. В случае раздельного проживания родителей ребенок по достижении 10 лет вправе выбрать, с кем из них он будет проживать. В данной ситуации государство выполняет лишь охранительную функцию, оберегая семью от внешних посягательств. В отношении ребенка, оставшегося без попечения родителей, государство в лице органов опеки и попечительства обязано предпринять все меры по устройству ребенка на воспитание в замещающую семью [3].

Право на материальное обеспечение ребенка закреплено ст. 21 Конституции РБ, ст. 8 Закона РБ «О правах ребенка», ст. 191 Кодекса РБ о браке и семье, на основании которых каждый ребенок имеет право на такое материальное обеспечение, которое необходимо для его полноценного развития, реализации талантов, получения образования в целях воспитания достойного члена общества. Каждый ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей, которые часть своего дохода тратят на удовлетворение необходимых потребностей своего ребенка, исполняя тем самым обязанность по его содержанию. К источникам содержания ребенка также относятся и причитающиеся ему алименты, различного рода пособия и пенсии. Однако поступают эти выплаты в распоряжение законных представителей, обязанных расходовать их исключительно на детей.

В соответствии со ст. 5 Закона РБ «О правах ребенка» и ч. 4 ст. 184 Кодекса РБ о браке и семье все дети имеют неотъемлемое право на охрану здоровья, что гарантирует бесплатную медицинскую помощь, диспансерное наблюдение и санаторно-курортное лечение. В рамках реализации данного права введен запрет на участие несовершеннолетних в проведении клинических испытаний лекарственных средств, за исключением случаев, когда исследуемое лекарственное средство предназначено только для лечения детских заболеваний или когда целью испытаний является определение дозы или режима приема лекарственного средства для детей, при условии, что оно уже прошло предварительное испытание на взрослых пациентах.

Право на образование в РБ обеспечивается доступностью информации и материалов профессиональной подготовки, бесплатностью и доступностью начального образования, различных форм среднего образования, как общего, так и профессионально-технического. Особого внимания заслуживает проблема обучения детей-инвалидов на дому, которые по состоянию здоровья не могут посещать учреждения образования [1].

На основании ст. 41 Конституции РБ и ст. 24 Закона РБ «О правах ребенка» каждый ребенок имеет право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии со способностями, образованием и с учетом общественных потребностей. По достижении 16 лет (а с письменного согласия одного из родителей — с 14 лет) дети имеют право на самостоятельную трудовую деятельность. Вместе с тем Правительством РБ утвержден список запрещенных для несовершеннолетних работ.

Согласно ст. 43 Конституции РБ, ст. 187 Кодекса РБ о браке и семье каждый ребенок имеет право на отдых и досуг. Несовершеннолетнему работнику предоставляется ежедневный и еженедельный отдых. В соответствии со ст. 277 Трудового кодекса РБ трудовые отпуска работникам моложе 18 лет предоставляются до истечения 6 месяцев работы продолжительностью 30 календарных дней в летнее время или, по их желанию, в любое время года [4]. Кроме того, указанное право предполагает возможность выбора внешкольных занятий, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях с учетом возраста. Особенно важное значение имеет приобщение детей к культурной жизни при поддержке и развитии сети специальных учреждений и организаций, сохранении бесплатности услуг библиотек.

Закон гарантирует каждому ребенку право на свободу личности, поэтому законным представителям запрещается принуждать детей к исповеданию какой-либо религии, а учреждения образования не вправе обязывать учащихся посещать факультативы религиозного содержания. Что касается участия ребенка в деятельности детских общественных организаций, в мирных собраниях, демонстрациях, шествиях, то в Республике Беларусь в целях социального становления и самореализации детей и молодежи в общественной жизни осуществляется государственная поддержка детских и молодежных общественных объединений [1].

Каждый ребенок имеет право на защиту своей личности, чести и достоинства, за посягательство на которые виновные лица понесут юридическую ответственность. Однако необходимо отметить, что по сути данное право ограничивается законными представителями, степень вмешательства которых определить в законодательном порядке невозможно. А потому на основании ст. 189 Кодекса РБ о браке и семье ребенок самостоятельно может обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссию по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а с 14 лет — в суд [3].

Таким образом, в Республике Беларусь конституционные права ребенка закреплены не только в Основном законе, но и в других нормативных правовых актах. В процессе реализации прав и свобод дети, конечно же, не самостоятельны, их действия ограничиваются и контролируются законными представителями. В связи с этим крайне важно, чтобы взрослые не злоупотребляли своими правами по отношению к детям.

Список источников

1. *Конституция* Республики Беларусь. URL: <https://normativnyedocumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 17.10.2022).
2. *О правах ребенка* : закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII. URL: https://etalon.by/document/?regnum=v19302570&q_id+8266463 (дата обращения: 17.10.2022).
3. *Кодекс* Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г., № 278-3. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=kh99002788_id=8266503 (дата обращения: 17.10.2022).
4. *Трудовой кодекс* Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3. URL: https://belzakon.net/кодексы/Трудовой_Кодекс_РБ (дата обращения: 17.10.2022).

Г. В. Елисеева

Проблемы реализации государством международно-правовых обязательств по защите прав и свобод человека

На основании ч. 3 ст. 46 Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Граждане РФ активно пользовались возможностью отстаивать и защищать свои права в том числе в Европейском суде по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Согласно официальной статистике, опубликованной ЕСПЧ по данным на 31 октября 2022 г., ЕСПЧ принял к своему производству 75 350 жалоб за год, при этом 17 050 из них были поданы гражданами России, что составляет 22,6% от их общего числа. Больше количество поступило только в отношении Турецкой Республики — 19 850 жалоб. При этом ЕСПЧ обязывал Россию выплачивать заявителям жалоб против нее компенсации, которые в общем размере составляли около 15 000 000 евро ежегодно, а в 2019 г. сумма превысила 28 500 000 евро.

Несмотря на всю важность и объем работы, осуществляемой ЕСПЧ по защите нарушенных прав граждан РФ, 11 июня 2022 г. был принят Федеральный закон № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — Закон № 183-ФЗ), многие положения которого вступили в силу со дня его опубликования. Исходя из пояснительной записки, принятие закона стало необходимым в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы, вызванного применением в отношении России в одностороннем порядке формально-принудительного механизма прекращения членства на основании якобы несоблюдения ценностей Совета Европы.

В статье 7 Закона № 183-ФЗ указано, что постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению РФ.

Таким образом, принятием данного закона отечественный законодатель фактически отказался от признания силы судебных постановлений, изданных главным органом по защите прав человека в современной Европе. В настоящее время отсутствует юридический запрет на обращения граждан России в ЕСПЧ, однако Закон № 183-ФЗ сделал данную процеду-

ру бессмысленной ввиду прямого запрета на исполнение решений ЕСПЧ на территории РФ.

Указанный аспект безусловно является самой важной и актуальной проблемой реализации Российской Федерацией международно-правовых обязательств по защите прав и свобод человека.

В связи с действующим запретом на исполнение решений ЕСПЧ на территории РФ необходимым шагом видится существенное изменение и улучшение всей системы защиты прав и свобод гражданина на территории России. Подобная система в любом случае должна стремиться к полной самостоятельности и автономии, что в итоге должно привести к нецелесообразности существования международно-правовых органов по защите прав и свобод человека как таковых в связи с тем, что все права и свободы человека смогут эффективно защищаться внутригосударственными методами.

При этом очевиден факт того, что, к сожалению, нынешняя правовая система Российской Федерации далека от совершенства во многих аспектах, в том числе и в реализации закрепленных конституционных прав и свобод граждан. Р. А. Ниматулаева [1, с. 54] отмечает, что многие статьи Конституции РФ не исполняются в должной мере. В качестве примеров можно привести нормы о разделении властей, о праве собираться мирно, а также отсутствие главы об избирательной системе и др.

Представляется, что по причине отказа от исполнения решений ЕСПЧ российская правовая система должна претерпеть существенные изменения. Считаем, что первым шагом будет реформирование Конституционного Суда РФ, который в настоящее время фактически призван осуществлять функции ЕСПЧ на территории России. Это выступает одновременно и нелегким бременем, и большой ответственностью.

Одним из важнейших шагов в данном направлении должно стать формирование отдельной коллегии по жалобам на нарушения прав и свобод граждан при Конституционном Суде РФ. Полагаем, что в компетенцию данного органа должно входить рассмотрение конкретных дел, выявление факта наличия или отсутствия нарушения прав гражданина в каждом конкретном случае, а не установление соответствия определенной нормы права Конституции РФ.

На наш взгляд, создание подобного органа станет первым шагом к улучшению и укреплению правовой системы нашего государства и способствует более полному и всестороннему рассмотрению жалоб граждан России на нарушение их прав и свобод.

Список источников

1. *Ниматулаева Р. А.* Некоторые проблемы реализации Конституции Российской Федерации на современном этапе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 40. № 4.

А. В. Жиляев

Текущее состояние и перспективы развития территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации

Текущий этап реформы территориальных основ местного самоуправления начался в Российской Федерации в 2019 г. после введения в отечественную практику нового вида муниципальных образований — муниципальный округов. Четыре субъекта РФ (Пермский и Приморский края, Кемеровская и Тверская области) первыми отреагировали на новеллы законодателя, и к концу года на их территориях было образовано 33 таких муниципальных образования. Впоследствии процесс создания данных округов продолжился: на начало 2021 г. в России их было уже 100, а на начало 2022 г. — 180. Поскольку окончательных данных за 2022 г. еще нет, ограничимся анализом промежуточных результатов реформы на основе имеющейся информации.

Первый вывод, который можно сделать по итогам обобщения существующей статистики, заключается в том, что распределение новых муниципалитетов в нашей стране происходит неравномерно. Среди федеральных округов безусловным лидером по их числу является Приволжский федеральный округ (71), далее следуют Северо-Западный (28), Сибирский (20), Центральный (20), Дальневосточный (17), Северо-Кавказский (16) и Уральский (8). В Южном федеральном округе на 1 января 2022 г. не было сформировано ни одного муниципального округа.

Во-вторых, обращает на себя внимание отсутствие энтузиазма в создании новых муниципальных образований у большинства субъектов Федерации. По истечении более чем половины срока, отведенного федеральным законодателем на такие трансформации (до 1 января 2025 г.), из 85 регионов муниципальные округа появились только в 23. При этом, как уже отмечалось, ни в одном из восьми субъектов Федерации, входящих в Южный федеральный округ (включая Крым и Севастополь), их нет вообще.

В-третьих, не велико и количество регионов, где названных округов было создано достаточно много. По сути, можно констатировать, что сформировалась группа лидеров из восьми субъектов Федерации, где их появилось более 11. Остальные территории пока решили ограничиться символическим количеством таких муниципальных образований (от 1 до 6).

В-четвертых, если мы рассмотрим срез по видам субъектов Федерации, то напрашивается вывод, что среди явных аутсайдеров характеризуемого процесса находятся национальные регионы. Лишь три из них (Удмуртская и Чувашская республики, Ямало-Ненецкий автономный округ) решили создать у себя в общей сложности 33 муниципальных округа, при том что две республики начали это делать только на третий год реформы, а в Чувашии и Ямало-Ненецком автономном округе их появилось 2 и 6 соответственно.

Все это свидетельствует о крайне осторожном подходе законодателей в субъектах Федерации к решению данного вопроса.

Говоря о будущем, отметим, что складывающаяся динамика формирования новых муниципальных образований вероятно продолжилась бы и дальше, если бы в течение последнего времени не произошел ряд существенных событий. Поправками к Конституции РФ 2020 г. и проектом закона об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти (который на момент написания тезисов еще рассматривался во втором чтении) государство, по сути, заявило о смене приоритетов не только в видении вопроса о совершенствовании основ территориальной организации муниципалитетов, но и о дальнейших перспективах развития местного самоуправления в России в целом. Речь, прежде всего, идет об исключении из текста Конституции упоминания о поселениях как первичном уровне функционирования власти на местах и о существенном сокращении перечня видов муниципальных образований в названном проекте закона. В контексте рассматриваемой проблемы это означает, что если на начальном этапе реформы в 2019 г. у субъектов РФ было право самим решать вопрос о целесообразности перехода на одноуровневую организацию местного самоуправления, то после упомянутых новелл фактически выбора у них не останется. По мнению федерального законодателя, к 2025 г. муниципальные округа должны появиться во всех без исключения регионах. Следовательно, в Российской Федерации не должно остаться ни одного городского и сельского поселения. Именно данный аспект будет определять ход дальнейшего развития ситуации.

Характеризуя текущее положение дел, отметим, что сейчас федеральный законодатель взял паузу, так как на его пути возникли существенные препятствия. Об этом свидетельствует растянувшийся на несколько лет процесс внесения в Государственную Думу РФ проекта нового закона о местном самоуправлении и вынужденное продление сроков его обсуждения во втором чтении, приведшее к перенесению рассмотрения этого вопроса на следующую сессию Палаты. Очевидно, что в силу неоднозначной оценки содержания названного законопроекта, он пытается найти некий общий знаменатель, позволяющий учесть мнение всех сторон. И в такой ситуации жесткого противостояния мнений компромисс может быть найден только путем взаимных уступок. Вопрос заключается в том, насколько государство готово отступить от своей конечной цели и готово ли оно в принципе согласиться на сохранение муниципальных образований поселенческого типа.

Если в ходе доработки проекта закона позиция законодателя не изменится, то ликвидация в нашей стране городских и сельских поселений станет неизбежной. Это означает, что процесс создания муниципальных округов ускорится, так как у субъектов РФ для решения задачи останется меньше двух лет. Влияние на его ход будут оказывать уже только локальные аспекты. В регионах, где в качестве пилотных площадок такие округа появились, будет обобщен имеющийся опыт и процесс продолжится дальше. Там, где их еще нет, муниципалитеты будут создавать с чистого листа с неизбежными проблемами в ближайшей перспективе. Что касается сроков завершения реформы, то можно предположить, что в субъектах РФ, где определенная практика уже имеется, они будут минимальными. В большинстве же случаев местные законодатели вероятно используют все предоставленное законом время — до конца 2024 г.

Е. С. Зайцева

Краудсорсинг как технология установления пределов правового регулирования

Правовое регулирование общественных отношений во многом обусловлено правовой природой некоторых из них. Одним из наиболее значимых свойств, демонстрирующих правовую природу общественных отношений, является то, что в основе их появления, существования

и развития лежат типичные социально значимые конфликтные интересы. Их выявление — одна из ключевых задач субъектов правотворчества, требующая комплексного социологического обеспечения этого процесса.

Особое место в системе комплексного социологического обеспечения правотворчества должно занимать изучение общественного мнения [1, с. 27–35], позволяющее выявлять указанные интересы и, исходя из этого, делать выводы об изменении сферы правового регулирования и ее пределов. Цифровизация современных процессов социальной жизни открывает новые возможности в этом направлении, способствует росту внимания к ресурсам коллективной сетевой деятельности, расширению экспертного сообщества, включению в него новых заинтересованных участников, обладающих своим взглядом на проблемы, требующие решения [2, с. 67], в том числе и связанные с определением сферы правового регулирования и ее пределов. В результате появляются новые технологии, помогающие выявлять нужные интересы «без посредников». В качестве таковой следует рассматривать технологию краудсорсинга. Данная технология позволяет не только соотнести позиции общества и государства касательно возможности и необходимости регулирования тех или иных общественных отношений, но и выявить сферы общественной жизни, требующие правового регулирования, но находящиеся на периферии внимания законодателя.

Краудсорсинг определяется как вид онлайн-активности, в которой человек, государственный орган, некоммерческая организация или компания предлагают группе людей с различным возможным уровнем подготовки, разнородности и численности добровольно решить некоторую задачу в форме свободного конкурса [3, с. 233]. Краудсорсинг активно используется в различных сферах жизни общества, в том числе и правовой. В качестве примера можно привести опыт Сбербанка России, который первый среди отечественных компаний на постоянной основе привлек сообщество заинтересованных лиц к обсуждению и доработке отчета о корпоративной социальной ответственности [2, с. 67].

Важная особенность, характеризующая краудсорсинг, — это не просто обсуждение, а совместная коллективная деятельность, направленная на создание какого-либо продукта, например, нормативного правового акта.

Р. А. Долженко описал особенности и этапы проведения краудсорсинга, используемого для доработки нормативных документов ор-

ганизации [2, с. 69]. Взяв их за основу, можно выделить особенности краудсорсинга, позволяющего создавать нормативные правовые акты не только локального характера. К их числу можно отнести: наличие готового проекта нормативного правового акта, установление временного регламента, ограничение круга профессиональных участников и умеренную модерацию. Условно технология краудсорсинга может быть разделена на пять этапов. Первый этап — подготовка к открытию проекта (драфт документа). На этом этапе определяются условия проведения проекта, его особенности, сроки, доступ участников, формат итоговых материалов проекта. Проект нормативного правового акта должен быть готов минимум на 80%. Второй этап включает в себя мобилизацию и оповещение потенциальных участников проекта, исходя из определенных условий и требований к ним. Третий этап — доработка сообществом исходной версии документа. На четвертом этапе отбираются лучшие идеи, решения, версии документа. На завершающем этапе представляется итоговый документ.

Безусловно, использование подобных технологий предполагает изменение общественного сознания, готовность граждан участвовать в таких проектах. При этом нужно учитывать, что желание что-то делать возникает только тогда, когда есть понимание целесообразности деятельности. Это возможно только в том случае, если государство будет демонстрировать готовность слушать, воспринимать и учитывать общественное мнение. В такой ситуации вероятно формирование сетевых коллективов, готовых решать сложные социальные проблемы.

Список источников

1. *Лапаева В. В.* Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. 1989. № 10.
2. *Долженко Р. А.* Краудсорсинг как инструмент доработки нормативных документов в организации возможности и ограничения (на материалах ПАО «Сбербанк России») // Известия вузов. Серия: «Экономика, финансы и управление производством». 2015. № 1(23).
3. *Залоило М. В., Базыкин А. Ю.* Инструментальная ценность технологии краудсорсинга в принятии правотворческих решений // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. научных трудов. М, 2020.

М. А. Засыпкин

Президент как субъект стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности

В механизме государственной власти Президенту РФ принадлежит особая роль. Как глава государства он реализует функции управления, в том числе и в сфере обеспечения национальной безопасности, которая в настоящее время приобретает особый приоритет.

Конституция РФ, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» закрепили за Президентом РФ полномочия по определению основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности. В установленном Конституцией РФ порядке он должен принимать меры по охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, поддерживать гражданский мир и согласие в стране, обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

Полномочия в сфере обеспечения национальной безопасности Президент РФ в основном реализует вне рамок законодательного процесса. В ходе нормотворческой деятельности Президент РФ принимает непосредственное участие в создании правовых норм, их изменении или отмене.

Результатом нормотворческой деятельности Президента РФ является издание указов как нормативного, так и ненормативного характера.

В частности, Президент РФ путем принятия указов утверждает (одобряет) Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, иные концептуальные и доктринальные документы, разрабатываемые Советом Безопасности.

Принятие Президентом РФ указов на основании Конституции РФ и федерального законодательства РФ имеет важное значение для конкретизации и процедурного обеспечения национальных интересов РФ.

Так, введенные в действие указами Президента РФ документы в сфере обеспечения национальной безопасности нацелены на реализацию основных направлений государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Одним из направлений государственной политики выступает обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

В целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в соответствии со ст. 80 Конституции РФ, Президент РФ принял ряд указов, на основании которых на высших должностных лиц субъектов РФ была возложена обязанность по разработке и реализации комплекса ограничительных и иных мероприятий. В итоге в каждом регионе была сформирована система ограничений и запретов, связанная с противодействием распространению коронавирусной инфекции. Введение данной системы повлияло на условия реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Но данные ограничительные меры прежде всего были направлены на сохранение жизни и здоровья граждан.

К числу актов Президента РФ ненормативного характера в сфере обеспечения национальной безопасности следует отнести указы, согласно которым назначается и освобождается от должности высшее командование Вооруженных Сил РФ; назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности федеральные министры: обороны, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, директор федеральной службы безопасности.

В настоящее время можно констатировать, что система обеспечения национальной безопасности РФ нуждается в совершенствовании.

В частности, борьба с распространением коронавирусной инфекции показала, что в правовой системе РФ отсутствует надлежащая база, закрепляющая особый правовой режим функционирования органов власти, входящих в единую систему публичной власти, для введения системы ограничительных мер, адресованных гражданам и организациям.

Нормотворческая деятельность Президента РФ в сфере обеспечения национальной безопасности в этих условиях направлена на поддержание правовых и институциональных механизмов национальной безопасности, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам страны.

Е. В. Казанцева

Благотворительность как конституционная гарантия

В современном обществе благотворительность является, прежде всего, социальным феноменом, направленным на сохранение и развитие общества, а потому характеризуется: во-первых, оказанием материальной и духовно-нравственной помощи обществу (отдельному лицу и(или) определенным категориям лиц и(или) организациям); во-вторых, добровольностью, безвозмездностью. На наш взгляд, благотворительность — это добровольная, безвозмездная помощь с материальной и(или) духовно-нравственной целью, оказываемая отдельному лицу и(или) определенным категориям лиц и (или) организациям.

Основной закон России закрепляет гарантию поощрения государством благотворительной деятельности в качестве ее социального обеспечения (ст. 39 Конституции РФ).

Конституционной гарантии присущи такие признаки, как внедрение, обеспечение функционирования и защита объекта гарантированности. Конституционно-правовые гарантии — это некое явление сферы конституционного права, без которого потенциальный объект обеспечения не может существовать или действовать вообще либо без которого его эффективность будет недостаточной [1, с. 71].

Одной из наиболее важных конституционных форм социальной защиты граждан выступает социальное обеспечение, которое как многоаспектное явление направленно на поддержание полноценного социального статуса гражданина, определенной категории граждан, общества в целом и включает в себя прямые и косвенные действия государства. Прямые действия нацелены на создание нормативной правовой базы, выделение средств из федерального бюджета для финансирования различных социальных программ и т. п. Косвенными действиями государство влияет на интересы определенных субъектов правоотношений в целях побудить их действовать определенным полезным образом для общества путем создания заинтересованности в получении дополнительных имущественных благ (в контексте нашего вопроса — в форме поощрения).

Конституционная гарантия занятия благотворительностью реализована только в трех нормативных правовых актах:

1) в Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», закрепляющем ее основные положения, в том числе государственные га-

рантии защиты участников благотворительной деятельности, которые должны быть предусмотрены в действующем законодательстве России (п. 1 ст. 18);

2) в Налоговом кодексе РФ (в частности в пп. 12, 32 ст. 149 и абз. 2 пп. 3.1, 8.2 ст. 217), устанавливающим возможность получения налоговых льгот и сокращения налогообложения на прибыль субъектам, которые осуществляют или участвуют в благотворительной деятельности;

3) в Федеральном законе от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (в частности в ст. 5.1 — закон дополнен указанной нормой в 2020 г.), предусматривающем государственную гарантию 100%-го возврата банковских вкладов благотворительных организаций.

К подзаконным нормативным правовым актам, регулирующим благотворительную деятельность в России, следует отнести Концепцию содействия развитию благотворительной деятельности на период до 2025 года (далее — Концепция), утвержденную Правительством РФ в 2019 г.

Концепция представляет собой трактовку содействия развитию благотворительной деятельности в России и является рекомендованной основой для всех органов исполнительной власти, в том числе и для субъектов РФ как в организации деятельности, направленной на содействие развитию благотворительности, так и в разработке социальных программ развития.

Закрепленные в Концепции направления содействия развитию благотворительности можно систематизировать в две группы: теоретические и практические. К теоретическим направлениям следует отнести: международную деятельность; содействие развитию культуры (правовой грамотности в сфере благотворительной деятельности), например, подготовку кадров, разработку программ в поддержку развития благотворительности. Практические направления включают в себя содействие развитию института благотворительности и его субъектов, прежде всего, это налоговые и кредитно-финансовые правоотношения, такие как возможность погашения кредитной задолженности средствами пожертвования.

Отметим, что Концепция содержит слишком много задач, при этом в ней отсутствуют способы их решения. Так, в рамках развития механизмов законодательного регулирования благотворительности предусматриваются в том числе: обеспечение эффективного предотвращения и пресечения мошеннической деятельности, осуществляемой под видом сбора благотворительных пожертвований.

Подчеркнем, что конституционная гарантия занятия благотворительностью в форме поощрения в законодательстве реализована частично. Это связано с тем, что, с одной стороны, закреплено правовое регулирование благотворительной деятельности, в том числе его поощрение (внедрение как признак конституционной гарантии), и порядок создания благотворительных организаций (обеспечение функционирования как признак конституционной гарантии). С другой стороны, отсутствуют нормативные правовые акты, которые были бы направлены на реализацию содействия благотворительной деятельности (составная часть обеспечения функционирования) и на защиту благотворительной деятельности (защита как признак конституционной гарантии).

Благотворительность — это не только механизм преодоления социального неравенства в обществе, но и механизм внебюджетного финансирования развития многих сфер жизни общества, таких как образовательная, научная, медицинская и т. д., что, несомненно, требует действенного участия государства и его органов в правовом регулировании благотворительной деятельности.

Список источников

1. *Иванов С. В.* Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий // Вестник Омского университета. Серия: «Право». 2016. № 2(47).

С. В. Кисс

Некоторые основы конституционных традиций российского конституционализма

Для Российской Федерации правовая традиция формировалась путем рецепции отдельных элементов римского права через византийскую традицию права, прежде всего, в договорной практике Руси с Византией. В то же время киевские князья опирались на свою правовую традицию, поскольку источником легитимности своих действий они видели «закон русский» и обычное право. При этом в силу слабой систематизации обычного права на практике довольно сложно было провести грань между законом и обычаем. Собственно, «закон русский», русское обычное право и традиция народоправия в сочетании с византийской традицией права составили основу для зарождения конституционной традиции РФ.

Конституционная традиция предусматривает продолжительность конституционных явлений и процессов, что тесно связано с континуи-

тетом [1]. Формирование и эволюция конституционного права вызваны созданием конституционных явлений и процессов в практической деятельности людей, в их определенных стереотипах поведения, обусловленных уровнем морали, образованности и соблюдением элементарных правил взаимного признания прав и законных интересов в обществе. Для согласования таких интересов существуют разнообразные механизмы поиска общественного консенсуса. В силу ограниченности ресурсов и в связи с экологическими проблемами удовлетворения растущих потребностей, определяющих мотивацию, интересы и права конкретного индивида требуют формирования определенной когерентной модели согласования интересов в обществе в целом.

Исходя из содержания универсальных (общих) конституционных ценностей, они находят свое конституционное закрепление с учетом особенностей национальной правовой системы. Такое закрепление в основном законе зависит от специфики конституционной модели (либеральной, либерально-демократической, социальной, этатистской), что проявляется и в особенностях средств их правовой защиты. Такие элементы существенно наполняют содержание конституционных принципов и норм, подлежащих конкретизации парламентом в текущем законодательстве и интерпретации органами конституционной юстиции.

На основе конституционных универсалий можно определить иерархию конституционных ценностей, поскольку основной закон носит и нормативный характер, и является средством легитимации определенного типа социального порядка, так как главной причиной возникновения конституций как основного закона выступает потребность правовой фиксации на высшем уровне властных отношений (отношений государственного властвования) [2, с. 78]. Отсюда конституционные ценности находят свое проявление и верификацию через средства конституционной юриспруденции, поскольку их юридическая сила основывается на определении их объективного и субъективного содержания через средства интерпретации конституционного текста в социальной среде (конституционную герменевтику).

Конституция РФ базируется на системе социальных ценностей, в отношении которых в обществе уже сложился консенсус на демократических началах. Согласно ст. 2 Основного закона высшей ценностью в государстве признается именно человек, его права и свободы, а также неотъемлемые и неотчуждаемые права и свободы человека, национальные традиции, суверенитет и территориальная целостность государства.

Кроме этого, в системе иерархии конституционных ценностей выделяют основы конституционного строя (глава 1) и федеративное устройство (глава 3).

Таким образом, продолжительность конституционной традиции РФ выражается в целом в человекоцентристском видении роли права и государства в общественной жизни. Принцип верховенства права определяет в качестве критериев эффективности властных решений, прежде всего, обеспечение прав человека и основных свобод, и в связи с этим органам публичной власти предъявляются требования предоставления надлежащего качества управленческих решений и в сфере правосудия — обеспечение доступа к справедливому и беспристрастному суду. Конституционную традицию составляют социальные ценности, в отношении которых сложился консенсус в обществе и в отношении которых политические элиты внедряют определенные политические меры, направленные на обеспечение непрерывности конституционных традиций. В то же время конституционная традиция РФ тесно связана с проблемой континуитета, на которую влияет длительный общественный дискурс между либералами и консерваторами.

Список источников

1. Илиас К. Правопреемство и континуитет в международном праве. // Московский журнал международного права. 1992. № 4. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1992-4-22-35> (дата обращения: 11.11.2022).

2. Кисс С. В. Некоторые проблемы обновления системы источников конституционного права и феномена их интернационализации // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России (Омск, 10 декабря 2020 г.). Омск, 2021.

О. А. Кожевников

Публичная власть в позициях Конституционного Суда РФ

Проблема нормативного регулирования власти и ее институтов всегда была, есть и, очевидно, остается одной из самых острых тем для российского государства. Именно построение власти и ее последующая деятельность в рамках реализации собственной компетенции находятся в прямой зависимости от основ жизнедеятельности как общества

в целом, так и конкретного гражданина. В связи с этим необходимо обратить внимание на вопросы нормативного правового регулирования и толкования соответствующих положений, определяющих основы властных институтов в конституционном и ином отраслевом законодательстве. На уровне Конституции нашего государства с момента вступления в силу ее текста вопросы трансформации власти главным образом носили «косметический» характер и отражались, как правило, на уровне отдельных положений отраслевых актов, направленных на реализацию неизменных или частично измененных положений Конституции РФ. Однако внесенные в 2020 г. изменения в текст Конституции РФ вызвали сдвиги в формировании не только отраслевой нормативной основы институтов власти на федеральном и региональном уровне, не только появление новой правовой конструкции «единая система публичной власти», но и целый шквал выступлений, публикаций, научных исследований, в которых в разной степени обоснованности дается оценка новым конституционно-правовым положениям институтов власти и последствиям их появления для юридических наук и в целом для развития государства и общества.

На этом фоне вышло множество публикаций, интервью, где авторы достаточно вольно позволяют себе употреблять и толковать конституционно-отраслевые положения о власти и властных институтах, при этом не всегда обоснованно отождествляя свои высказывания и мнения с уже известными юридической доктрине конструкциями и понятиями. Не исключением являются и примеры, когда в электронных и печатных средствах массовой информации в качестве тождественных употребляются понятия «публичная власть», «единая система публичной власти», «органы государственной власти», «органы местного самоуправления» и «органы публичной власти» [1], «вхождение местного самоуправления в состав единой системы публичной власти» [2] и др. Безусловно, такое разнообразие в вопросах применения новых конституционных конструкций, касающихся институтов власти, вызывает не просто к дискуссии, а к осознанию и очевидному присутствию с элементами геометрической прогрессии серьезной проблемы в части единообразного и точного понимания конституционно-правового смысла обновленных положений Конституции РФ по вопросам публичной власти и ее отдельных элементов как на уровне правовой доктрины, так и правоприменительной практики.

По смыслу последовательно высказываемых Конституционным Судом РФ позиций неоднозначность, неясность и противоречивость регу-

лирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод. Неопределенность содержания любой правовой нормы, влекущая за собой отсутствие единообразия в ее понимании, а значит и в применении, несомненно ослабляет гарантии существующей защиты конституционных прав и свобод, что, очевидно, приводит к нарушению конституционного принципа равенства и верховенства закона.

Конституция РФ в ч. 5 ст. 125 возлагает исключительное право толкования Основного закона на Конституционный Суд РФ. В этом положении выражается исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ интерпретировать волю народа, выраженную в Основном законе нашего государства. В связи с этим указанное толкование является общеобязательным для всех субъектов права, и никакие другие органы государственной власти, местного самоуправления, ученые-правоведы и другие лица не могут давать иное официальное определение Конституции РФ, чем это выражено в правовых позициях высшего федерального органа конституционного правосудия.

Для прекращения появившихся многочисленных вариантов интерпретации конституционных положений, прежде всего касающихся властных институтов, необходимо обратить внимание на существующие позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в его многочисленных решениях, в нашем случае относительно категории публичная власть и ее содержания.

Основы конституционно-правового толкования содержания категории «публичная власть» были заложены Конституционным Судом РФ еще в середине 1990-х гг. прошлого века. В большинстве своих решений Конституционный Суд РФ (например, в постановлениях от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года „Об органах исполнительной власти в Республике Коми“», от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике“») рассматривает публичную власть как совокупность существующих в государстве органов государственной власти и органов местного самоуправления, особо отмечая, что публичная власть может быть представлена как государственной природой, так и муниципальной. Таким образом, в Российской Федерации существуют две равно-

правные разновидности публичной власти — государственная власть и местная (муниципальная) власть. Каждый уровень власти обладает своими специфическими признаками. Органы государственной власти решают вопросы государственного значения, органы местного самоуправления — вопросы местного значения.

Позже в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» отмечено, что положения Конституции РФ гарантируют осуществление публичной власти в различных формах, исходя из признания особенностей ее организации и осуществления на каждом из территориальных уровней, в том числе с учетом специфических характеристик конституционно-правового статуса субъектов РФ, а также муниципальных образований. Таким образом, Конституционный Суд РФ вложил в категорию «публичная власть» не только структурную составляющую, но и пространственно-территориальное содержание, определив необходимость осуществления публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Наконец, давая оценку положениям Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о Поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» отметил, что «принцип единой системы публичной власти, хотя и не нашел буквального закрепления в главе 1 Конституции Российской Федерации, вместе с тем тесно связан многочисленными положениями данной главы, определяющими конституционно-правовые основы построения власти в РФ. В частности, Конституционный Суд РФ разъясняет, что категория «единая система

публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа, общая суверенная власть которого распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ (ст. ст. 5, 10, 11 и 12). Таким образом, еще раз подчеркивается, что публичная власть реализуется на всей территории нашего государства через формируемые от имени населения органы государственной власти (федерального и регионального уровня) и местного самоуправления.

Отметим, что публичная власть, ее структура, содержание уже длительное время находятся в фокусе «правовых позиций» Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ в течение уже почти двух десятилетий целенаправленно в своих позициях отражает структуру, содержание и основные характеристики публичной власти, квазистенцией которых стало раскрытие принципа «единой системы публичной власти» в заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3. Изложенные позиции в силу положений ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» окончательны и обязательны для всех субъектов права. В связи с этим представляется крайне важным, чтобы и субъекты правоприменения, и ученые-исследователи, и, в конце концов, простые граждане «единым фронтом» осуществляли толкование и применение норм обновленной Конституции РФ в части категории «публичная власть» и смежной, но не тождественной категории «единая система публичной власти», а также иных категорий и понятий, определяющих систему властных институтов нашего государства на всех территориальных уровнях.

Список источников

1. *Кобзарь-Фролова М. Н.* Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-organov-publichnoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-harakternyye-priznaki-vzaimodeystvie> (дата обращения: 21.11.2022).
2. *Колесников А. В.* Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-element-edinoy-sistemy-publichnoy-vlasti> (дата обращения: 21.11.2022).

Ю. Л. Корабельникова

К вопросу об организации местного самоуправления в городских округах Российской Федерации

Статистика свидетельствует о том, что города в Российской Федерации являются наиболее привлекательными для жизни людей. В городских округах в настоящее время проживает около 91 млн человек, что составляет почти 62% населения страны. Следует отметить, что из общего количества муниципальных образований России, которых насчитывается более 19,5 тыс., лишь 140 относятся к городским округам. Однако плотность жителей в них настолько велика, что можно сделать вывод об определяющей роли этого вида муниципальных образований. Поскольку обязательным требованием к городским округам является проживание более 2/3 населения именно в городах, нужно признать, что Россию можно назвать высокоурбанизированным государством. Таким образом, Российское государство, по мнению ученых, может характеризоваться как городское, что представляется весьма закономерным. Это обусловлено тем, что именно в городах человек может раскрыть свой потенциал в различных сферах жизнедеятельности.

Публичная власть в городских округах реализуется государственными и муниципальными органами. При этом органы местного самоуправления играют существенную роль, так как выступают первичным звеном власти, организуют многие стороны жизни населения муниципального образования. Нужно признать, что на городские округа законом, регламентирующим местное самоуправление, возлагается достаточно большой объем полномочий, начиная от охраны окружающей среды, организации предоставления общедоступного образования, обеспечения доступности медицинской помощи и заканчивая профилактикой экстремизма, терроризма и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций.

В целях реализации возложенных полномочий создаются органы местного самоуправления как общей компетенции, так и наделенные полномочиями в определенных сферах. Отметим, что, например, на территории Московской области муниципальные образования существуют исключительно в виде городских округов. Они, как правило, охватывают достаточно большую территорию, включают в себя несколько населенных пунктов, что накладывает обязательства по организации местного самоуправления в каждом из них и взаимоотношений между ними. По этой причине очень важным является налаживание и сохранение экономических, социальных, культурных и экологических связей между

городом, пригородными территориями и сельскими населенными пунктами, сотрудничество между всеми уровнями публичной власти в целях увеличения привлекательности, комфортности городских округов в целом с одновременно эффективной организацией местного самоуправления в каждой из его составных частей.

В настоящее время осуществляется реформирование местного самоуправления в связи с конституционным закреплением его в качестве первичного звена единой системы публичной власти. Это положение вызвало немало дискуссий в научных кругах, вплоть до признания, например профессором В. А. Толстиком, государственной природы местного уровня власти. В обоснование приводятся не только юридически аргументированные теоретические размышления: «Так, обращает на себя внимание юридический казус, когда под местным самоуправлением понимаются не только формы прямого непосредственного волеизъявления граждан, которые приводят к юридически значимым последствиям, но и деятельность органов власти на местном уровне. Кроме того, в Европейской хартии местного самоуправления (*действовала в России с 1998 г. по 16 марта 2022 г.* — прим. автора) речь также идет о регламентировании деятельности органов власти на местном уровне. Более того, в преамбуле данного документа говорится о праве граждан участвовать в управлении государственными делами» [1, с. 5]. Аналогичной позиции придерживается Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ), который признает необходимость участия органов местного самоуправления в выполнении тех или иных имеющих государственное значение публичных функций и задач на соответствующей территории. Вышеизложенное не позволяет относить термин «местное самоуправление» к организации и деятельности органов публичной власти на местном уровне, так как характеризует муниципальное управление.

Таким образом, можно сделать вывод о двойственной природе местного самоуправления в городских округах Российской Федерации. С одной стороны, следует выделить их самоуправленческие начала, реализующиеся посредством территориального общественного самоуправления, инициативных проектов, правотворческих инициатив граждан и т. д. и получающие развитие благодаря институтам гражданского общества. С другой стороны, большинство функций, возложенных на городские округа, осуществляется органами муниципальной власти. Причем КС РФ в своем заключении однозначно высказал позицию о том, что органы местного самоуправления интегрированы в общую институциональную систему осуществления на соответствующей территории функ-

ций государства. Более того, в постановлении от 1 декабря 2015 г. № 30-П [2] обращено внимание на особенности городского округа, обладающего инфраструктурой, обуславливающей особую роль этой единицы в решении не только вопросов местного значения, но и реализации отдельных государственных полномочий, таким образом подчеркивается государственная природа этих органов. Данные позиции не говорят о необходимости отнесения органов местного самоуправления к государственной власти и не исключают их самостоятельности, но свидетельствуют о комплексном характере местного самоуправления в городских округах Российской Федерации.

Список источников

1. Толстик В. А. К вопросу о социальной и юридической природе местного самоуправления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1(1).

2. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов государственной думы : постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П.

Е. В. Кошелев

Совершенствование конституционно-правовой ответственности органов публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации

В соответствии с Конституцией РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Данные положения были закреплены в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон № 414-ФЗ). Закон несколько меняет концепцию конституционной ответственности органов и должностных лиц публичной власти в субъекте РФ.

В статье 4 Закона № 414-ФЗ установлено, что на органы государственной власти субъекта РФ в единой системе публичной власти России возлагается предусмотренная законодательством РФ ответственность. В законе закрепляются меры конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц государственной власти в субъекте РФ. Кроме того, правовое регулирование конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц региональной власти осуществляется конституциями (уставами) субъектов РФ, законами и другими нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Определим субъектов конституционно-правовой ответственности в системе органов и должностных лиц публичной власти в субъекте РФ. Это высшее должностное лицо субъекта РФ, высший исполнительный орган субъекта РФ, законодательный орган субъекта РФ, должностные лица в системе исполнительной власти субъекта РФ, депутаты законодательного органа субъекта РФ, а также глава муниципального образования, представительный орган муниципального образования и иные должностные лица.

Статьями 72–74.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон № 131-ФЗ) регламентируются основания и процедура привлечения к конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. В статье 72 выделяются два основания наступления ответственности перед государством: 1) нарушение органами и должностными лицами местного самоуправления Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституции (устава), законов субъекта РФ, устава муниципального образования; 2) ненадлежащее исполнение указанными органами и должностными лицами переданных им отдельных государственных полномочий.

Указанный перечень оснований является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством наступает на основании решения соответствующего суда, подтвердившего наличие вышеуказанных обстоятельств.

Закон № 131-ФЗ выделяет три санкции, применяемые к органам и должностным лицам местного самоуправления:

- 1) роспуск представительного органа муниципального образования;
- 2) отрешение от должности главы муниципального образования или главы местной администрации;
- 3) удаление главы муниципального образования в отставку.

Представительные органы местного самоуправления действуют в единой правовой системе государства, но это особые органы власти, тесно связанные с населением, которое их образует и которому они служат, решая вопросы местного значения. Вместе с тем самостоятельность и независимость органов местного самоуправления не означает невозможность применения к ним мер государственного принуждения за незаконные действия и решения.

Процедура роспуска представительного органа муниципального образования выглядит следующим образом.

1. Представительный орган муниципального образования принимает нормативный правовой акт, противоречащий Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта РФ, уставу муниципального образования, и факт принятия такого нормативного правового акта установлен соответствующим судом.

2. В течение трех месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока представительный орган муниципального образования не отменяет соответствующий нормативный правовой акт. Факт неисполнения решения суда, обязавшего представительный орган муниципального образования отменить незаконный нормативный правовой акт, установлен в судебном порядке.

3. В течение одного месяца после вступления в силу решения суда, установившего факт неисполнения данного решения, высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) вносит в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ проект закона субъекта РФ о роспуске представительного органа муниципального образования.

4. Полномочия представительного органа муниципального образования прекращаются со дня вступления в силу закона субъекта Российской Федерации о его роспуске.

Несомненно, указанный механизм более эффективный и продуманный, чем в прежнем законе.

К субъектам, в отношении которых может быть применена такая мера конституционно-правовой ответственности, как отрешение от должности, отнесен не только глава муниципального образования, но и глава местной администрации. Таким образом, учитывая, что в соответствии с п. 2 ст. 37 Закона № 131-ФЗ главой местной администрации

является глава муниципального образования либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности, впервые предусматривается возможность отрешения от должности невыборного должностного лица местного самоуправления.

Основания, по которым глава муниципального образования или глава местной администрации могут быть отрешены от должности, закреплены в законе. Удаление главы муниципального образования в отставку является мерой муниципально-правовой ответственности.

О. А. Ладыгина

Правовые преимущества в структуре правового статуса

Во все времена человек задумывался о том, какие права ему принадлежат. Идея наличия у человека прав, данных ему от рождения, которые от него неотделимы, существует в различных культурах с древних времен. Примером этому могут служить многочисленные сборники законов разных стран, книги религиозного содержания о нормах морали, которые мы можем назвать своеобразной защитой человека. Все эти материалы содержат духовные ценности в жизни человека — у каждой культуры они были свои. Некоторые из них дошли до нас, а какие-то остались только в истории. Произошла трансформация общества, а вместе с ней — трансформация прав человека.

Одним из приоритетных направлений в деятельности государства выступает обеспечение равенства всех его граждан, однако существуют отдельные категории населения, которые на законодательном уровне обладают правовыми преимуществами. Для начала необходимо определиться, что же такое правовые преимущества. На этот счет существуют различные точки зрения ученых-юристов. Например, А. Г. Репьев определяет правовое преимущество как юридическую категорию, характеризующуюся правомерной возможностью субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающуюся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям [1, с. 27].

Можно сказать, что преимущества в праве — это получение отдельными категориями лиц дополнительных благ, которые могут улучшить как их материальное, так и физические состояние. Возникает вопрос: для

чего это делается государством? Чтобы ответить на него, необходимо определиться, кто эти люди, обладающие правовыми преимуществами.

В соответствии с этим понятием можем привести примеры категорий людей, обладающих определенными преимуществами в праве. Если говорить о получении дополнительных прав, то можно упомянуть «уязвимые» слои населения, которые стали таковыми в силу определенных жизненных обстоятельств (женщины, дети, беженцы, инвалиды и т. д.). Так, на законодательном уровне, согласно п. 8 ст. 14 Закона Республики Казахстан от 13 апреля 2005 г. № 39 «О социальной защите лиц с инвалидностью в Республике Казахстан», инвалиды имеют право на первоочередное обслуживание в государственных и иных организациях, в том числе в организациях здравоохранения, культуры, связи, транспорта, сферы услуг. Иначе говоря, инвалиды здесь обладают преимущественным правом перед остальными лицами.

Кроме того, есть граждане, имеющие преимущества в праве в силу несения определенных служебных обязанностей, например, сотрудники правоохранительных органов. Так, на основании п. 2 ст. 69 Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» на сотрудников и пенсионеров правоохранительных органов распространяются льготы и преимущества, установленные законодательством Республики Казахстан для военнослужащих и пенсионеров Министерства обороны Республики Казахстан. Кроме того, получение льгот может распространяться на лиц, которые в стране обладают определенным статусом, значимым для государства.

Так, в соответствии со ст. 490 Налогового кодекса Республики Казахстан от уплаты налога на транспорт освобождаются ветераны Великой Отечественной войны, ветераны, приравненные по льготам к ветеранам Великой Отечественной войны, и ветераны боевых действий на территории других государств; лица, награжденные орденами и медалями бывшего СССР за самоотверженный труд и безупречную воинскую службу в тылу в годы Великой Отечественной войны, а также лица, проработавшие (прослужившие) не менее шести месяцев с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. и не награжденные орденами и медалями бывшего СССР за самоотверженный труд и безупречную воинскую службу в тылу в годы Великой Отечественной войны, герои Советского Союза и герои Социалистического Труда; лица, удостоенные званий «Халыққаһарманы», «ҚазақстанныңЕңбекЕрі», награжденные орденом Славы трех степеней и орденом «Отан», многодетные матери, удостоенные звания «Мать-героиня» или награжденные подвеской «Алтын алқа»

либо «Күмісалка», — по одному автотранспортному средству, являющемуся объектом обложения налогом.

Если говорить о неподверженности определенным обязанностям, то можно назвать те лица, которые в силу несения определенной службы освобождаются от определенных обязанностей (Президент, судьи, дипломаты и т. д.), а также уязвимые слои населения. Например, на основании ст. 490 Налогового кодекса Республики Казахстан от уплаты налога на транспорт освобождаются лица с инвалидностью на имеющиеся в собственности мотоциклы и автомобили — по одному автотранспортному средству, являющемуся объектом обложения налогом.

В заключение отметим, что преимущества в праве включают в себя определенные блага, предоставляемые человеку в силу определенных обстоятельств. Данные преимущества предоставляются государством по ряду причин, связанных с улучшением социального и жизненного уровня (инвалиды, дети, беженцы), повышением статуса некоторых ведомств и в силу несения службы в специальных условиях (сотрудники правоохранительных органов, судьи, дипломаты и т. д.), стимулированием определенной деятельности (шахтеры, спортсмены и т. д.), за заслуги перед государством (ветераны Великой Отечественной войны, лица, удостоенные званий «Халыққайрманы» и т. д.). Преимущества должны быть строго и четко регламентированы государством, кроме того, в этой сфере необходим постоянный контроль во избежание использования ресурсов государства не по назначению и создания преступных схем.

Список источников

1. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Пенза, 2020.

К. В. Маслов

Сущность налоговой безопасности государства

Безопасность государства является ценностью, закрепленной в Конституции РФ, что следует из положений ч. 5 ст. 13, п. «м» ст. 71, ч. 1 ст. 82, а также отражено, например, в определении Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2018 г. № 866-О «По запросу Ивановского областного суда о проверке конституционности части 6 статьи 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Обязанность оплачивать налоги и правовые основы налогообложения также выделены в Конституции РФ в силу их значимости для

существования и функционирования государства (ст. 57, п. «з» ст. 71, п. «и» ч. 1 ст. 72, ч. 3 ст. 75, ч. 3 ст. 104, п. «б» ст. 106, ч. 1 ст. 132 Конституции РФ).

Изложенное предопределяет постановку вопроса об обоснованности выделения налоговой безопасности государства в системе национальной безопасности и ее сущности.

В Конституции РФ упоминается как безопасность в целом, так и ее отдельные разновидности без их систематизации. Их можно классифицировать:

- 1) по субъекту, чьи интересы обеспечиваются:
  - безопасность государства (ч. 5 ст. 13 Конституции РФ);
  - безопасность граждан (ч. 1 ст. 56 Конституции РФ).
- 2) по объекту обеспечения (ч. 1 ст. 72 Конституции РФ):
  - информационная;
  - экологическая;
  - общественная.

Больше разновидностей безопасности выделено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (военная, экономическая, продовольственная, энергетическая, биологическая, радиационная, химическая, гидрометеорологическая, безопасность дорожного движения).

Как верно отмечает И. Б. Кардашова, при дифференциации видов национальной безопасности необходимо использовать единые критерии [1, с. 12]. При этом в науке отсутствует общность взглядов на основание для классификации видов национальной безопасности в целом и экономической безопасности в частности. Анализ научных источников показывает, что в качестве таковых предлагаются: характер угроз [2, с. 256], объекты охраны, сферы жизнедеятельности [3, с. 24], средств обеспечения [4, с. 14].

Считаем, что акцент на природе угроз не вполне приемлем для изучения специфики налоговой безопасности, так как налоговые, как и любые экономические отношения, испытывают влияние целого комплекса факторов, часто формирующихся вне налоговой системы (начиная с фаз экономического цикла и заканчивая эффективностью публичного управления в целом).

Исходя из сущности безопасности, наиболее значимыми являются ее виды в зависимости от объекта, чье существование и развитие обеспечивается. Такими объектами, применительно к разновидностям безопасности государства, выступают основные системы государственно организованного общества.

Соответственно, национальную безопасность (безопасность государства) можно определить как уровень развития государства (его ключевых систем), при котором минимизированы угрозы реализации его функций в текущем периоде и перспективе.

Налоговая система признается наиболее значимой частью финансовой системы, потому налоговую безопасность обоснованно связывают с состоянием налоговой системы страны [5, с. 10–13; 6, с. 23]. Таким образом, оценивая место налоговой безопасности государства в системе национальной безопасности, можно выделить следующую иерархию важнейших элементов от общего к частному: национальная безопасность — экономическая безопасность — финансовая безопасность — налоговая безопасность.

Налоговую безопасность следует понимать не как безопасность (защищенность) взимания налогов, а как безопасность (защищенность) интересов общества и государства (национальных интересов), достигаемую посредством надлежащего взимания налогов, т. е. защиты от угроз взиманию достаточного количества налогов. Следовательно, налоговая безопасность — это не безопасность налогов, а безопасность государства посредством надлежащего взимания налогов. Соответственно, в рамках налоговой безопасности обеспечивается гарантированная защита и гармоничное, социально-направленное развитие не только «финансовой системы и всей совокупности финансовых отношений и процессов в государстве» [7, с. 184], а государства как системы в целом.

Список источников

1. Кардашова И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
2. Бельский К. С. Полицейское право : лекционный курс / под ред. канд. юрид. наук А. В. Куракина. М., 2004.
3. Тимофеева И. Ю. Философско-методологическое обоснование концепции налоговой безопасности государства в условиях экономического кризиса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 18(51).
4. Алиев Б. Х., Сулейманов М. М. Налоговый федерализм в системе обеспечения финансовой безопасности России // Финансы и кредит. 2012. № 31.
5. Староверова О. В. Финансовая и налоговая безопасность как объект налоговых преступлений // Современное право. 2006. № 8.

6. Тимофеева И. Ю. Налоговая безопасность государства, бизнеса и общества: концепция и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011.

7. Экономическая и национальная безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М., 2005.

А. И. Каплунов, Г. Е. Москаленко

Политика Александра I как фактор развития идеи конституционализма в России

Идеи ограничения всеобъемлющей власти государства имеют глубокие исторические корни. Содержание политико-правовых учений античного периода свидетельствует о стремлении мыслителей выработать и теоретически обосновать механизмы ограничения государственной власти в интересах общества, сделать власть зависимой и подконтрольной гражданам. Период Нового времени связан не только с дальнейшей разработкой идей демократии, народного суверенитета, прав и свобод человека, но и с практикой их реализации. При исследовании отечественного конституционализма нельзя обойти стороной период правления Александра I, в рамках которого властью и передовыми слоями общества были предприняты решительные меры, нацеленные на создание проекта основного закона Империи.

Результатом просветительских преобразований Екатерины II стало увеличение в России слоя образованных дворян, которых привлекали либеральные идеи, сформулированные западноевропейскими мыслителями. Благодаря этому, была сформирована социальная база, позволившая Александру I проводить внутривластный курс, именуемый правительственным конституционализмом.

К коронации Александра членами Негласного комитета была подготовлена «Всемиловнейшая грамота российскому народу жалующая». Именно данный акт, по замыслу разработчиков, должен был стать первым шагом на пути к ограничению монархии. Однако в силу невыясненных обстоятельств документ так и не был подписан императором. При этом дальнейшая политика первых лет царствования Александра Павловича и свидетельства современников показывают, что император не отказался от конституционных намерений, а решил подготовить прочную административную, правовую и социальную основу для принятия конституционного акта, ограничивающего власть монарха и дарующего права и свободы подданным.

Так, в первые месяцы правления императором была предпринята работа, нацеленная на преобразование государственного механизма Российской империи. Учреждение 5 июня 1801 г. «Комиссии о составлении законов», которой было поручено создание проекта нормативного правового акта, утверждающего «начало и источник народного блаженства», а также противостоявшего «первому движению прихоти и самовластия» [1, с. 76], по мнению Ю. В. Пуздрача, свидетельствует о стремлении Александра I видеть Россию правовым государством [2, с. 215].

Значительный вклад в подготовку основы для развития конституционных преобразований в России внес М. М. Сперанский, которому было поручено создание проекта устройства правительственных учреждений, а также работа по кодификации законодательства.

Стремление власти урегулировать правовое положение западных окраин Империи дало новый импульс развитию конституционных идей. По результатам заключения в 1809 г. Фридрихсгамского мирного договора между Россией и Швецией Финляндия вошла в состав Российской империи, после чего Александр I утвердил конституцию Финляндии.

В том же году М. М. Сперанский подготовил масштабный план реформ в России, предполагавший создание механизма разделения властей, выборность некоторых должностных лиц и судей, расширение свободы слова и печати. Однако реформаторская инициатива М. М. Сперанского вызвала недовольство высших слоев общества, в результате чего мыслитель был подвергнут опале. Несмотря на то что данный факт стал препятствием для дальнейшего проведения либеральных реформ, последующая политика Александра I не свидетельствует об отказе императора от идеи установления конституционализма в России.

В декабре 1815 г. российский император «даровал» Польше Конституцию, на основе которой сейм получил законодательную власть. В мае 1818 г. была принята Конституция Бессарабии. Императора также беспокоил и крестьянский вопрос. В Польше, Курляндии, Лифляндии крепостное право было им отменено.

В этот же период император поручает своему сподвижнику графу Н. Н. Новосильцеву разработку проекта «Уставной грамоты Российской империи». Данный акт предусматривал ограничение монархической власти, создание парламента, провозглашение гражданских прав и свобод.

Однако проект Н. Н. Новосильцева, как и многие другие конституционные проекты того периода, так и не был принят императором. Не до-

шло дело и до решения крестьянского вопроса. В науке по-прежнему идут споры о причинах отказа Александра I от принятия конституции и реализации проектов либеральных реформ. Взойдя на престол как либерал, Александр I ушел из жизни как самодержец.

Список источников

1. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. СПб., 1897.
2. Пуздрач Ю. В. История российского конституционализма IX–XX веков. СПб., 2004.

А. В. Петров

Проекция витального характера традиционных ценностей в аксиологическое пространство основного закона

В юридических науках основным законом традиционно называют конституцию, имеющую высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории государства. В широком смысле основным законом можно считать любое уложение, касающееся важнейших сторон жизни общества. В таком случае к виду основных законов можно отнести и основные законы, постепенно составляющие конституцию, и религиозный кодекс, регулирующий правовым образом общественные отношения и в светском, и в духовном измерении. При всех различиях, обусловленных историей и нравами, а также своеобразии конкретных инструментов, предназначенных для исполнения закона и защиты справедливости, у них есть одно существенное сходство концептуального характера. И религиозные, и светские законы содержат в себе апелляции к нравственности. Причем в таком объеме, что разница между религией и светским законом не столь значительна, как может казаться на первый взгляд. По известной формуле В. С. Соловьева, закон вместо совершенства требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли [1, с. 304]. Если использовать прием, который обычно употребляет наука и выстроить дуальную оппозицию «религиозное — светское», то в религии мы найдем максимум нравственности, но какую ее меру мы обнаружим в религиозном праве?

Отвечать на этот вопрос можно двояко, используя аргументы от предназначения религии или логики отношения между понятиями. Общеизвестное определение религии указывает на ее предназначение восстанавливать связь дольнего и горнего миров и делать возможным

богообщение, к которому способно только свободное существо, своим разумом и волей стремящееся к спасению. Путь к спасению лежит через нравственную жизнь как аскетическую практику, свидетельствующую о вере. В заслугу человеку, движущемуся по этому пути, вменяются лишь те поступки, которые были совершены добровольно и из религиозных побуждений, а не под страхом наказания или из расчета. Поэтому расширение границ права далеко за пределы минимума нравственности привело бы к тому, что право заботилось бы о добродетели так, что карало бы не только за ее полное отсутствие, но и за ее недостаток, которым грешен всякий человек. Более того, такой закон сделал бы этику гетерономной, лишив человека свободы нравственного выбора исходя из собственных мотивов, а не из того, что опирается на силу авторитета и страх наказания. Любопытно, что пиетет по отношению к свободе столь глубоко пронизывает культуру, что конгениальное вышеописанному понимание свободы можно найти даже в весьма далеком от религиозных оснований постмодернистском дискурсе, явившем собой, по замечанию Е. В. Волоховой, ценностную абсолютизацию личностной свободы [2, с. 19].

Если рассматривать понятие «религиозное право» и отталкиваться от того, что «право» в этом случае является родовой, а «религиозное» — его видовой характеристикой, то в религиозном праве мы обнаружим минимум нравственности, но минимум с точки зрения общества, где религиозные нормы глубже и шире распространились в общественном сознании. Поэтому «минимум нравственности» религиозного права содержательно шире «минимума нравственности» права, руководящего жизнью секулярного общества. Несмотря на содержательные отличия и разную глубину понимания нравственности, и религиозный, и светский закон видят в ее минимуме тот уровень, ниже которого человек не должен позволять себе опускаться, если не хочет прийти к отрицанию человеческого в себе самом.

Не важно, какой способ обоснования будет избран, важно, что проецирование в право максимума нравственности обесценит нравственное действие и чрезвычайно стеснит жизнь, тогда как право должно способствовать ее развитию. При этом даже минимум нравственности, проецируемый на право в его частностях и важнейших основаниях, содержит в себе базовые ценности общественного сознания, общим знаменателем для которых является витальность, «проросшая» на конкретно исторической почве, фундирующая патриотизм, ценность семьи, веру, значение исторической памяти, т. е. все то, на чем основывается национальная идентичность и без чего нельзя себе представить здоровую гражданскую

идентичность. А. М. Руденко и Ю. А. Шестаков отмечают, что траектория формирования ценностной идентичности, организованная на других началах, деформирует историческое сознание, тогда оно подчиняется власти химер и перспективы его незавидны [3, с. 118].

Содержательно эти ценности могут быть очень разными: семья может быть моно- и полигамной, нуклеарной или расширенной патриархальной, вера может быть полной религиозного горения или редуцироваться до светской религии или вовсе до элемента культуры и эстетики и т. д. В России ценности этого порядка описаны в Конституции, где человек объявлен высшей ценностью, а национальные ценности представлены идеями гражданского мира и согласия, добра и справедливости, почтения к памяти предков и патриотизма. В расширенном виде эти ценности изложены в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809).

При всем разнообразии традиционных ценностей и их содержательных особенностях, обусловленных историей и культурой, у них есть отчетливо заметный «общий знаменатель» — они витальны. В витальности традиционных ценностей заключен тот содержательный инвариант, который делает их традиционными, ведь традиция — это то, что сложилось за длительный исторический период в большой и стабильной группе людей; традиция — это то, что помогает такой группе выживать. Политические идеи, ценности, социальные практики — все, что в силу исторического возраста вошло в разряд «традиционного» — прошло проверку временем и жизненными испытаниями. Вопрос жизни есть вопрос равно эмпирический (экономический и демографический) и идейный (политический и культурный). В убедительном и определенном ответе на него заключена жизненная перспектива общества, и если Конституция защищает витальные начала в виде традиционных ценностей, то она защищает и будущее нашей страны.

Список источников

1. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012.
2. Волохова Е. В. Свобода личности в философии и культуре постмодерна // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1.
3. Руденко А. М., Шестаков Ю. А. Целостность исторического сознания как фактор формирования культуры национальной безопасности // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1.

В. Ю. Полякова

Частная жизнь как социальный инструментарий морально-нравственных отношений

Эволюция развития человечества связана с постоянной борьбой человека за свои права и свободы. В соответствии с положениями ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Одним из базовых институтов с позиций и международного и отечественного законодательства выступает право на неприкосновенность частной жизни и, прежде всего, максимально возможного установления пределов вмешательства в частную жизнь конкретного человека.

Четкого законодательного закрепления определение «право на неприкосновенность частной жизни» не нашло. Право на неприкосновенность частной жизни не означает саму частную жизнь, это субъективное правомочие, имеющее формально-атрибутивное оформление. С нашей точки зрения, для уяснения сути рассматриваемой проблемы следует остановиться на исследовании таких категорий, как частная жизнь, право частной жизни и неприкосновенность частной жизни.

Интересную и в то же время дискуссионную позицию приводит М. Ю. Авдеев. В частности он заявляет: «Частная жизнь должна трактоваться как неотъемлемая часть права на достойную жизнь. Нельзя допустить, чтобы частная жизнь стала предметом правового регулирования, объектом государственного вмешательства. В этом случае невозможно даже говорить о так называемых пределах вмешательства в частную жизнь. Частная жизнь может государством не регулироваться, а только защищаться» [1, с. 63].

По нашему мнению, в данном случае усматривается наглядный пример смешения понятийных категорий. В чем суть заявленной нами гипотезы. Во-первых, автор определяет частную жизнь через право на достойную жизнь. Иными словами, он говорит не просто о категории «частная жизнь», а именно о правовой категории «частная жизнь» через право на достойную жизнь. Во-вторых, действительно, частная жизнь как таковая не может быть предметом правового регулирования, а соответственно, объектом государственного вмешательства. В-третьих, сложно представить правозащитный механизм без государственно-правового регулирования. Тогда возникает резонный вопрос: а что и как защищать?

Сама по себе категория «частная жизнь» не является правовой, а вернее всего она относится к социальному инструментарию, основанному на морально-нравственных началах, присущих определенному обществу. Ведь частная жизнь отражает стремление каждого человека иметь свой собственный мир интимных, семейных, деловых и других интересов, не подлежащих контролю со стороны государства, общества и отдельных граждан.

Несмотря на отсутствие единого мнения относительно определения частной жизни, если сказать обобщенно, данную категорию некоторые ученые определяют как жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций, граждан; свободу уединения, размышления, вступления в контакты с другими людьми или воздержания от таких контактов; свободу высказываний и правомерных поступков вне служебных отношений и др.

С нашей точки зрения, наиболее развернутое определение данному понятию приводит М. В. Баглай, справедливо замечая, что частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других. Это своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность его «среды обитания». Следовательно, тайна в данном случае вовсе не прикрывает какую-то антиобщественную или противоправную деятельность. Она отражает естественное стремление каждого человека иметь собственный мир интимных и деловых интересов, скрытый от чужих глаз [2, с. 213].

Несколько иной взгляд на соотношение частной, государственной и общественной жизни прослеживается в исследованиях авторов советского периода. Так, Ф. Б. Садыков считал, что личная жизнь человека не представляет собой какую-то обособленную область, не связанную с его общественной деятельностью и независимую от общественных отношений. Общественная деятельность и личная жизнь человека органически взаимосвязаны, неотделимы друг от друга и должны составлять гармоническое единство [3, с. 8].

Полагаем, что под частной жизнью следует понимать совокупность сведений или единичные сведения об отдельных сторонах жизнедеятельности конкретного лица и права индивида на основе его личного усмотрения с учетом сложившихся в обществе морально-нравственных и этических воззрений публично предоставлять информацию о своих бытовых, интимных и иных отношениях, не нарушая при этом личные права иных граждан.

Исходя из того, что частная жизнь человека многогранна, считаем целесообразным провести разграничение между личной жизнью и личностно-общественной жизнью. Личная жизнь — это своеобразный внутренний мир человека, т. е. его личные права на семью, детей, друзей, денежные накопления и их размер и т. д.

Личностно-общественная жизнь предполагает право быть или не быть лидером в коллективе, передовиком производства, создавать изобретения, вносить рационализаторские предложения, принимать участие в благоустройстве территории, в выборных процессах и т. д.

Следовательно, личностно-общественная жизнь позволяет человеку выделить себя из общества и показать степень своей необходимости обществу как личности. Именно благодаря определенной степени активности у него есть возможность воздействовать на развитие и изменение общественных отношений. И в одном и в другом случаях частная жизнь зависит от позиции самой личности.

Таким образом, частная жизнь охватывает всю совокупность духовной и физической жизнедеятельности человека, включающей в себя сферу индивидуальных отношений человека со своими близкими, родственниками, с членами трудового коллектива.

Список источников

1. *Авдеев М. Ю.* Конституционное право граждан Российской Федерации на неприкосновенность частной жизни и механизм его реализации в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., изм. и доп. М., 2001.
3. *Садыков Ф. Б.* Коммунистическая нравственность. Новороссийск, 1999.

В. М. Редкоус

Конституционное развитие государств — участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности

Конституционное право традиционно играет ведущую роль в регламентировании общественных отношений в любом современном государственном образовании. Его особенность заключается в потребности повышения качества конституционного регулирования, наполнения норм конституции содержанием, не только отвечающим современному уровню развития общественных отношений во всех областях государственной жизни, но и позволяющим регламентировать прогрессивное

поступательное развитие страны в будущем, сохранять устойчивость государственности, воспроизводимость демократических начал, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина. Для этого и в Конституцию РФ, и в конституции государств — участников СНГ вносятся изменения и дополнения. «Трансформация конституционно-правового дизайна современной России обусловлена необходимостью решения одной из самых важных задач, стоящих перед любой страной, — создание сильной государственности», — справедливо делает вывод Е. В. Виноградова [1, с. 216].

Понятие «национальная безопасность» тесно связано с конституционным правом и конституционным регулированием, так как оно основано на таких конституционно-правовых категориях, как «конституционные права и свободы граждан», «суверенитет», «независимость», «государственная целостность». Отдельные аспекты этой конституционной взаимосвязи рассмотрены в работах М. А. Бучаковой и А. В. Жилева [2, с. 16; 3, с. 35].

Следует отметить, что не только конституционное право активно влияет на правовое регулирование в области обеспечения национальной безопасности, но и потребность обеспечения национальной безопасности активно воздействует на формирование конституционных и конституционно-правовых норм, что находит отражение в конституциях государств и их законодательстве. Примером является Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», с принятием которого Конституция РФ обогатилась целым рядом положений, касающихся вопросов обеспечения национальной безопасности нашей страны. Поэтому, оценивая изменения и дополнения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., можно указать на их своевременность, значимость для упрочения политической системы, политических институтов страны, гражданского общества, конституционализации целого ряда ценностей, что позволяет четко формулировать приоритеты государственной деятельности и общественного развития в современных условиях. Назовем некоторые из них.

Статья 67 Конституции РФ дополнена ч. 2.1, в которой говорится, что «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчужде-

ние части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются».

В новой статье 67.1 Конституции РФ важно выделить чч. 2 и 3, гласящие, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2).

«Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ч. 3).

Статья 69 Конституции РФ дополнена частью 3, закрепляющей, что «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности».

В новой ст. 75.1 Конституции РФ определено, что «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

В новой ст. 79.1 Конституции РФ установлено, что «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства».

Вдобавок к этому был конкретизирован конституционный статус субъектов, от которых непосредственно зависит действенность системы обеспечения национальной безопасности РФ.

Конституция РФ 1993 г., Конституция Азербайджанской Республики 1995 г., Конституция Республики Армения 1995 г., Конституция Республики Беларусь 1994 г., Конституция Республики Казахстан 1995 г., Конституция Киргизской Республики 2021 г., Конституция Республики Молдова 1994 г., Конституция Республики Таджикистан 1994 г., Конституция Туркменистана 1992 г., Конституция Республики Узбекистан 1992 г., Конституция Украины 1996 г. с разной степенью детализации содержат нормы, касающиеся национальной безопасности, ее видов и основных вопросов ее обеспечения [4, с. 31]. Эти положения оказывают опреде-

ляющее значение и на отраслевое регулирование вопросов обеспечения национальной безопасности, прежде всего, административно-правовое.

При этом следует рассматривать как минимум два основных направления конституционного регулирования вопросов обеспечения национальной безопасности:

— *первое* связано с установлением основ конституционного строя, закреплением основных прав и свобод человека и гражданина, определением формы правления, формы государственного устройства и государственно-правового режима, иных институтов, которые и сами являются основными объектами обеспечения национальной безопасности и в то же время создают необходимые условия для обеспечения национальной безопасности;

— *второе* касается закрепления в конституциях вопросов, непосредственно касающихся обеспечения национальной безопасности и ее видов.

Исходя из первого направления можно сделать общий вывод, что конституции стран СНГ отвечают современным требованиям конституций демократических правовых государств.

В рамках второго направления отметим, что в конституциях государств СНГ:

— до настоящего времени не выработан и не используется единый понятийный аппарат, употребляются термины «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «экологическая безопасность», «общественная безопасность», «безопасность личности» и др.;

— с большей или меньшей степенью детализации устанавливаются основания и пределы ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения национальной безопасности;

— закрепляются полномочия высших органов государства, а также определяются особенности полномочий органов исполнительной власти в области обеспечения национальной безопасности;

— в наиболее общем виде устанавливаются правовые основы введения правовых режимов чрезвычайного и военного положений, связанных с обеспечением национальной безопасности;

— в ряде конституций закрепляются основы правового положения органов национальной безопасности и их сотрудников.

Вышеназванное показывает, что конституционное и конституционно-правовое регулирование обеспечения национальной безопасности в государствах СНГ выступают важнейшими направлениями совершен-

ствования национальных правовых систем, что позволяет на новом уровне правового регулирования применять правовые средства в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Список источников

1. *Виноградова Е. В.* Грани современного российского конституционализма : монография. М., 2021.

2. *Буцакова М. А.* Государственный суверенитет в условиях глобализации // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12 декабря 2019 г.). Омск, 2020.

3. *Буцакова М. А., Жилиев А. В.* Перспективы совершенствования законодательства в сфере обеспечения территориальной целостности Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2(69).

4. *Редкоус В. М.* Административно-правовая основа обеспечения национальной безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств : монография. Пятигорск, 2010.

Р. А. Середа

К вопросу конституционализации права на доступ к сети Интернет

Современные тенденции построения цифрового общества предполагают значительную трансформацию социального восприятия и правового регулирования многих аспектов жизни человека. Доминирующие транснациональные компьютерные и программные компании Большой пятерки все чаще заявляют о перспективах построения в ближайшем будущем цифровой Метавселенной, которая станет суммой реального и виртуального миров и выведет существование человека на новый уровень.

На этом фоне остро встают вопросы о правовом регулировании статуса человека в новых цифровых условиях, среди которых, на наш взгляд, центральное место займет процесс конституционализации первичного права человека на доступ к глобальной сети Интернет (далее — право на интернет) как к среде реализации цифровых прав в условиях Метавселенной.

Изначально доступ в интернет не рассматривался как самостоятельное право, а выступал как форма реализации классического права на свободный доступ к информации. Так, возможность доступа каждого человека к информационным и коммуникационным сетям провозглашалась

в п. 10 Окинавской хартии Глобального информационного общества, принятой в 2000 г. [1]. В дальнейшем указанное положение получило развитие при принятии Декларации принципов информационного общества 2003 года [2], где закреплялась необходимость работы над расширением доступа к информационным и коммуникационным инфраструктурам и технологиям, а также к информации в целом.

По мере расширения сети Интернет и ее проникновения в различные сферы общественной жизни стали делаться шаги по оформлению доступа в интернет в качестве самостоятельного права человека. Так, в 2011 г. специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франк Ла Рю утверждал, что доступ в интернет является незаменимым средством для реализации естественных прав человека [3], что в дальнейшем нашло отражение в некоторых актах ООН.

Следует отметить, что ряд зарубежных стран уже идут по пути закрепления рассматриваемого права на уровне национального законодательства. Так, в конституции Непала интернет, наряду с иными средствами массовой информации (далее — СМИ), провозглашен, не может быть закрыт, изъят или лишен регистрации в связи с произведенными публикациями. Во Франции, Коста-Рике и Эстонии право на доступ в интернет признается неотъемлемым правом человека.

В Республике Беларусь (далее — РБ) право на доступ в интернет прямо не декларируется, а рассматривается в качестве формы реализации конституционного права на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, а также свободы мнений, убеждений и их свободное выражение. Вместе с тем целый ряд законодательных актов уже оперирует терминами «интернет-ресурсы», «интернет-услуги», «национальный сегмент сети Интернет», а также регулирует вопросы пользования соответствующими возможностями.

Таким образом, можно прийти к выводу, что право на Интернет можно трактовать не только как форму реализации классических информационных прав человека, но и как самостоятельное право на использование коммуникационных возможностей глобальной сети для более комфортного осуществления иных своих прав. При этом в большинстве государств сохраняются и традиционные способы реализации человеком своих прав, не связанные с интернет-технологиями.

Можно согласиться с Т. М. Киселевой, которая определяет право на доступ к сети Интернет как гарантированную государством возможность использовать сеть Интернет в законных целях, требовать обеспечения

и защиты такой возможности, а также возможность отказаться от использования сети Интернет по своему желанию [4, с. 923].

Вместе с тем провозглашение данного права в качестве неотъемлемого на конституционном уровне должно быть сопряжено с соответствующей обязанностью государства по всеобщему гарантированию такого доступа, что, в свою очередь, вызывает ряд проблем социально-правового характера.

Во-первых, несмотря на растущую популярность интернета как основного источника информации, достоверность распространяемых сведений нередко ставится под сомнение. Практически бесконтрольное распространение данных, отягощенное чувством безнаказанности анонимных распространителей в социальных сетях, порождает мощный поток непроверенных и откровенно лживых сведений, способных дезориентировать их потребителя.

Между тем Конституция РБ закрепляет право на доступ, получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации. На обеспечение данных качеств информации и направлено государственное регулирование в сфере деятельности СМИ. Бесконтрольность информационных потоков в сети Интернет не гарантирует указанных качеств, что может превратить эти потоки в идеологическое оружие противников государственной власти. Таким образом, в случае признания права на доступ в интернет неотъемлемым правом официальные СМИ вынуждены будут вступать в неравное противоборство с мощным потоком неполной и недостоверной информации из интернет-источников.

Во-вторых, если доступ в интернет рассматривать как самостоятельное право, то необходимо нормативно закрепить гарантии от злоупотребления этим правом с точки зрения условий и пределов его ограничения в соответствии со ст. 23 Конституции РБ.

Существующие ограничения в сфере использования интернет-ресурсов в Республике Беларусь связаны с лишением доступа к определенным информационным источникам недопустимого содержания. Объектом ограничительных мер являются сами информационные ресурсы, содержащие нежелательную информацию, доступ к которым может причинить ущерб охраняемым интересам. При этом остается открытым вопрос о возможности ограничения права отдельного человека на доступ в интернет. Такое ограничение может выступать в качестве санкции за злоупотребление правом на интернет либо как мера по профилактике противоправного поведения.

Таким образом, закрепление права на интернет в качестве конституционного права является современной тенденцией развития цифрового общества. Будучи изначально способом реализации иных традиционных прав человека, доступ в интернет переходит в разряд самостоятельного права, признаваемого на международном уровне.

Вместе с тем провозглашение и закрепление данного права в качестве неотъемлемого, создание условий по всецелому охвату общества доступом в сеть Интернет требует создания эффективной системы гарантий по недопущению злоупотребления данным правом. Одной из действенных мер, на наш взгляд, должна стать возможность ограничения либо лишения права на интернет лицам, которые используют его возможности в противоправных целях.

Список источников

1. *Окинавская хартия* Глобального информационного общества (принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 года). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 06.11.2022).

2. *Декларации* принципов информационного общества. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 06.11.2022).

3. *Доклад* Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю. URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=50f3db872> (дата обращения: 06.11.2022).

4. *Киселева Т. М.* К вопросу о праве на доступ к сети интернет // Роль женщины в развитии современной науки и образования : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17–18 мая 2016 г.). Минск, 2016.

В. А. Симонов

Государствообразующий этнос и отечественный опыт обеспечения его статуса

В многонациональном государстве лидирующая роль в его развитии принадлежит государствообразующему этносу (т. е. этнической общности), усилиями которого, прежде всего, было обусловлено становление и развитие данной политико-территориальной организации публичной власти.

В то же время государствообразующий этнос сам нуждается в государственной защите. Он выступает главным объектом нападков геополитических противников в целях ослабления созданного им государства. В России государствообразующими являются русские, что и побудило поставить на повестку дня вопрос о необходимости их юридической защиты. Во-первых, в конституционно-правовой оборот введено само понятие системообразующего значения данного этноса. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» дополнением ч. 1 ст. 68 Конституции РФ усилил гарантии русского языка как государственного на всей территории Российской Федерации, назвав его «языком государствообразующего народа».

Эта новелла вызвала не только категорическое отторжение в зарубежных антироссийских кругах, но и недопонимание некоторых общественных, религиозных и государственных лидеров, деятелей искусства и культуры в России.

Нам же представляется неудачным использование в данной формулировке конструкции «русские — государствообразующий народ», поскольку в отличие от этнологии и этнографии в конституционном праве понятия «этническая общность» и «народ» по содержанию не идентичны. На основе анализа существующих подходов первую можно охарактеризовать как реально существующую, внешне обособленную самовоспроизводящую биосоциальную общность людей с выраженным в этнониме общим самосознанием, естественно-исторически сформировавшуюся на единой территории под влиянием сопутствующих природных, экономических, социальных, организационно-управленческих факторов и обладающую этнокультурными и языковыми особенностями, отличительными чертами психологического склада характера и физиологического внешнего облика. Суть содержания второго понятия кратко сформулирована в ч. 1 ст. 3 Конституции РФ, согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». В связи с этим нельзя согласиться с попытками определить народ только как исторически сложившуюся общность людей, объединенных юридическими связями со своими предками, общностью долгосрочных интересов и территориальными границами государства.

Такой социолого-демографический подход побуждает включать в состав народа не только граждан государства, но и постоянно прожи-

вающих на государственной территории иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако они не участвуют ни в выборах, ни в референдумах, не могут работать в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Не вправе участвовать в конституционных формах реализации народного суверенитета и не достигшие возраста 18 лет граждане России, так как согласно ст. 60 Конституции РФ они не обладают полной конституционно-правовой правосубъектностью и не могут в полной мере осуществлять свои права и обязанности. Поэтому юридически народ следует представить как полиэтническую и поликонфессиональную совокупность граждан государства, обладающих активным избирательным правом, в лице которого народ выступает в статусе участника конституционно-правовых отношений. Принимая во внимание то, что язык является этническим, а не политико-юридическим признаком русской общности, законодателю следовало бы в ч. 1 ст. 68 Конституции РФ говорить о русских ни как о государствообразующем народе, а как о государствообразующем этносе.

Вместе с тем самого по себе провозглашения государствообразующего характера русского этноса недостаточно. Однако дополнительные правовые гарантии сохранения русской идентичности не могут выражаться в предоставлении русским льгот и привилегий по этническому признаку, так как ст. 68 провозглашает русских входящими в «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

В настоящее время гарантии предотвращения этнической эрозии содержатся в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Правда, за исключением подпункта «л» п. 24 этого документа о защите и поддержке русского языка как языка государствообразующего этноса его другие положения содержат указания, относящиеся ко всем этническим общностям как составным элементам единой общности «российский многонациональный народ».

Думается, что раздел IV данного Указа «Инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» следовало бы дополнить положением о запрете русофобских и в целом этнофобских публикаций в литературе и средствах массовой информации; о реформировании системы образования и подготовки кадров в этнокультурном направлении.

Для большей эффективности политики по сохранению традиционных ценностей требуется включить в содержание ст. 2 Конституции

РФ в качестве высших ценностей, наряду с правами и свободами индивида, справедливость и традиционные духовно-нравственные ценности многонационального народа России.

Первым шагом на пути к отмене запрета государственной идеологии могло бы стать ограничительное толкование ст. 13 Конституции РФ Конституционным Судом РФ, предусматривающее запрет деструктивной государственной идеологии.

Наконец, в аспекте совершенствования правоприменительной практики целесообразно активнее применять п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ при попытках подрыва авторитета государствообразующего этноса.

А. К. Сисакьян

Конституционное правосознание и отечественный парламентаризм

Отечественный парламентаризм является одной из наиболее животрепещущих проблем конституционного права. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» еще больше заставляет задуматься о некоторых «шероховатостях» данного феномена.

Принятая в 1993 г. Конституция РФ становится идеологическим субстратом отечественной правовой системы. Обновленное содержание Конституции РФ влечет за собой изменение существующих государственно-правовых идей, принципов, составляющих в целом базис конституционного правосознания. Массовое конституционное правосознание оказалось неподготовленным к принятию системы сдержек и противовесов, принципа разделения государственной власти, политического плюрализма и отсутствию государственной идеологии, нового порядка взаимоотношений новых органов публичной власти.

В концептуальном для России значении все чаще обсуждается вопрос о целесообразности существования верхней палаты Федерального Собрания парламента РФ (далее — Федеральное Собрание) как «палаты регионов», отражающей федеративное устройство страны. Но наиболее актуальной для России является дискуссия иного порядка: насколько верхняя палата по своему формированию, компетенции и качеству деятельности отвечает предназначению, определенному для нее в Конституции РФ.

Федеральное Собрание РФ (ст. 94 Конституции РФ) является законодательным органом власти, в числе его основных задач — представительство народа. В этом, по крайней мере, кроется потенциал ч. 2 ст. 3 Конституции РФ. И если Государственная Дума РФ формируется путем избрания депутатов населением страны, то Совет Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 95 Конституции РФ комплектуется сопровождением от каждого субъекта РФ представителя от органа:

— исполнительной власти, а точнее главы исполнительной власти субъекта РФ, в свою очередь подотчетного Президенту РФ. При этом главы регионов РФ по должности входят в возглавляемый Президентом РФ Государственный Совет;

— законодательной власти субъекта РФ;

— прекратившим полномочия Президентом РФ (п. «б» ч. 2 ст. 95 Конституции РФ);

— не более чем 30 представителями РФ, назначаемыми Президентом РФ, из которых 7 могут быть назначены пожизненно (п. «в» ч. 2 ст. 95 Конституции РФ).

По убеждению С. А. Авакьяна, члены верхней палаты всецело зависимы от тех, кто их делегировал. Их можно в любое время сместить без объяснения причин, порой для того, чтобы направить в Совет Федерации более подходящего представителя. Верхняя палата парламента, по мнению С. А. Авакьяна, стала пристанищем политиков, не нашедших себе более достойного места на федеральном уровне [1, с. 31].

Анализируя конституционно-правовой статус Совета Федерации, полномочия которого сводятся к контролю за качеством принимаемых нижней палатой законов, воплощением общегосударственных интересов и в совокупности со спецификой порядка его формирования, верхняя палата если и является представительным органом власти, то отнюдь не народного представительства и даже не субъекта РФ, а органов законодательной и исполнительной власти региона.

Функцию народного представительства Совета Федерации можно было бы обеспечить избранием сенаторов населением субъекта РФ по примеру США, Австралии, Аргентины, Австрии, Бельгии, что было бы весьма логичным в контексте событий 2014 г., когда в верхней палате появлялись новые члены (теперь уже сенаторы) — назначаемые Президентом представители РФ, количество которых после 1 июля 2020 г. увеличено до 30.

Критические замечания по поводу увеличения численности назначаемых Президентом РФ сенаторов сводятся к его желанию обезо-

пасить себя в случае отрешения от должности в порядке ст. 93 Конституции РФ, что, по мнению автора настоящей публикации, — спорное утверждение. Вместе с тем нельзя не согласиться с предложенной С. А. Авакьяном необходимостью конституционной регламентации ответственности главы государства. Поэтому совершенно справедливо возникают вопросы:

1. Не становится ли Совет Федерации «органом поддержки и безопасности» для Президента РФ?

2. Будет ли обеспечена установленная п. «б» ч. 2 ст. 95 Конституции РФ численность сенаторов — представителей РФ, назначаемых по инициативе Президента РФ?

Ответ на последний вопрос имеет прикладное значение, поскольку постановления Совета Федерации принимаются большинством голосов от общего числа сенаторов (ч. 3 ст. 102 Конституции РФ).

Совет Федерации все чаще именуется «палатой регионов», высказываются сомнения относительно целесообразности двухпалатности Федерального Собрания РФ, а с усилением позиции Государственного Совета РФ вследствие конституционных поправок 2020 г. и вовсе возможной заменой Государственным Советом РФ верхней палаты. Анализ обновленных конституционными поправками положений пп. «е», «ж» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ убеждает лишь в незначительном расширении полномочий Совета Федерации, чего не скажешь о п. «е.1» ст. 83 Конституции РФ, где Совет Федерации более не вправе назначать Генерального прокурора РФ. Внимания заслуживает конституционная поправка п. «д.1» ст. 83 Конституции РФ, где говорится о том, что Президент РФ назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны и безопасности государства.

Кроме того, пусть и несвоевременно, но все же возникает мысль — Государственная Дума формируется на выборных началах, причем в этом процессе исполнительные органы власти участия не принимают. В то время как при формировании Совета Федерации часть кандидатов в сенаторы направляют исполнительные органы власти субъекта РФ. Может ли такой порядок формирования верхней палаты соответствовать принципу разделения государственной власти (ст. 10 Конституции РФ)?

Неоднозначной остается ситуация вокруг парламентского контроля, источником которого является Федеральное Собрание РФ.

Проблемы применения принятых по настоятельной рекомендации Президента РФ, а не парламента, федеральных законов от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» и от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (далее — Закон о парламентском контроле) не ликвидированы, хотя само их появление можно рассматривать как предупредительный сигнал для исполнительной ветви власти. В Законе о парламентском контроле перечислены способы его осуществления. Вместе с тем палатам Федерального Собрания РФ в качестве способа реализации названного контроля не предоставлено правомочие по учреждению комиссий парламентского контроля (за исключением парламентского расследования), в то время как фактов для возбуждения парламентского расследования предостаточно — от нарушений финансовой дисциплины до преступлений, связанных с коррумпированностью должностных лиц.

Обобщая изложенное, хочется сфокусировать внимание на необходимости наращивания конституционных основ российского общества и государства, развития демократических институтов, что реализуемо посредством следующих мероприятий:

1. Создания необходимых условий, а вместе с этим конституционной практики применения предусмотренного Конституцией РФ и действующим законодательством парламентского контроля.

2. «Осязаемости» представительской функции Совета Федерации, обеспеченной посредством избрания сенаторов населением страны.

3. Обозначения места Государственного Совета РФ в системе органов государственной власти, что одновременно решит вопрос о сходстве некоторых полномочий Государственного Совета и Совета Федерации.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. М., 2014. Т. 1.

Н. А. Трусов

Конституционная реформа в России: причины, результат, правовые последствия

Самая масштабная конституционная реформа в истории современного государственно-правового устройства России произошла в 2020 г. Ее суть заключается в создании политико-правовой основы развития российской государственности на следующем историческом этапе. Причины реформирования несколько:

1) закрепление того, что уже существует в политико-правовом пространстве как результат 26-летней отечественной конституционной практики;

2) создание правовых предпосылок для правового обеспечения масштабных задач по социально-экономическому развитию страны, поставленных Президентом РФ и получивших нормативное регулирование в различных документах стратегического планирования.

Конституция РФ как организационный центр правовой системы нашей страны должна была поддерживать начатые преобразования. Поэтому важным результатом конституционной реформы стало принятие пятого по счету и самого объемного по своему содержанию Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В общей сложности объем конституционного текста увеличился почти на половину, что позволяет признать это реновацией Конституции Российской Федерации, т. е. качественным содержательным и технико-юридическим улучшением ее текста без существенного нарушения структуры акта [1, с. 13].

Конечно же эволюция конституции есть неизбежный процесс развития государства и общества. Это может происходить либо посредством принятия новой конституции государства (ставит под некую угрозу устойчивость жизни в стране, обеспечиваемую стабильностью Основного закона), либо путем перманентных точечных изменений. В 2020 г. Россия нашла третий путь — реновацию, позволившую сохранить потенциал Конституции РФ и обеспечить преемственность отечественной конституционной практики и стабильность конституционно-правового пространства.

Любое изменение законодательства должно влечь правовые последствия, в противном случае возникает вопрос о причинах соответствующих изменений. Тем более это касается Основного закона

страны. Однако современный отечественный конституционный опыт демонстрирует нам гибкость этого, казалось бы, непоколебимого утверждения.

Большинство изменений Конституции РФ 2020 г. сразу повлекли правовые последствия. Так, новые конституционные положения практически сразу детерминировали принятие 8 декабря 2020 г. Федерального закона № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». В этом же году 22 декабря в развитие новых конституционных положений был подписан Федеральный закон № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“».

Вместе с тем не все новые конституционные положения повлекли правовые последствия. Так, текст Регламента Совета Федерации Федерального Собрания РФ (далее — Регламент) до сих пор содержит положение о том, что к ведению Совета Федерации относятся назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора РФ и его заместителей (ст. 179 Регламента). Согласно Конституции РФ их назначает Президент РФ после консультаций с Советом Федерации (ст. 129).

В Регламенте также закреплено положение о том, что к ведению Совета Федерации относятся назначение на должность и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты РФ (ст. ст. 189, 192 Регламента). В действительности же это компетенция Государственной Думы РФ (п. «и» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ). Причем правовые последствия не наступили не только для Регламента, но и для базового Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», нормы которого в части назначения Председателя и заместителя Председателя Счетной палаты РФ не соответствуют Конституции РФ.

Отсутствие правовых последствий, связанных с изменениями, внесенными в Конституцию РФ, может привести к правовым пробелам. Так, одним из конституционных нововведений стало установление процедуры лишения неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий. Однако глава 23 Регламента этих изменений не учла и до настоящего времени регулирует исключительно порядок рассмотрения вопроса об отрешении Президента РФ от должности.

Таким образом, в системе действующего права порядок лишения Советом Федерации неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, в настоящее время отсутствует.

Еще одним интересным примером отсутствия (до настоящего времени) правовых последствий, касающихся изменений, внесенных в Конституцию РФ, выступает вопрос формирования Совета Федерации, а именно, назначения Президентом РФ представителей РФ в Совет Федерации. Изменения по численному составу Совета Федерации были сделаны еще четвертой поправкой к Конституции РФ в 2014 г., скорректированы пятой поправкой в 2020 г., а в состав Совета Федерации входит все еще 170 сенаторов, все они являются представителями от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ. Ни одного представителя РФ до настоящего времени назначено не было.

Отметим, что отсутствие правовых последствий после принятия поправок к Конституции РФ приводит к противоречиям в праве (коллизиям) и к правовым пробелам. Для того чтобы поправка была отнесена к группе влекущих правовые последствия, необходимо наличие механизма конкретизации конституционной поправки в текущем законодательстве и политическая воля к ее реализации. Отсутствие любого из перечисленных обстоятельств влечет автоматическое отнесение поправки в разряд не влекущих правовых последствий.

Список источников

1. *Трусов Н. А.* Реновация Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11.

А. Г. Филимонов

Природа русского государства и опыт демократических реформ современной России

За прошедший век Россия дважды теряла свою государственность в результате проводимых реформ. Это сопровождалось огромными издержками во всех сферах общественной жизни, народам России приходилось с нуля строить свою государственность и решать многие сложные задачи.

Почему происходит развал государства, в чем причина неэффективных реформ, проводимых политической элитой? Проанализируем эти вопросы.

Одна из главных причин видится в непонимании реформаторами природы русского государства. Следовательно, реформы должны быть проведены с учетом характерных черт русского государства, а не просто механическим переносом западного опыта.

Современная социально-политическая модель функционирования российского государства определяется Конституцией, принятой в 1993 г. Конституция РФ 1993 г. рождалась в жесточайшей борьбе между исполнительной властью в лице Президента Б. Ельцина и Верховным Советом РСФСР в лице его коллективного органа во главе с Р. Хасбулатовым. Пиком противостояния между двумя ветвями власти стали события 3 и 4 октября 1993 г., когда по приказу Б. Ельцина Парламент государства был расстрелян. Выходом из острого социально-политического кризиса общества стал референдум по новой Конституции, которая была принята 12 декабря 1993 г. Основной закон определял новый этап в развитии российского общества, и он был связан с демократическим, правовым статусом его существования. В Конституции РФ нашли отражение такие стороны правового, демократического, социального государства, как полновластие народа (ст. 3), принцип правового государства (ст. ст. 2, 15), равноправие и полноправие граждан (ст. 19), государственное единство (ст. 4), разделение властей (ст. 10). Закладывая в Конституцию данные положения и вынося их на референдум, конституционная комиссия столкнулась с рядом вызовов, без учета которых невозможно было обеспечить стабильное развитие общества.

Во-первых, готово ли было российское общество к реализации принципов правового, демократического государства в жизни, когда субъекты политического процесса не только осознают свои интересы, но и готовы их защищать перед государством. Был ли у них такой опыт в предшествующие десятилетия, имели ли они материальные ресурсы, позволяющие им самостоятельно отстаивать свои интересы в противостоянии с государством. Объективный анализ исторических условий, в которых рождалась новая социально-политическая модель развития России, свидетельствует о том, что таких условий не было. Не имели советские граждане свободных ресурсов, которые позволяли бы им защищать свои интересы. Не было опыта рыночной конкуренции, опыта осознания ценности свободы, так как свобода как выбор резко ограничивалась в советском обществе, опыта политической борьбы в отстаивании своих интересов, так как это рассматривалось как борьба с советской властью. Во-вторых, нельзя было не учитывать и многовековой опыт управления российским государством прежним политическим классом России.

Русская модель государственного управления отличается от западной рядом фундаментальных признаков. Если на Западе сохранялись многообразие форм собственности, а вместе с ней и полисубъектность политического процесса, то в российском государстве на всем протя-

жении его истории собственность консолидировалась в руках государства. Это позволило не только усилить вертикаль власти, но и расширить круг преданных государству людей. Обратившись к российской истории, мы видим, что преобладающим вектором в развитии государства была линия контроля над собственностью. Неразделенность власти и собственности — характерная черта Русского государства.

На Западе сформировалась договорная власть. Ее ядро составляют собственники, которые представлены в лице государства, церкви, крупных и мелких предпринимателей и землевладельцев, ремесленников, осознающих свои интересы и имеющих возможности использовать собственные ресурсы по их защите. Субъекты политического процесса, опирающиеся на собственные независимые от власти ресурсы, могут формировать государство как договорное, реализуя при этом принцип разделения властей. Такой тип государства способен создать механизм политической власти, учитывающий интересы большинства. Иначе говоря, в основе существования такого государства лежит та или иная мера согласия между собственниками, которая и находит свое воплощение в договорном государстве.

В России власть носит характер моноцентричности: царь, император, генеральный секретарь или президенты в лице государства как субъекты, контролирующие государственные ресурсы, способны навязать остальным субъектам общественной жизни свою волю и заставить их подчиниться. Такая власть по своей природе не может быть никакой другой, кроме как моноцентричной, самодержавной. Давая характеристику такой особенности русской власти, Ю. Пивоваров и А. Фурсов пишут, что «природа русской власти — это моноцентризм ... и властелинство, в котором один субъект имеет бесконечные права, а все другие „несут тягло“» [1].

Новая Конституция не обошла эту родовую черту русского государства, и наряду с интернационально признанными гарантиями прав человека и принципом разделения властей вводился режим сильной президентской власти, граничащий с президентской диктатурой. По многим основаниям она напоминала российское конституционное законодательство монархического периода (1906 г.) и в этом смысле восстанавливала элементы исторической преемственности государственно-правовой традиции. Власть президента оказалась во многом сходной с властью монарха как в силу ее практической неограниченности, так и по объему полномочий нового президента. В связи с этим следует отметить так называемое указное право президента (ст. 90 Конституции РФ), сопостави-

мое с соответствующей прерогативой императора (ст. 87 Основных законов Российской империи 1906 г.).

В новой российской Конституции нашли свое отражение и рудименты старой советской Конституции, например, ассиметричное построение Федерации, что приводит к неравенству полномочий и возможностей одних субъектов перед другими (п. 2 ст. 5).

По нашему мнению, реформирование Конституции РФ 2020 г. не изменило ее характера.

Список источников

1. URL: <https://lektsii-org.turbopages.org/lektsii/org/s/3-43026/html> (дата обращения: 17.11.2022).

РАЗДЕЛ II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

М. С. Десятов

Конституционные основы правоприменительного оперативно-розыскного процесса

Конституция Российской Федерации, являясь Основным законом страны, не только представляет собой правовой фундамент и константу развития государства, но и четко определяет приоритеты и ориентиры для государственных органов. В настоящее время это актуально особенно в уголовно-правовой среде.

Глава 2 Конституции РФ содержит различные по своей значимости нормы, регламентирующие правовой статус личности в РФ. Особняком стоит блок, хоть и не отмеченный специально, однако ярко выделяющийся своей весомостью и посвященный статусу человека и гражданина во взаимодействии с государственными органами. С определенными оговорками в этом блоке (ст. ст. 45–56), на наш взгляд, речь идет об основах правоприменения. Далеко не случайно в первой же части ст. 45 гарантирована защита прав и свобод человека и гражданина, и только во второй части этой же статьи предоставлено право на самозащиту любыми способами, не запрещенными законом. Иными словами, Конституция РФ, прежде всего, стремится защитить своего гражданина всем арсеналом сил государственных органов и лишь после оставляет ему возможность защищаться самому. По истине, это глубокая и мудрая мысль законодателя.

Экстраполируем ее в уголовно-правовую сферу (как одну из наиболее проблемных и общественно значимых) и разовьем озвученный тезис, озадачившись несколькими вопросами: насколько важно гражданину, какими *законными* средствами и методами его защищают, в рамках каких процессов и процедур, и, главное, какие конкретно государственные органы этим занимаются? Представляется, что условному усредненному

гражданину Н. по большому счету все равно, кто и как его защитит, главное — эффективно и быстро. Поэтому и государство обязано стремиться искать наиболее оптимальные способы его защиты. Более того, сам процесс поиска таких способов должен быть гибким и адаптивным к изменяющейся агрессивной среде.

В то же время, несмотря на то что в Основном законе указаны лишь общие положения в данной сфере и нет строгого указания на главенство следственных органов, многие десятилетия, начиная с советских времен, закреплён примат уголовного процесса как гаранта защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовно-правовой сфере (умышленно мы не рассматриваем органы прокуратуры и суды, поскольку их роль принципиально иная и носит, полагаем, ситуативный контрольно-надзирающий характер, в то время как органы предварительного следствия и органы дознания непосредственно участвуют на постоянной основе во всех стадиях уголовного расследования). В этом контексте за оперативно-розыскными органами исторически закрепилось «второе место», что проявляется во многих аспектах, начиная с объема прав и обязанностей и заканчивая отношением к результатам их деятельности. Поразительно, но на практике сложилась удивительная, с правовой точки зрения, ситуация. Только субъекты оперативно-розыскной деятельности имеют право негласно выявлять лиц, причастных к совершению преступлений, документировать их противоправную деятельность, применяя специальные технические средства, документы прикрытия, легендированные объекты и негласный аппарат и т. д. Однако использование в доказывании полученных сведений возможно только при опосредовании через уголовный процесс, осуществляемый исключительно в гласной форме. Причем если границы уголовно-процессуальной деятельности увязаны со сроками и процедурами производства по уголовному делу, то оперативно-розыскная деятельность осуществляется в более широком правовом диапазоне и направлена не только на раскрытие, но и на выявление, предупреждение преступлений, розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.

Однако представители преступного мира всегда действуют тайно, поэтому логично, что и борьба с преступностью в современных условиях неизбежно связана с негласным использованием всего комплекса правовых, организационно-тактических, информационно-аналитических и технических средств получения, анализа и оценки сведений, что практически невозможно без применения оперативно-розыскных сил, средств и методов. Тем не менее анализ состояния нормативного право-

вого регулирования оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности демонстрирует его жесткость и нежелание (или неспособность) законодателя развивать его в новом русле.

Представляется, что в качестве такового может выступать пересмотр на всех уровнях действительной роли оперативно-розыскных органов в уголовно-правовой сфере. Одним из вариантов трансформации существующих подходов в борьбе с преступностью является развитие самостоятельного оперативно-розыскного процесса. Оговоримся, что мы не противопоставляем его уголовному процессу, они не призваны конкурировать, вымещать друг друга. Но они должны друг друга дополнять: в открытом (гласном) формате уголовный процесс аккумулирует все результаты в уголовном деле, в закрытом (тайном, негласном) формате — оперативно-розыскной процесс с документированием в рамках оперативно-розыскного дела. На первый взгляд в предложение заложено дублирование (функций, форм, результатов и пр.), однако это далеко не так. Ограниченный объем научной статьи вряд ли позволит раскрыть всю суть новеллы, однако фактически она сводится к выделению самостоятельного и независимого участника правоотношений (оперативно-розыскного органа) в лице его руководителя и сотрудников, которые были бы способны наравне с органами предварительного расследования использовать весь арсенал законных средств и методов, направленных на реализацию положений ч. 1 ст. 45 Конституции РФ.

Л. М. Алтынбаева

Конституционное право на труд у недееспособных и ограниченно дееспособных лиц

Конституция Российской Федерации провозглашает право на труд каждого гражданина. Трудовое законодательство в отличие от гражданского не содержит запрета на заключение трудового договора с лицами, признанными недееспособными в силу психического расстройства и ограниченно дееспособными, кроме специальных случаев, прямо предусмотренных федеральными законами. Недееспособное или ограниченно дееспособное лицо имеет право подписывать трудовой договор либо иные кадровые документы самостоятельно. Судебная практика свидетельствует о невозможности признания таких трудовых договоров, заключенных с недееспособными или ограниченно дееспособными работниками, недействительными, так как трудовое законодательство

не содержит никаких ограничений прав этих граждан. Так, Верховный Суд РФ в определении от 23 апреля 2010 г. по делу № 13-В10-2 установил, что трудовой договор, заключенный между работодателем и недееспособным или ограниченно дееспособным лицом, являющимся работником, признать недействительным нельзя.

Так, Л. Н. Авилова обратилась в суд с иском в интересах недееспособного А. о восстановлении его на работе, взыскании заработной платы, оплате времени вынужденного прогула и компенсации морального вреда. Гражданин А. является инвалидом второй группы с детства по психическому заболеванию. Гражданка Авилова по решению суда — его опекун. А. был принят на работу после заключения срочного договора, подписанного лично, сроком на три месяца. Через три месяца А. был уволен на основании п. 2 ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса РФ. Суд вынес решение отказать в удовлетворении исковых требований. Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение. При этом Верховный Суд РФ ссылается на ст. 20 Трудового кодекса РФ, где запрета на заключение трудового договора с данной категорией лиц не предусмотрено.

На данном примере мы видим, что трудовой договор работник заключает самостоятельно, а в случае увольнения такого работника или признания договора недействительным обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав он не может, так как согласно гражданскому законодательству стороной в гражданском процессе может быть только дееспособное лицо.

Несмотря на право недееспособных и ограниченно дееспособных заключать трудовой договор, на наш взгляд, необходимо получить заключение медико-социальной экспертизы о времени и видах деятельности, которыми может заниматься данная категория граждан, поскольку дееспособность предполагает наличие психического расстройства. При этом существует различная степень поражения интеллекта и психики вследствие заболевания.

При заключении трудового договора с недееспособными лицами возникает ряд вопросов. Например, насколько недееспособное или ограниченно дееспособное лицо может осознавать значение своих действий, так как от этого зависит возможность выполнения таким работником своих трудовых обязанностей, применения к ним дисциплинарных взысканий, привлечения к материальной ответственности. Согласно ч. 3 ст. 242 Трудового кодекса РФ работники в возрасте до 18 лет несут полную материальную ответственность лишь за умыш-

ленное причинение ущерба, за ущерб, причиненный в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, а также за ущерб, причиненный в результате совершения преступления или административного правонарушения. В отношении недееспособных или ограниченно дееспособных лиц трудовое законодательство не предусматривает освобождения от материальной ответственности. Так, согласно ст. 242 Трудового кодекса РФ предусматривается возможность освобождения от материальной ответственности только несовершеннолетних работников. Применить данную норму к недееспособным и ограниченно дееспособным лицам нельзя, решить этот вопрос через гражданское законодательство тоже невозможно.

Учитывая вышеизложенные проблемы, было бы правильным ввести в трудовое законодательство отдельную главу, регулиующую труд недееспособных или ограниченно дееспособных работников.

С. Ю. Анохина, Ю. В. Анохин

Государственно-правовое обеспечение конституционного права граждан на защиту их социальных прав

Современный мир невозможно представить без прав человека, которые основаны на принципах свободы, равенства, справедливости и носят универсальный характер. Права человека выступают одной из важнейших составляющих практического решения вопросов взаимоотношений человека с государством и обществом.

Превращение прав человека из деклараций в жизненную реальность возможно только в условиях сильного правового социального государства и гражданского общества. Авторы определяют сильное государство как основательное, безупречно юридически оформленное, устойчивое, стабильно прочное; его доводы сильны, государственный механизм эффективен, Вооруженные Силы абсолютно надежны, политическая воля тверда, целенаправленна и социально-справедлива. Его представители — компетентные, профессионально подготовленные, уважаемые народом должностные лица» [1].

Проблема формирования и развития системы социальной защиты граждан является актуальной и по-прежнему остается недостаточно исследованной. Она требует к себе такого же внимания, как и другие ключевые элементы общества.

Следует признать, что в СССР эта проблема не стояла так остро, как сегодня в России, поскольку внутренними характеристиками социалистической системы были полная занятость, бесплатные здравоохранение и образование, гарантированность государственных пенсий и т. д. Общеизвестно, что советский человек был социально защищен лучше всех в мире, поэтому социальная защита в тот период сводилась к вопросам социального обеспечения граждан (пенсионное обеспечение, государственное социальное страхование трудящихся, отдельные виды обеспечения по государственному социальному страхованию). Достаточно сказать, что социальное обеспечение в СССР осуществлялось в своем роде впервые в мире. Это было объединяющее понятие различных регулируемых законом форм распределения и перераспределения государством части национального дохода, а также предоставления услуг в основном для обеспечения старости и нетрудоспособности.

Начиная с Конституции СССР 1936 г., в Основном законе союзного государства и конституции союзных республик включались статьи, провозглашавшие права граждан на материальное обеспечение в случае утраты трудоспособности, право на бесплатную медицинскую помощь, государственную поддержку материнства и детства и др.

При этом признание права на социальное обеспечение сопровождалось указанием на гарантии его реализации, в числе которых были: социальное страхование за счет государства (ст. 120 Конституции СССР 1936 г.), выплата за счет государства и колхозов пенсий по возрасту, по инвалидности и по случаю потери кормильца (ст. 43 Конституции СССР 1977 г.), а также осуществление государством функции по справедливому распределению общественных фондов потребления (ст. 23 Конституции СССР 1977 г.).

Реализацию конституционного права на обеспечение социальной защиты граждан в социалистическом обществе гарантировала единая государственная система социального обеспечения, основывавшаяся на том, что именно государство выполняло функцию правового регулирования всей этой системы.

Подчеркнем, что СССР удалось осуществить главнейшую обязанность государства — гарантировать право каждого «на достаточный жизненный уровень», что определено в основных положениях Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах.

В частности, советские ученые-правоведы при характеристике роли главного участника общественных отношений в сфере социального обеспечения особую роль отводили государству. Например, Я. М. Фогель

рассматривал государство в качестве «основного экономического и политического гаранта социального обеспечения», добавляя, что роль последнего состоит также «в установлении меры и методов материального содержания и обслуживания нетрудоспособных» [2, с. 33].

Положение большинства населения коренным образом изменилось в постсоветской России.

Одной из важнейших демократических ценностей, безусловно, выступает концепция социального государства, продекларированная Конституцией РФ.

В статье 7 Конституции РФ провозглашается, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие его граждан. Основным законом РФ также предусмотрено предоставление гражданам важнейших гарантий и прав социального характера — на труд и его оплату (ст. ст. 7, 37), на отдых (ст. 37), на жилище (ст. 40), на образование (ст. ст. 9, 43), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), на социальное обеспечение (ст. ст. 39, 49) и др.

Конституция РФ, зафиксировав основные социальные права граждан, не определила механизмы их осуществления. В постсоветские годы нашим государством предпринимаются значительные усилия по коренной перестройке ранее существовавшей системы социально-экономического развития. Но в этих преобразованиях недооцениваются или вообще игнорируются социальные составляющие. Это наглядно проявилось в так называемой монетизации социальных обязательств государства, в реформах здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства и др. Поэтому в процессе рыночных преобразований в России возникли многочисленные социальные проблемы, послужившие главным негативным фактором, сдерживающим социально-экономическое развитие страны. Это прежде всего касается таких социальных пороков и негативных социальных проявлений, как огромные масштабы бедности, чрезмерная дифференциация денежных доходов и потребления населения, сокращение социальных расходов государства, приватизация государства частью общества, криминализация и коррупция .

В настоящее время в России проблемы реализации государственно-правового обеспечения социальной защиты граждан вызывают повышенный интерес как для проведения углубленных научных изысканий, так и для выработки практических механизмов их правоприменения.

Социально-экономическое развитие государства, особенно в условиях его федеративного построения, сильно дифференцировано в силу различных причин и ярко отражается на жизненном уровне населения того или иного субъекта РФ. Поэтому во избежание социальных конфликтов государство должно обеспечить высокое качество жизни на основе создания отлаженной системы социальной защиты и действенных механизмов их реализации, максимально учитывающих особенности воспроизводства каждого региона. Вряд ли можно сравнивать уровень социального обеспечения жителей Москвы и Сибири, особенно сельских поселений.

Нельзя с полной уверенностью согласиться с утверждениями отдельных ученых экономистов. Так, А. Р. Харевава заявляет о том, что «с учетом делегирования государством полномочий регионам на местах не только реализуются функции федеральной социальной политики, но идет активный процесс формирования самостоятельного механизма ее осуществления региональными органами управления» [3]. Аналогичной позиции придерживается и Ю. И. Юрьев, считающий, что «разграничение функций федеральных и региональных структур позволит создать единую систему социальных льгот, при которой их минимальные уровни устанавливаются центром и реализуются за счет средств федерального бюджета, а более высокие уровни и расширенный перечень льгот устанавливаются на региональном и местном уровнях и формируются за счет собственных источников с учетом ресурсных возможностей» [4, с. 61].

С нашей точки зрения, для того чтобы формировать самостоятельный региональный механизм социального обеспечения граждан, нужно кардинально изменить экономическую систему государства. В условиях федеративного государства следует отказаться от распределительной системы доходов и перейти на содержательную.

В делящейся дискуссии об обеспечении социальной защиты граждан особое место отводится роли государства в реализации им социальной функции.

Из всего многообразия существующих моделей социальной защиты граждан можно выделить две:

- 1) социальное государство, ориентированное на поддержку всех членов общества;
- 2) государство, ориентированное на помощь отдельным категориям граждан. Данная модель связана с так называемой неоклассической, монетаристской моделью экономического развития, навязанной

России в 90-е гг. прошлого столетия, основанной на ограничении государства как хозяйствующего субъекта и сведении ее к роли «ночного сторожа». Сторонники данной модели выступают за сокращение социальной функции государства и полагают, что любое социальное вмешательство снижает эффективность рыночной экономики.

При создании новой модели социальной защиты граждан нельзя считать главным критерий нуждаемости, минимальную заработную плату и минимальный прожиточный минимум. Это не может быть основой сильного социального государства, напротив, это свидетельствуют о его слабости.

По нашему мнению, социальное государство призвано стремиться в определенных пределах к обеспечению социальной справедливости, к сглаживанию социальных контрастов. Оно в той или иной форме должно реагировать на проявления неравенства, устанавливая разного рода льготы и привилегии для тех, кто принадлежит к наименее обеспеченным социальным группам или оказался в сложной жизненной ситуации в силу возраста, потери трудоспособности, природных катаклизмов и т. д. Мы по-прежнему акцентируем внимание на том, что «социальному государству необходимо принимать меры по нивелированию социального неравенства различными мерами.

В большей степени расширяет пределы государственного вмешательства Е. А. Лукашева, ставя перед социальным государством задачу перераспределения доходов между различными слоями общества, обеспечения социальной справедливости [5, с. 11].

Таким образом, говоря о роли государства в обеспечении социальной защиты граждан, важно отметить, что социальная нестабильность может поставить под угрозу не только социальную, но и национальную безопасность всего общества. Поэтому требуется постоянное внимание со стороны государства в целях сохранения стабильности в обществе, обеспечения благополучия личности, достижения социальной справедливости с учетом специфики федеративных отношений.

Список источников

1. URL: <https://lawtheses.com/effektivnaya-gosudarstvennost-v-lichnostno-pravovom-izmerenii> (дата обращения: 23.10.2022).
2. *Правовая система социального обеспечения* : учеб. пособие / Я. М. Фогель, З. Д. Виноградова. М., 1983.
3. URL: <https://www.dissercat.com/sistema-sotsialnoi-zashity-naseleniya-v-regionalnoi-politike-gosudarstva> (дата обращения: 23.10.2022).

4. Юрьев Ю. И. Совершенствование информационно-аналитических основ системы государственной социальной политики : дис. ... канд. экон. наук. М., 2002.

5. Лукашова Е. А. Правосознание и законность в социалистическом обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973.

В. В. Бабурин

Конституционные основы правомерного поведения, связанного с причинением вреда

В настоящее время многие считают, что в Конституции РФ присутствует норма, прямо посвященная необходимой обороне, ссылаясь на установленное в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ положение о том, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Некоторые при этом говорят о наличии конституционных основ необходимой обороны, которые находят свою дальнейшую реализацию в нормах уголовного права, исключающих уголовную ответственность за правомерное причинение вреда общественным отношениям. Одним из известных случаев такой уголовно-правовой нормы является ст. 37 «Необходимая оборона», которая предусмотрена в главе 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» УК РФ.

Действительно, между ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и ст. 37 УК РФ прослеживается определенная связь. Но можно ли только исходя из этой связи делать вывод о наличии конституционных основ необходимой обороны и вообще правомерного причинения вреда? Для ответа на данный вопрос следует определиться с тем, что представляют собой конституционные основы.

В целом под конституционными основами понимаются закрепленные в конституции базовые принципы чего-либо, в которых получили юридическое выражение основополагающие ценности.

Можно ли заявлять о наличии именно конституционных основ активной самозащиты, поскольку Конституция РФ, закрепляя наиболее существенные права человека и гражданина, в ч. 2 ст. 45 предусматривает право граждан на защиту своих законных интересов активным путем, не говорят прямо о возможном причинении ущерба общественным отношениям, хотя в целом в ряде случаев это и не запрещено законом. Было бы правильным прямо предусмотреть конституционное право на

правомерное причинение вреда при защите от общественно опасного посягательства в том виде, в каком оно представлено в ст. 37 УК РФ.

По нашему мнению, отсутствие такого положения в Конституции РФ оказывает негативное влияние на полноту и комплексность правового регулирования правомерного поведения, связанного с причинением вреда, а также на структуру и форму уголовно-правовых норм. В настоящее время данные нормы являются нормами-гарантиями, но не нормами-правилами поведения. Они не имеют схемы «гипотеза, диспозиция, санкция», поэтому не могут в силу своей конструкции обеспечить полный механизм регулирования процесса правомерного поведения в уголовном праве. Для этого нужна конструкция нормы как правила поведения. Статья 37 УК РФ представляет собой больше содержание гипотезы разрешающей уголовно-правовой нормы, тогда как для полноценного правового регулирования правомерного поведения, тем более связанного с причинением вреда, необходима характеристика не только гипотезы запрещающих норм, но и соответствующей диспозиции так же, как и санкции [1, с. 242].

Следует поддержать Т. Ш. Атабаеву, которая справедливо отмечает, что право необходимой обороны относится к числу основных субъективных прав человека и является гарантом по отношению к остальным основным правам и свободам человека и гражданина, а потому носит самостоятельный характер, а не дополняет охранительную деятельность государства. Государство обязано не только признать это право, но и закрепить в законодательстве максимальные возможности по его осуществлению.

Правовой институт самозащиты относится к основам правового статуса личности. Уголовно-правовой институт необходимой обороны основывается на конституционных положениях, закрепляющих права граждан на самостоятельную защиту прав, свобод и законных интересов. В основе этого лежит конституционная идея обеспечения баланса различных интересов участников общественных отношений и недопустимость ограничения прав и свобод одного субъекта за счет прав и свобод другого субъекта общественных отношений. При этом на государство возлагаются обязанности по обеспечению вопросов правового регулирования судебной защиты граждан от уголовной ответственности за причинение вреда в пределах необходимой обороны.

Полагаем, что нужно содержание ст. 37 УК РФ в действующей редакции перенести в Конституцию РФ, а в Общей части УК РФ ст. 37 сформулировать как норму-определение. Саму же норму о необходимой обо-

роне с конструкцией «гипотеза, диспозиция, санкция» следует включить в Особенную часть УК РФ. Для начала (поскольку в будущем предлагаем в Уголовном кодексе предусмотреть отдельный раздел, посвященный деяниям, связанным с правомерным причинением вреда) данную норму можно поместить в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» после ст. 108 УК РФ (как ст. 108¹ УК РФ). При этом в статье гипотеза должна раскрывать условия действия в рамках необходимой обороны, диспозиция — само действие в подобных условиях, а санкция — стимулировать к соблюдению требований и правил, указанных в диспозиции статьи, предусматривая такое уголовно-процессуальное действие, как исключение уголовной ответственности. Наряду с необходимой обороной, по такой же схеме должны быть выстроены другие статьи, регламентирующие в настоящее время остальные обстоятельства, исключающие преступность деяния [1, с. 240].

Отдельного разбирательства требуют уголовно-процессуальные вопросы необходимой обороны. Как справедливо отмечает Н. С. Гамаюнов, многочисленные ошибки, допускаемые следственными и судебными органами при расследовании уголовных дел о необходимой обороне, вызваны, прежде всего, недостатками в уголовно-процессуальном законодательстве, а не содержанием самой нормы о необходимой обороне. Автор полагает, что для изменения существующей ситуации по расследованию и рассмотрению случаев оборонительных действий граждан против общественно опасных посягательств необходимо совершенствовать нормы уголовно-процессуального права, так как именно они в итоге определяют результат правоприменительной деятельности [2, с. 71].

Таким образом, нужно признать, что пока рано говорить о существовании конституционных основ необходимой обороны. Порядок создания конституционных основ, так же как и порядок действий в целях отражения общественно опасного посягательства, нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании и в подробном описании их в российском законодательстве.

Список источников

1. *Бабурин В. В., Нечепуренко А. А.* Проблемы уголовно-правового регулирования необходимой обороны как разновидности уголовно-правового деяния // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479.
2. *Гамаюнов Н. С.* Уголовно-процессуальные аспекты института необходимой обороны : монография. М., 2014.

В. Н. Борков

Реализация принципа доверия граждан к государству: уголовно-правовой аспект

Доверие граждан к государству является важным условием его нормального функционирования, способствует выполнению обязанности по защите прав и свобод человека. Конституционный Суд РФ, раскрывая значение содержания данного принципа, в основном подчеркивает его диалектическую взаимосвязь с качеством правового гарантирования и обеспечения социальных прав. Согласно ст. 75.1 Конституции РФ «в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Лояльность граждан к конкретным государственным органам повышает эффективность решения стоящих перед ними задач. Так, полиция при осуществлении своей деятельности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан (ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Т. И. Пороховская отмечает, что «для обеспечения гражданского мира и создания справедливого, процветающего общества и от граждан требуется самоограничение свободы, демократическое государство невозможно без лояльности и ответственности своих граждан» [1, с. 49].

Ценность доверия и лояльности гражданина к государству возрастает в сложные переломные периоды, требующие решения важных геополитических задач. И. А. Умнова пишет, что доверие между гражданским обществом и государством, особенно в кризисных ситуациях, реально может стать основой для формирования позитивных тенденций конституционного развития. В таких условиях реализация принципа доверия гражданина к государству нуждается в особой правовой охране, в том числе и уголовно-правовыми средствами [2, с. 21].

Существенно подрывает доверие гражданина к государству ложь о деятельности последнего. Криминальной общественной опасностью такие действия обладают будучи совершенными в условиях вооруженного конфликта. В апреле 2022 г. уголовный закон дополнен нормами, предусматривающими ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании

Вооруженных Сил РФ (ст. 207³ УК РФ), за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ (ст. 280³ УК РФ).

Распространение заведомо ложной информации следует признавать публичным, если она адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме, например, устной, письменной, с использованием технических средств. Вопрос о наличии признака публичности распространения информации разрешается судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. Публичный характер распространения может проявляться в использовании средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и др.), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, путем выступления на собрании, митинге, посредством распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п.

Статья 280³ УК РФ запрещает публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил, в целях защиты нашего государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил в тех же целях. Субъектом данного преступления является лицо, ранее в течение года привлеченное к административной ответственности за одноименное административное правонарушение (ст. 20.3.3 КоАП РФ). Законодатель применил административную преюдицию, предполагающую привлечение к уголовной ответственности только в том случае, когда административное наказание не оказало предупредительного воздействия.

В отличие от распространения лжи, дискредитация и воспрепятствование использованию Вооруженных Сил охватывают более широкий спектр общественно опасных действий. Под дискредитацией понимается подрыв авторитета и имиджа Вооруженных Сил, умаление их роли в обеспечении безопасности российского государства и граждан, поддержании международного мира. Дискредитация может выражаться в обвинениях, не прямых оскорблениях, навешивании ярлыков, опорочивающих сравнениях и др. Для признания информации или фактических действий дискредитирующими не требуется установления того, что они заведомо для субъекта не соответствуют действительности или неверно ее отражают.

Под призывами к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил в целях защиты нашего государства следует понимать выражен-

ные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к политическим деятелям, другим гражданам, военнослужащим, их близким с целью побудить их к протестам, пикетированию органов власти и военных объектов, а самих военнослужащих — к отказу от выполнения обязанностей.

Судя по определению законодателем места указанных норм в системе Особенной части УК РФ, распространение ложной информации посягает на общественную безопасность (глава 24 УК РФ), а дискредитация Вооруженных Сил и призывы к препятствованию их использования — на безопасность государства (глава 29 УК РФ). Определить соотношение таких категорий, как безопасность общества и безопасность государства, достаточно сложно.

Уровень защищенности прав и свобод человека зависит от авторитета и дееспособности власти, обязанной эти права защищать. Если посягательство на общественную безопасность состоит в создании угрозы неопределенному кругу лиц, материальным и духовным ценностям общества, то государственная безопасность нарушается путем ослабления государственных институтов. Ложная информация об использовании Вооруженных Сил оказывает воздействие на граждан, вызывает у них негативное отношение к армии и ощущение собственной незащищенности. Дискредитация Вооруженных Сил и препятствование их использованию также подрывают обороноспособность государства.

В соответствии с ч. 3 ст. 29 Конституции РФ никто не может быть принужден к отказу от выражения своих убеждений, но в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства осуществление данного права должно быть ограничено (ч. 3 ст. 55 УК РФ). Содержательной основой ограничения выступает такая важнейшая конституционная модель правомерного поведения, как солидарность и взаимодействие гражданина и государства.

Список источников

1. Пороховская Т. И. Патриотизм в эпоху глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Философия». 2015. № 2.
2. Умнова (Конюхова) И. А. Тенденции конституционного развития и конституционного правоприменения в условиях угроз и вызовов человечеству // Государство и право. 2018. № 2.

А. И. Бородич

О Всебелорусском народном собрании

В истории суверенной Республики Беларусь уже закрепился консолидированный формат рассмотрения ключевых целей и задач, направлений и приоритетов социально-экономического развития страны на всенародном форуме, объединяющем делегатов от всех регионов страны и слоев населения, представителей власти и общества — Всебелорусском народном собрании (далее — ВНС).

Обратим внимание, что первый всенародный форум состоялся 19–20 октября 1996 г. Делегатами была одобрена инициатива проведения республиканского референдума по внесению изменений и дополнений в Конституцию, принята предложенная Президентом программа социально-экономических преобразований — Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы, ставшая пятилетним планом развития государства, определившая приоритеты в развитии экономики, заключающемся в росте объемов экспорта, расширении жилищного строительства и увеличении производства продовольствия. Указанные приоритеты, наряду с другими, были обозначены и в последующих программах социально-экономического развития страны. Необходимо отметить, что во всенародном форуме принимали участие делегаты всех ветвей власти, сфер производства и бизнеса, науки и образования, здравоохранения и культуры, студенческая молодежь и ветераны, были приглашены представители дипломатического корпуса, белорусских диаспор за рубежом, международных организаций, зарубежные гости.

На втором ВНС, прошедшем 18–19 мая 2001 г., были подведены итоги пятилетия, рассмотрена Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы, включающая приоритеты, касающиеся обеспечения продовольственной безопасности, экспорта, строительства жилья, инновационной и инвестиционной деятельности.

На третьем всенародном форуме, состоявшемся 2–3 марта 2006 г., была одобрена Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы, включающая оценку достигнутого уровня социально-экономического развития в 2001–2005 гг., анализ положения республики в мире. Кроме того, в ней были определены цели и задачи, основные направления и приоритеты социально-экономического развития страны на следующие пять лет, совершенствования макроэконо-

мических условий, формирования эффективных институтов управления на следующие пять лет, обоснованна система мер правового, социально-экономического и экологического характера по их реализации, необходимые ресурсы и ожидаемые социально-экономические результаты.

Наиболее важным итогом четвертого ВНС, состоявшегося 6–7 декабря 2010 г., стало рассмотрение делегатами результатов предыдущего пятилетия, утверждение Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, направленной на сохранение национальной модели социально ориентированной экономики, улучшение инвестиционного и бизнес-климата, развитие высокотехнологичных производств, рост экспорта.

Пятое ВНС прошло 22–23 июня 2016 г. Делегаты подвели итоги развития страны за предыдущее пятилетие и обсудили стратегические задачи на будущее, утвердив Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы с главной целью, заключающейся в повышении качества жизни населения на основе роста конкурентоспособности экономики, привлечения инвестиций и инновационного развития.

Шестое ВНС состоялось 11–12 февраля 2021 г. На нем были приняты резолюция и обращение участников собрания. ВНС постановило: одобрить основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы и поддержать ее главную цель — обеспечение стабильности в обществе и роста благосостояния граждан за счет модернизации экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни, работы и самореализации человека. В сфере общественно-политического развития резолюцией ВНС одобрены предложения по обеспечению участия широких слоев населения в разработке и реализации важнейших направлений государственной политики, признав ВНС высшей формой народного представительства с законодательным закреплением его особого правового статуса, по созданию конституционной комиссии, которой в 2021 г. было поручено разработать предложения по изменению Конституции Республики Беларусь для их последующего вынесения на всенародное обсуждение и республиканский референдум.

После республиканского референдума по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию, состоявшегося 27 февраля 2022 г., подверглись корректировке преамбула и 85 статей, появилось 11 новых статей, исключены две статьи. Основной закон также дополнен новой главой 3¹ «Всебелорусское народное собрание». Всебелорусское народное

собрание представляет собой высший представительный орган народо-властия, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Для определения правового статуса, компетенции, порядка формирования, прав и обязанностей делегата, а также принципов и организационных основ деятельности ВНС в Республике Беларусь разработан и обсужден общественностью проект Закона «О Всебелорусском народном собрании» (далее — Закон). В законопроекте определены полномочия Президиума ВНС — коллегиального рабочего органа, функционирующего в перерывах между собраниями для оперативного решения вопросов, входящих в компетенцию ВНС. Кроме того, закреплён механизм формирования ВНС, во-первых, обеспечивающий профессионализм и эффективность работы делегатов, а во-вторых, признание обществом принимаемых ВНС решений, на которые будут опираться государственные органы. Несомненно, порядок реализации ВНС своих полномочий определяется Конституцией Республики Беларусь, Законом, Регламентом ВНС и соответствующими законодательными актами.

ВНС будет формироваться на паритетной основе, позволяющей учесть интересы различных слоев населения и обеспечить их представительство. Согласно ст. 89² Конституции, делегатами являются: Президент; Президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки; представители законодательной, исполнительной и судебной власти (440 делегатов); представители местных советов депутатов (максимально 350 делегатов); представители гражданского общества (предельное число делегатов этой категории — 400 человек). Данное представительство позволит обеспечить легитимность собрания и принимаемых им решений. Конституция установила предельную численность делегатов — 1200 человек, срок полномочий — пять лет. Следует отметить, что порядок избрания делегатов необходимо закрепить в Избирательном кодексе Республики Беларусь.

Вместе с тем в законопроекте целесообразно более четко определить порядок реализации конституционных полномочий ВНС — от утверждения основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности до принятия решения по предложению Президента о возможности направления военнослужащих, сотрудников военизированных организаций, иных лиц за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллек-

тивной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности.

Таким образом, главные изменения Основного закона Республики Беларусь затронули вопросы государственного устройства: сформулированы нормы, определяющие статус, порядок формирования и полномочия Всебелорусского народного собрания, которое стало высшим представительным органом народовластия Беларуси, особой формой народовластия, демократическим институтом, позволяющим гражданам шире реализовывать право участия в делах государства не только через выборы разных уровней и референдумы, деятельность парламента и местных советов депутатов, но и путем расширения представительства и участия людей в принятии стратегических решений с соблюдением интересов всех слоев общества и с учетом их мнения относительно развития страны.

В. В. Головки

Применение административного штрафа в области дорожного движения: проблемы и перспективы

Обеспечение безопасности дорожного движения остается одной из важных проблем современного общества. Масштабные потери от дорожно-транспортных происшествий представляют реальную угрозу национальной безопасности. Дорожно-транспортные происшествия наносят экономике России и обществу в целом колоссальный социальный, материальный и демографический ущерб.

В этих условиях возрастает значение мер административно-правового принуждения, призванных оказать позитивное влияние на участников дорожного движения. Рассмотрение и принятие проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) в Государственной Думе РФ, полагаем, позволит решить эту проблему. Однако в новом проекте КоАП законодатель пошел простым путем ужесточения ответственности и повышения в несколько раз размеров административных штрафов.

В проекте главы 21 КоАП статьей 21.9 за превышение установленной скорости движения предусматриваются штрафы в четыре раза больше, чем в действующем законодательстве. Например, за превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 20, но не более 40 км/ч предусмотрен административный штраф в раз-

мере 3000 рублей, а на величину более 40, но не более 60 км/ч — в размере 4000 рублей, превышение более 60 км/ч повлечет уже применение административного штрафа в размере 5000 рублей или лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок от четырех до шести месяцев.

За повторное превышение скорости на величину более 40 или 60 км/ч предусматривается административный штраф в размере 10000 рублей или лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок один год.

Таких примеров в новом проекте КоАП достаточно. Смогут ли водители в современных экономических условиях заплатить такие штрафы? Поможет ли это обеспечить безопасность дорожного движения? Думается, что нет. Эта мера, на наш взгляд, будет способствовать росту коррупции.

Зарубежный опыт демонстрирует необходимость развития сети дорог, безопасность конструкции транспорта, техническое совершенство регулирования дорожного движения и другие меры. Решить вопросы безопасности ужесточением наказания не удалось ни в одной стране мира. Тем более, по официальным данным ГИБДД, 70 водителей и 180 юридических лиц по всей России имеют более тысячи неоплаченных штрафов. Сумма задолженности отдельных водителей превышает 500 тыс. рублей.

По нашему мнению, применение устаревшей редакции ст. 27.13 КоАП РФ в настоящее время вряд ли сможет повысить эффективность исполнения наказания в виде административного штрафа. Необходимы новые правовые элементы административно-правового регулирования в области дорожного движения. Таковым, как представляется, может быть изменение законодателем ст. 27.13 КоАП РФ и применение административного принуждения в виде временного административного приостановления деятельности водителя с помещением транспортного средства на специализированную стоянку за невыполнение требований ст. 20.25 КоАП РФ до уплаты назначенного уполномоченными лицами административного штрафа. Такая мера административного воздействия активно применяется в отношении лица, транспортное средство которого выезжает за пределы территории Российской Федерации, или тех, кто нарушил требования, предписанные дорожными знаками, запрещающими остановку или стоянку автомобиля до исполнения наказания (ст. 27.13 КоАП РФ). Это позволит в разы уменьшить время уплаты штрафа и повысить мотивацию водителей в соблюдении Правил дорожного движения. Представляется, что применение такого вида принуждения по ст. 27.13 КоАП РФ

повысит эффективность ее реализации и снизит функциональную нагрузку на участковых уполномоченных полиции и сотрудников Федеральной службы судебных приставов. Кроме того, к борьбе с уклоняющимися от уплаты административных штрафов в области дорожного движения необходимо привлекать сотрудников ГИБДД при постановке и снятии с учета транспортного средства; сотрудников иных органов и подразделений МВД России — при выдаче различных справок и документов, проведении государственного технического осмотра транспортных средств, а также представителей страховых учреждений, многофункциональных центров оказания государственных услуг и др. С нашей точки зрения, это позволит значительно расширить круг субъектов, уполномоченных применять меры административного принуждения.

В Государственную Думу РФ внесен проект закона, позволяющего задерживать и конфисковывать транспорт с последующим уничтожением или его реализацией в доход государства у водителей, уклоняющихся от уплаты административных штрафов. Поскольку сотрудниками ГИБДД ст. 20.25 КоАП применяется крайне редко, и процент взыскания административных штрафов по ней небольшой, предлагается передать эти полномочия Федеральной службе судебных приставов с возможностью задержания транспортного средства и помещения его на специальную стоянку в соответствии со ст. ст. 17.17, 20.25 и 27.13 КоАП РФ.

Интересен в этом контексте опыт Китая, где водителей не лишают права собственности на автомобиль, а изымают документы, необходимые для его эксплуатации.

Какой способ борьбы со злостными неплательщиками выберет законодатель, покажет время. Важно разработать и принять на законодательном уровне точный механизм административно-правового регулирования применения административного штрафа в области дорожного движения.

О. А. Дизер

Проблемные аспекты квалификации действий лица, спровоцированного на совершение преступления

В теории уголовного права и в судебной практике до сих пор нет однозначного понимания такого общественно опасного явления, как провокация преступления. УК РФ в главе «Преступления против правосудия» содержит статью, устанавливающую ответственность за

провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, при этом остается нерешенным вопрос, связанный с провокацией других преступлений. Широкая распространенность заявляемой провокации преступления требует решения многочисленных проблем, в том числе и касающихся квалификации действий спровоцированного лица.

Позиция Верховного Суда РФ такова: совершенное спровоцированным лицом деяние должно признаваться непроступным, так как отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). При этом в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняется: «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии».

Согласно п. 36.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 суду, независимо от признания подсудимым своей вины, необходимо проверять законность и обоснованность проведения каждого оперативно-розыскного мероприятия. Понятно, что провокация носит завуалированный характер, и спровоцированное лицо нередко даже не понимает, что стало объектом хорошо спланированной провокации, и признает свою вину. Вполне аргументированно в этом плане апеллирование судов к ст. 75 УПК РФ, содержащей запрет на использование доказательств, полученных с нарушением требований, не имеющих юридической силы, которые могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ (в частности, события преступления).

Необходимо подчеркнуть, что провокация обусловлена совокупностью внешних условий, влияющих на совершение преступления. И здесь встает вопрос о дифференциации ответственности в зависимости от конкретного противоправного деяния. Разделяя точку зрения А. В. Бриллиантова и А. Д. Щербакова, нельзя не отметить степень и характер воздействия на личность, представляющую потенциальную общественную опасность, с учетом определенных свойств личности и социальной значимости негативного деяния [1, с. 94].

В ходе проводимого в рамках исследования анкетирования в части уголовно-правовой оценки деяния спровоцированного лица был поставлен вопрос о возможности привлечения к уголовной ответствен-

ности спровоцированного лица. 17% респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов ответили на него утвердительно, 38,2% высказали мнение, что наличие провокации — это смягчающее обстоятельство, оставшиеся 44,6% посчитали, что лицо должно быть освобождено от уголовного преследования [2, с. 133].

Действительно, если одно совершенное деяние может содержать в себе незначительное количество условий, содействовавших преступной деятельности, и внешне создавать лишь абстрактную возможность совершения преступления, то другое может быть совершено в силу хорошо спланированного склоняющего воздействия провокатора, формирующего условия с учетом личности виновного. Провокатор в основном действует тайно, спровоцированное лицо может не осознавать, что стало жертвой манипуляции, цель которой — привлечение к уголовной ответственности. Другое дело, если лицо осознавало противоправность своих действий и могло руководить ими, оно должно нести уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством. Понятно, что деяние спровоцированного не может быть оценено в позитивном ключе, на что обращал внимание И. И. Бранчель: «возбуждение в другом человеке решимости совершить конкретное преступление путем оказания психического или физического давления купирует свободу выбора проверяемого лица» [3].

Вместе с тем если лицо в момент воздействия провокатора способно было осознавать фактический характер и общественную опасность того, что оно делает, и руководить своим поведением, то оно должно нести ответственность, в противном случае оно должно быть признано невменяемым (ст. 21 УК РФ) и освобождено от уголовной ответственности.

Осуществляемая провокация носит поисковый общий характер, в ее основе лежит безосновательное преследование всякого лица, подвергнутого сомнению, что, в свою очередь, снижает общественную опасность преступного деяния.

Вполне логично, что спровоцированное лицо должно освобождаться от уголовной ответственности или нести ее, если посягательством причинен реальный вред, повлекший необратимые последствия, или посягательство осуществлено на объект особо ценный или ценный, однако наказание необходимо предусмотреть со ссылкой на смягчающее обстоятельство.

Таким образом, из всех вышеприведенных соображений действия спровоцированного лица должны квалифицироваться с учетом смягчающего обстоятельства со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ только в том случае,

если вина провокатора в совершении преступления доказана в установленном законом порядке.

Дальнейшие научные дискуссии в этой сфере способны содействовать выработке взвешенных и эффективных предложений, которые будут полезны как для теории, так и для практики.

Список источников

1. *Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д.* Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10.

2. *Дизер О. А.* Провокация преступления: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.

3. *Бранчель И. И.* Провокация и инсценировка преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. URL: <http://lib.sibli.ru/docs/ord/docs/branchel.PDF> (дата обращения: 15.01.2021).

А. Н. Жданова

Конституционно-правовые основы использования искусственного интеллекта

В настоящее время искусственный интеллект плотно интегрировался в повседневную жизнь. Область применения искусственного интеллекта обширна и включает в себя практически все направления жизнедеятельности человека. Данный тезис в полной мере касается и юридической сферы. Например, в Китае была разработана система вынесения приговоров по уголовным делам с использованием анализа тысячи характерных черт подобного рода кейсов, которая за два года работы в судебной системе зарекомендовала себя исключительно с положительной стороны — с 97% точности в принятии решений по уголовным делам.

Между тем массовость и масштабность применения искусственного интеллекта позволяет поставить вопрос о правовом регулировании деятельности с его использованием. Помимо базовых нерешенных вопросов об определении понятия искусственного интеллекта, в настоящее время активно обсуждается возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Почвой для подобного рода рассуждений становится все большая автономность искусственного интеллекта от лица, его создавшего. И как только искусственный интеллект будет способен принимать самостоятельные решения в заданных ему алгоритмах, самостоятельно создавая юридические факты в правовом поле, данная тема станет актуальной повесткой для изменения рос-

сийского законодательства. Тем более в 2022 г. в некоторых странах вопрос уже перешел из разряда дискуссионных в практическую область интеллектуальной собственности.

Так, в июле 2022 г. при рассмотрении гражданского дела об оспаривании отказа патентного ведомства признать автором изобретения искусственный интеллект австралийский суд пришел к выводу, что в законе не существует никаких ограничений для отказа в признании последнего субъектом патентного права. В своей аргументации суд апеллировал отсутствием дефиниции «изобретатель» в австралийском законе, которая трактовала бы автора изобретения только лишь как человека.

Необходимо отметить, что со вступлением в законную силу этого решения юридическое сообщество разделилось на два лагеря, один из которых поддерживает идею наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, а другой — нет. В обоснование своей позиции сторонники нового подхода говорят о необходимости введения в законодательство нового субъекта гражданских правоотношений — электронное лицо, аргументируя свою позицию тем, что гражданское законодательство (исключая сферу интеллектуальной собственности) уже имеет прецеденты наделения правосубъектностью искусственно созданные образования — юридических лиц или публично-правовых образований.

Что касается сферы именно интеллектуальной собственности, где автором произведений науки, литературы или искусства, с точки зрения гражданского законодательства, выступает лишь физическое лицо, чьим творческим трудом создано произведение, сторонники традиционного подхода к пониманию авторства апеллируют отсутствием творческой составляющей. Однако законодательство не содержит определения термина «творчество». И если рассматривать его через призму таких характеристик, как оригинальность и независимость, то следует констатировать, что искусственный интеллект уже обладает последними в своей деятельности. Например, в феврале 2021 г. в Чехии искусственный интеллект написал пьесу, а в октябре 2021 г. состоялась презентация симфонии, созданной искусственным интеллектом.

Если все же брать за основу традиционное понимание автора интеллектуальной собственности, то на первый план выходит аспект определения авторства на произведение, созданное искусственным интеллектом. Им может быть признан либо пользователь искусственного интеллекта, либо его создатель. Существуют мнения о признании таких произведений общественным достоянием. На наш взгляд, подобное решение вопроса об авторстве не будет стимулировать создателей на

изобретение чего-то нового в различных областях профессиональной деятельности.

Актуальность этих идей для российского законодательства уже подкреплена некоторой статистикой. В 2019 г. в Роспатенте уже была зарегистрирована заявка на выдачу патента на изобретение, созданное искусственным интеллектом.

Динамика развития технического прогресса неминуемо ставит перед законодателем вопрос о соотношении правового положения искусственного интеллекта с правовым статусом человека, закрепленным в ст. 2 Конституции РФ, которая гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Эта проблема не является преувеличением, так как технический прогресс идет по пути производства сложных роботов, имеющих высокую степень автономности, способных выполнять трудовую деятельность вместо человека. Причем трудовая деятельность может касаться абсолютно различных сфер (медицинской, социальной, технической, в том числе военной).

Данный аспект может стать причиной появления острых проблем в будущем. В связи с этим важно закрепить на законодательном уровне приоритет в обеспечении безопасности человека и его интересов. В частности, появление рабочей силы, не требующей для себя социальных и трудовых гарантий, может привести к увеличению безработицы среди трудоспособного населения страны, а соотношение высокой степени автоматизации роботов, особенно в сфере ведения вооруженных конфликтов, может стать причиной срыва основных норм человеческой безопасности.

Следующий немаловажный вопрос — внедоговорная ответственность в случае причинения вреда деятельностью с использованием искусственного интеллекта. Речь в большинстве случаев идет о деликтной ответственности, вызванной причинением вреда автоматизированными машинами. Решение этой проблемы зависит от идентификации искусственного интеллекта либо в качестве субъекта, либо в качестве объекта гражданских правоотношений, т. е. через оставление прежнего правового статуса автоматизированных машин. При отнесении искусственного интеллекта к объекту гражданских правоотношений ответственность может быть распределена между создателем программного обеспечения автоматизированной машины и ее правообладателем либо собственником, использующим искусственный интеллект в своей деятельности.

Если же искусственный интеллект будет признан самостоятельным субъектом гражданского права, то вопрос возмещения вреда можно решать либо через обязательное страхование деятельности, осуществляемой искусственным интеллектом, либо через создание компенсационных фондов для этих целей.

К. В. Карпов

Конституционное право граждан на жилище: вселение и определение порядка пользования жилым помещением

Конституционное право граждан на жилище является одним из основных прав человека и гражданина. Правовая природа права на жилое помещение весьма сложна и многогранна. Это хорошо просматривается при разрешении споров о вселении и определении порядка пользования жилым помещением. Рассмотрим некоторые наиболее сложные аспекты, связанные с вселением и определением порядка пользования квартирой при наличии нескольких собственников.

Обращение гражданина в суд с требованием о вселении в жилое помещение и определении порядка пользования квартирой практически всегда продиктовано наличием конфликта между собственниками. Как показал анализ судебной практики, при рассмотрении такой категории дел суды учитывают фактически сложившийся порядок пользования спорной квартирой и комнатами в ней. При этом, как правило, размеры долей не совпадают с размерами комнат, на которые претендуют собственники. Отметим, что в тех случаях, когда отклонение в размере жилой площади больше 5–7 метров, суды принимали решения направленные как на удовлетворение заявленных требований, считая, что в этом случае нет нарушения прав и законных интересов других собственников, так и отказывали в удовлетворении, приводя аналогичное обоснование.

Особое внимание следует уделить такому аспекту, как наличие или отсутствие у собственников других жилых помещений в собственности и регистрации по месту жительства.

Если у собственника есть другое жилое помещение, необходимо выяснить нуждаемость в пользовании именно этим жилым помещением. В большинстве случаев один из собственников желает создать неудобство тем, кто проживал и пользовался этим помещением раньше. Ана-

лиз судебной практики показывает, что реализация права на вселение в жилое помещение в тех случаях, когда требующий вселения гражданин не преследует цели фактического проживания и пользования конкретной квартирой или комнатой в квартире, при этом фактически имеет другое место жительства, должно квалифицироваться как злоупотребление правом.

Представляется, что право на жилое помещение, а следовательно, вселение и определение порядка пользования, должны рассматриваться через необходимость проживания и пользования конкретным жилым помещением. Именно нуждаемость проживать в жилом помещении должна быть определяющей при рассмотрении данной категории дел.

При этом следует помнить, что наличие другого жилого помещения в собственности и отсутствие нуждаемости в улучшении жилищных условий не имеет правового значения для разрешения вопроса о владении и пользовании имуществом, находящимся в долевой собственности. Если лицо является долевым собственником спорной квартиры, то оно имеет право пользоваться данным имуществом независимо от наличия у него на праве собственности иных объектов недвижимого имущества.

Неоднозначно складывается судебная практика в тех случаях, когда нужно рассмотреть требование о вселении и определении порядка пользования в однокомнатной квартире (речь идет о малогабаритных квартирах).

Так, по одному из дел суд пришел к выводу, что жилые помещения предназначены для проживания граждан в отсутствие соглашения собственников жилого помещения о порядке пользования этим помещением. Участник долевой собственности имеет право на предоставление для проживания части жилого помещения, соразмерной его доле в соответствии с ч. 2 ст. 247 ГК РФ. По мнению суда, обстоятельство, что в рассматриваемом случае жилое помещение представляло собой однокомнатную квартиру, не исключало возможности определения порядка пользования им исходя из принадлежности сторонам долей в праве собственности на нее.

Такой подход судов не безупречен, так как весьма проблематично определить порядок пользования в однокомнатной квартире, особенно если сособственники не являются родственниками по отношению друг другу. Полагаем, что в каждом конкретном случае следует учитывать не только интересы собственников, но и реально устанавливать факт возможности проживания не родственников в одном жилом помещении.

Как отметил суд по одному из рассмотренных дел, участник общей долевой собственности на жилое помещение не обладает безусловным правом на вселение. Далее суд отмечает, что проживание в однокомнатной квартире разных семей не соответствует морально-этическим нормам, а также влечет нарушение прав каждого из собственников на использование жилого помещения по назначению с учетом гарантированных Конституцией РФ прав граждан на неприкосновенность частной жизни и права на жилище.

Е. А. Коных

Применение копий документов в гражданском процессе в контексте конституционного права на судебную защиту (на основе анализа актов Конституционного Суда РФ)

Часть 2 ст. 50 Конституции РФ не допускает использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Часть 2 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ), в соответствии с которой доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда, наряду с ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, конкретизируют названное положение Конституции РФ.

Вместе с тем в практике имеется ряд обращений граждан в Конституционный Суд РФ на предмет нарушения их конституционных прав положением ч. 2 ст. 71 ГПК РФ.

Так, в определении Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) от 27 марта 2018 г. № 724-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Векшина Геннадия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 67 и положением части второй статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» КС РФ анализировал доводы заявителя о том, что положение ч. 7 ст. 67 ГПК РФ, содержащее неопределенность в отношении совокупности условий, при наличии которых обстоятельства дела, подтверждаемые только копией документа или иного письменного доказательства, не могут считаться судом доказанными, и положение ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, как позволяющее суду относить к надлежащим образом заверенным копиям письменных доказательств представленные стороной копии документов, заверенных самой стороной, противоречат ч. 1 ст. 2, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 18, ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

КС РФ пришел к выводу, что ч. 7 ст. 67 ГПК РФ какой-либо неопределенности не содержит, она направлена на обеспечение принятия судом законного и обоснованного решения и является процессуальной гарантией права на судебную защиту.

Такой же вывод был сделан КС РФ при вынесении определения от 23 июля 2020 г. № 1766-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Антипина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частями четвертой и седьмой статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», где заявитель утверждал, что само по себе представление незаверенной копии письменного доказательства противоречит ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

Напомним, что согласно ч. 7 ст. 67 ГПК РФ условиями, при которых суд не может считать доказанными обстоятельства дела, подтверждаемые только копией документа, являются утрата и непередача суду подлинника документа, представление каждой из сторон копий документа, не тождественных между собой, невозможность установления подлинного содержания оригинала документа с помощью других доказательств.

В то же время положение ч. 2 ст. 71 ГПК РФ не препятствует суду произвести оценку копии документа в соответствии с предписаниями ч. 6 ст. 67 ГПК РФ, а заинтересованному лицу оспорить в порядке ст. 186 ГПК РФ сомнительное, на его взгляд, письменное доказательство путем заявления о его подложности.

Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ явился и вопрос допускаемого законом принятия судом первой инстанции в качестве доказательств, не заверенных надлежащим образом копий документов при последующем истребовании судом второй инстанции оригиналов этих документов по своей инициативе при отсутствии возможности представления их в суд первой инстанции без вынесения определения о принятии новых доказательств. Конституционный Суд РФ определил, что в этом случае законоположения, а именно, ч. 2 ст. 71 и абз. 2 ч. 1 ст. 327 ГПК РФ, не нарушают конституционных прав, действия суда апелляционной инстанции связаны не с принятием новых, а с проверкой достоверности имеющихся в деле доказательств в соответствии с требованиями ст. 67 ГПК РФ.

В Конституционный Суд РФ поступала и жалоба, заявитель которой ставил вопрос, насколько обоснованно оставление без движения искового заявления при отсутствии надлежащего заверения приложенных

к нему копий документов, полученных по электронной почте и подписанных электронной подписью.

Что касается электронной подписи, то по одному из рассмотренных дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ на основании ч. 1.1 ст. 3, ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, пп. 2.1.4, 2.2.5, 3.2.1, 3.2.3, 4.4 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» констатировала, что если обращение в суд в виде электронного образа документа подписано (заверено) усиленной квалифицированной электронной подписью, то электронные образы документов, прилагаемые к такому обращению, считаются заверенными усиленной квалифицированной электронной подписью.

Таким образом, Конституционный Суд РФ неоднократно проверял на предмет соответствия Конституции РФ положений гражданского процессуального законодательства, в частности ч. 7 ст. 67 и ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, и приходил к выводу об отсутствии каких-либо противоречий и нарушений как конституционных принципов, так и принципов гражданского процесса.

А. В. Куянова

Органы внутренних дел (полиция) как субъект реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина

Согласно ст. 2 Конституции РФ признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства, наряду с созданием судов, правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел (полиции), одной из главных задач которых является охрана прав и свобод граждан. Кроме того, органы государственной власти в своей деятельности должны исходить из того, что человек, его права и свободы выступают высшей ценностью.

Человеку присущи индивидуальные права, они защищаются государством и правовой системой, гарантируются административной деятельностью, прокурорским надзором и правосудием. Однако они не абсолютны и весьма часто вступают в противоречие с конституци-

онными публично-правовыми ценностями, в числе которых, прежде всего, мир, безопасность, нравственные установления, необходимость поддержания общественного порядка, охрана здоровья, разрешение проблем экологии и т. д. Публичная природа государства и права вызывают к жизни новые правоограничения, которые неизбежно связывают конституционный институт прав человека и гражданина новыми обстоятельствами.

Права и свободы граждан неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, их широта ограничена правами и свободами других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ) и федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Реализация гражданами своих прав в максимально широких пределах рассчитана на мирное время при отсутствии реальных угроз природного, техногенного или военного характера.

Наступление обстоятельств экстраординарного характера (например, распространение коронавирусной инфекции), которые повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей, окружающей среде, значительные материальные потери, нарушение условий жизнедеятельности людей, обуславливает возникновение специального правового режима (режима повышенной готовности, чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции и др.), часто именуемого в науке «особым».

Важным условием правомерности ограничений прав и свобод человека и гражданина является соразмерность или запрет чрезмерных ограничений. Смысл этого правила состоит в предварительном выяснении наличия реальной опасности для конституционно защищаемых ценностей, влекущей за собой принятие мер по ограничению прав и свобод человека и гражданина, соразмерных возникшей угрозе.

Ограничение прав и свобод возможно до тех пределов, пока оно не вступает в противоречие с истинным назначением самого права, поэтому Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» устанавливает, что деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что последняя не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан.

Вопросы места и роли органов внутренних дел (полиции) в реализации данного режима регламентируются конституционно-правовыми

актами и определяются стоящими перед ними задачами, выполняемыми функциями, используемыми средствами и процедурами.

Благодаря ограничениям, органам внутренних дел удается предотвратить реальную угрозу совершения многих преступлений против личности, ее прав и законных интересов и склонить неустойчивых лиц к правомерному поведению. В некоторых случаях ограничение личных прав и свобод является правомерным независимо от того, имеются ли правонарушения. Это делается в целях предотвращения правонарушений либо обеспечения безопасности людей и ликвидации негативных ситуаций (например, принудительное переселение граждан при эпидемиях).

В общем виде цель правоограничений можно сформулировать как необходимость защиты и реализации других, не менее важных конституционно-правовых ценностей по сравнению с конституционными правами и свободами человека и гражданина. Таковыми являются, во-первых, публичные ценности, во-вторых, конституционные права и свободы других лиц. Данной методологии придерживаются международные документы, конституционные акты ряда зарубежных стран и, что особенно важно, — конституционное регулирование современной России.

Гарантией конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов выступает законодательное определение конкретного перечня форм и видов допустимых ограничительных мероприятий, которые должны отвечать требованиям гуманности, своевременности, адресности, а также достаточности.

Но мало того, что такие ограничения будут получать нормативное закрепление, они также должны быть признаны обществом, так как бесчисленные официальные правовоположения, узаконенные разными способами, обречены бездействовать, если человек не мотивирован следовать им.

В современных условиях коренных социально-экономических преобразований в стране, модернизации всех сфер общественной жизни повышается потребность в обеспечении надежного общественного порядка, личной безопасности граждан и общественной безопасности. Кроме того, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности в Российской Федерации», определяет общественную безопасность в качестве стратегического национального приоритета. Однако действующие законодательные акты не охватывают комплексно всех аспектов обеспечения общественной безопасности в РФ.

В действующем законодательстве не закреплено понятие «общественная безопасность», нет определения видов угроз общественной безопасности, не установлены основные направления обеспечения общественной безопасности, источники угроз общественной безопасности, методологические основы исследования и оценки угроз общественной безопасности.

Таким образом, несовершенство законодательной базы, наличие внутренних и внешних угроз интересам общественной безопасности должны, прежде всего, стимулировать государство на разработку и эффективную реализацию административной политики в сфере общественной безопасности, что напрямую влияет на состояние защищенности прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо еще раз отметить, что органы внутренних дел (полиция), непосредственно создаваемые для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, являются субъектом реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина.

С. И. Ладушкин

Логическая диверсия в правовой имплементации

Термин «имплементация» в современной юридической литературе обычно используется в контексте обсуждения международного законодательства и его действия в национально-государственном правовом пространстве. Имплементация как процесс имеет место там, где есть различные нормативные системы и их содержательная и формальная корреляция друг с другом. В этом случае уместно говорить о нормативной имплементации в широком смысле слова. Правовая имплементация, в том числе имплементация международных правовых норм в национальное право и конституционное законодательство, оказывается при этом частным случаем имплементации.

В современной правовой литературе принято подразделять имплементацию на два основных вида — автоматическую и волевою. Первый вид имплементации в правовой практике реализуется весьма редко, поскольку совокупность правовых норм представляет собой не только логически консистентную систему установлений, но существенным образом затрагивает все множество норм и оценок, принятых в сообществе мыслящих и действующих субъектов, является значимым в ценностном

отношении фактором для большинства членов этого сообщества. Необходимым условием для реализации этого вида имплементации выступает нахождение разных нормативных систем в общем метанормативном контексте — политическом, идеологическом, религиозном и т. д. К примеру автоматического вида имплементации относится приоритет норм международного права над нормами национально-государственных образований, в частности, принцип мирного сосуществования. Государство, осуществившее автоматическую имплементацию международной нормы мирного сосуществования, не может заявлять в числе национально-государственных интересов стратегию захвата территорий других суверенных государств.

Второй вид имплементации — волевая имплементация. Это более распространенный вариант правовой имплементации, предусматривающий фильтрацию внешних для общества норм и принципов законодательной и(или) исполнительной власти, которая в этом случае выступает в качестве волевого субъекта, осуществляющего принятие (отторжение) норм. В случае принятия волевым субъектом внешней нормы она может быть имплементирована в национально-государственную систему норм посредством процедур рецепции или отсылки. В свою очередь рецепция подразделяется на инкорпорацию (буквальную имплементацию) и трансформацию (интерпретированную имплементацию), а отсылка подразделяется на общую, частную или конкретную.

Важным условием продуктивной волевой имплементации выступает отсутствие у реализующих ее субъектов прямых или косвенных препятствий для ее реализации. Одним из факторов, препятствующих процессу взаимопроникновения норм правовых систем разного уровня друг в друга, оказывается явно или скрытно осуществляемая логическая диверсия, цель которой обычно заключается либо в создании неформальных условий для содержательных искажений имплементируемых норм, либо же в фактическом искажении этих норм при соблюдении всех международно-принятых формальностей. Результатом логической диверсии как разновидности аргументативного софизма оказывается обычно перевод рациональной дискуссии по поводу имплементации с предметного обсуждения реальных проблемных зон этого сложного и многоаспектного процесса на посторонние темы, отвлекающие участников рациональной дискуссии от основной цели.

Логическая диверсия, как и большинство других логических уловок, разнообразна в своих проявлениях, однако общим родовым свойством

всех видов логической диверсии выступает активное переключение обсуждения на иную (возможно даже важную) тему, лишь косвенно и опосредованно связанную с предметом дискуссии. В этом смысле использование субъектом имплементации логической диверсии определенно указывает на одно из следующих обстоятельств: либо субъект осознает слабость и потенциальную ничтожность тех аргументов, которые сам же озвучивает в дискуссии по поводу имплементации, либо же он вообще намерен перевести дискуссию из рационального контекста в нерациональный, прибегнув к иным мерам воздействия на других субъектов, в том числе силовым.

Примером логической диверсии может служить ситуация вооруженного конфликта между суверенными государствами, одно из которых инициирует силовую операцию, объясняя объективную потребность в ней необходимостью защиты интересов каких-либо сообществ людей, проживающих на территории другого суверенного государства (политика стран блока НАТО).

Таким образом, логическая диверсия, начинаясь всегда с кажущихся безобидными «игр разума», при которых субъекты публичных дискуссий постепенно расшатывают понятийные границы правовых норм и подменяют понятия идеологемами, с необходимостью приводит субъектов логической диверсии к выходу за пределы рациональной коммуникации с другими субъектами права. Неизбежным следствием такой коммуникативной стратегии, опирающейся на допустимость логических диверсий в правовом измерении, оказывается самоизоляция коллективного субъекта и утрата им реального правового суверенитета.

В. Ф. Луговик

Реализация конституционного принципа справедливости в оперативно-розыскном законодательстве

«Справедливость», «правый», «праведный», «право» — если и не однокоренные, то ассоциативные слова, с полной очевидностью восходящие к слову «правда». Именно стремление к справедливости двигает общественные процессы, порождает социальные потрясения и наполняет смыслом революции. К сожалению, закон и справедливость не всегда стоят рядом. Мировая история знает примеры, когда власть и закон активно подавляли стремление общества к справедливости, уничтожая, преследуя и люмпинизируя их носителей, подменяя понятия и объявляя саму

идею справедливости утопической и неосуществимой, либо наполняли термин конъюнктурным содержанием.

Идеи справедливости нельзя рассматривать обособленно вне контекста генезиса и социальной обусловленности оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в целом. Дело в том, что возникновение любого социального явления детерминировано и прямо или косвенно отражает его ценность. Российская историография зарождение и развитие уголовного сыска традиционно связывает с возникновением государства и рассматривает его как вид правоохранительной функции. Оставив вне предмета обсуждения дату возникновения сыска (в современном его восприятии — оперативно-розыскной деятельности), отметим, что все исследователи сходятся во мнении об объективной закономерности его возникновения, необходимости и значимости. А раз это так, то совершенно логично без всяких сомнений доминирует устоявшаяся точка зрения, согласно которой социальная обусловленность и решаемые в ходе ОРД общественно значимые задачи априори определяют ее ценность. Иными словами, если ОРД существует, стало быть она необходима и ценна. Действительно, это так: для ученых и практиков вполне очевидно, что без ОРД невозможно обеспечить неотвратимость наказания и уголовной ответственности. Следовательно, ОРД направлена на реализацию принципа справедливости, обеспечивая воздаяние за совершенное преступление.

Проблемы справедливости права всегда привлекали внимание философов, правоведов, социологов и политиков. В классической философии справедливость анализируется как объективная сущность, отражающая предельное совершенство, но существующая автономно от его сознания как некий высший регулятор.

Широчайший спектр мнений на содержание справедливости свидетельствует о сложности наполнения понятия универсальным правовым смыслом, пригодным для употребления во всех отраслях права, а еще труднее это сделать применительно к оперативно-розыскному законодательству. Зададимся вопросами: насколько справедливо тайное вторжение в социальную сферу личности (ограничение конституционных прав, сбор сведений о частной жизни граждан, конфиденциальное сотрудничество, негласное изъятие предметов и материалов) и всегда ли это оправданно благими целями борьбы с преступностью? А применительно к иммунитетам — насколько справедливо ограждать от оперативно-розыскного контроля определенные категории лиц, и не является ли это проявлением известного постулата о возведенной в закон воле господствующего класса, защищающего себя и своих представителей?

В одном из обзоров Конституционного Суда РФ отмечается, что справедливость в качестве самостоятельного принципа не получила конституционного закрепления, но упоминание в преамбуле к российской Конституции о вере в справедливость подтверждает намерение законодателя придать идее справедливости юридическое выражение, и уже это означает, что никто, в том числе публичная власть, не может своими действиями пренебрегать признанием справедливости как безусловной ценности. Видимо, исходя из такого понимания, ранее в определении от 3 июля 2008 г. Конституционный Суд РФ прямо называет справедливость конституционным принципом права. Думается, что принцип справедливости должен пронизывать как оперативно-розыскное право, так и правоприменение, которое должно сопровождаться не просто принятием правоприменительного решения, но и его воплощением в жизнь.

И здесь речь идет не только об употреблении термина, так как справедливость может декларироваться, но отсутствовать в оперативно-розыском правоприменении, и для подтверждения тезиса можно было бы, как это часто бывает, сделать ссылку на отдельные периоды в нашей истории, когда действовали, но не применялись законы. Но ситуация такова, что неопределенность понятия никуда не ушла. Конечно, справедливость в ОРД нельзя измерить математически и даже сделать оценочное заключение, стало ее больше или меньше: здесь всегда будет присутствовать субъективизм, а иногда и преднамеренная предвзятость. И все-таки анализ оперативно-розыскной практики позволяет констатировать о наличии серьезных проблем обеспечения законности, и здесь нет никаких сомнений о их связанности с реализацией принципа справедливости.

Существует точка зрения, что правовая политика преследует цель внедрения таких ценностей, которые на данном этапе необходимы обществу и государству. Патологии таких ценностей, недостатки в их выявлении выступают аксиологическими дефектами. Увязывание справедливости с социальной обусловленностью ОРД посредством ссылок на ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-З «Об оперативно-розыскной деятельности», декларирующую цель ОРД, — защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, и ст. 2, определяющую задачи данной деятельности, важно, но не полностью раскрывает ценностный характер ОРД. Обратимся, например, к проблеме оперативно-розыскного иммунитета.

Рассуждения о дефектах правового регулирования оперативно-розыскных иммунитетов нужно основывать на анализе законодательства, который предполагает установление смысловой ценности (социальной, экономической, социально-психологической, идеологической, культурной и др.) не только правовых норм, регламентирующих оперативно-розыскной статус отдельных категорий лиц, но и оперативно-розыскного права в целом. Такой подход позволяет выявить истинные цели ОРД и прогнозировать ожидаемые результаты при принятии нормативных правовых актов. Представляется, что без этого правовое регулирование будет носить конъюнктурно-лоббистский характер, нормативно закрепляющий под давлением лоббирующих структур социально вредные привилегии для отдельных категорий лиц и латающий отдельные прорехи оперативно-розыскного законодательства.

В таком контексте, с учетом конституционного принципа справедливости, важно определить превентивную и репрессивную ценность ОРД. Кроме того, безусловное внимание необходимо уделить исследованию механизма превенции криминального поведения самим фактом существования ОРД и негласной деятельности полиции. И здесь возникает вопрос: сдерживает ли само существование ОРД криминальную деятельность лиц, обладающих иммунитетом, если они осведомлены или предполагают о своей недосыгаемости для оперативно-розыскных мер? Имеющиеся факты сознательного приобретения отдельными лицами определенного правового статуса (депутата, сенатора, адвоката и др.) для обеспечения безопасности криминальной деятельности свидетельствуют о существовании потенциальной возможности злоупотребления иммунитетом. Эта сторона ОРД обойдена вниманием научного сообщества, соответственно, ее превентивная ценность еще не установлена.

Теперь рассмотрим репрессивную ценность ОРД и ее реализацию в соответствующем законодательстве. Ранее мы уже отметили непреходящую ценность справедливости в праве. Справедливость тесно увязана с конституционным принципом равенства, который, в отличие от принципа справедливости, закреплен в специальной статье Конституции РФ (ст. 19) и упоминается еще в нескольких статьях. Однако справедливость предполагает скорее рациональное распределение неравенств, чем всеобщее равенство.

Признавая обоснованность специальных процедур проведения ОРМ в отношении спецсубъектов, полагаем все-таки чрезмерными усилия законодателя по ограждению отдельных категорий лиц от оперативно-розыскного внимания, которые не всегда понятны, объяснимы и трудно согласуются с идеями социальной справедливости, правды, истины.

В завершение можно отметить, что конституционный принцип справедливости в оперативно-розыскной деятельности проявляется в следующем:

1. Само существование ОРД, преследующее цели раскрытия преступлений и воздаяния за его совершение, означает восстановление социальной справедливости.

2. Оперативно-розыскное законодательство должно обеспечивать равную оперативно-розыскную доступность к выявлению и документированию преступной деятельности лиц, независимо от их правового статуса.

3. Гарантией обеспечения законности в ОРД является конституционный принцип справедливости, выступающий центральным элементом правосознания сотрудников оперативных подразделений.

Правовое регулирование ОРД должно быть однозначно ценностным, речь идет не только о юридической технике. Ценностные идеи, справедливость в ОРД — это не конкретные нормы права, а принципы, идеи, пронизывающие законодательство и выступающие обязательным элементом правосознания правоприменителя.

Д. А. Мурин

Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ) как разновидность общественного опасного посягательства на конституционное право собственности

В статье 35 Конституции РФ закреплены правила, направленные на охрану частной собственности. Согласно данной норме любой человек имеет законное право иметь имущество и распоряжаться им по своему усмотрению. Лишение такого имущества возможно только на основании решения суда. Изъятие его государственными органами возможно исключительно в случае, если предложено адекватное возмещение.

Следует подчеркнуть, что характеристика общественной опасности преступления трансформируется при изменении экономической системы общества, политических процессов, происходящих в нем, и, наконец, под влиянием изменений в сфере морали и нравственности.

Рассматривая приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, необходимо отметить, что в настоящее время до конца не разграничены два совершенно разных по своему содержанию

и общественной опасности деяния — приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Данное обстоятельство следует учитывать при характеристике содержания общественной опасности исследуемого преступления. С учетом различной общественной опасности нескольких, безусловно, разных деяний (приобретение, сбыт и приобретение в целях сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем) некоторые авторы ставят вопрос о дифференциации ответственности за их совершение в рамках исследуемой законодательной конструкции.

Сущность приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем, в рамках ст. 175 УК РФ заключается в том, что это фактическая множественность (совокупность двух) преступлений, одновременно совершенных разными лицами: первое лицо передает преступно добытое им имущество другому лицу, второе лицо это имущество принимает. Существующее в настоящее время толкование термина «приобретение» может не всегда отражать реальную общественную опасность самого преступного действия. Во многом это обусловлено тем, что законодательная конструкция рассматриваемого состава преступления делает акцент только на тех, кто приобретает или сбывает имущество, заведомо добытое преступным путем.

С учетом имеющегося в диспозиции статьи союза «или» возникает вопрос о дифференциации уголовной ответственности в отношении тех, кто приобретает такое имущество изначально в целях сбыта, что, как известно, в УК РФ нередко выступает или ранее выступало в качестве обстоятельства, ужесточающего ответственность. Поэтому, полагаем, что приобретение должно иметь в уголовном законе точные признаки умышленного деяния, складывающегося из совершения умышленного действия одним лицом по переводу имущества, заведомо добытого преступным путем, в оборот чужого преступно добытого имущества (фактический сбыт имущества первым преступником, совершившим основное, предикатное преступление) и умышленного действия другого лица по приему имущества, заведомо добытого преступным путем, в оборот чужого преступно добытого имущества.

Как самостоятельную следует рассматривать ситуацию и с понятием сбыта имущества, где присутствует и тот, кто сбывает, и тот, кто приобретает, поскольку невозможно сбыть имущество без его предшествующего получения. Приобретение — это всегда содействие преступнику после совершения преступления. Однако речь в данном случае идет не об укрытельстве, суть данного деяния в другом — в содействии преступной деятельности, фактическом одобрении самого преступника и его престу-

пления. И в этом отношении объективная сторона исследуемого преступления позволяет вести речь, с одной стороны, о наличии в УК РФ самостоятельной, отличной от заранее не обещанного укрывательства, форме прикосновенности к преступлениям против собственности, а с другой стороны, о несовершенстве законодательной конструкции в данной ее части.

Е. Л. Невзгодина

Конституционные основы брачного договора

Сама возможность заключения супругами брачного договора, равно как и определение в нем супругами и только супругами их имущественных прав и обязанностей, базируются, прежде всего, на нормах Конституции РФ (ст. 19), согласно которым семья находится под защитой государства, а права и обязанности супругов строятся на общем принципе равенства мужчины и женщины. Действующее российское семейное законодательство, следуя нормам Конституции РФ как основной базе любого отраслевого законодательства, закрепляет предоставление супругам возможности по взаимному согласию определять организацию своей семейной жизни при минимальном вмешательстве государства в эту сферу лишь в условиях, когда явно необходима государственная защита «слабой» стороны в браке.

В постреволюционный период брачно-семейное законодательство СССР и Российской Федерации долгое время предусматривало режим общности имущества супругов, нажитого в браке, как единственно возможный. Включив в действующий Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) пункт 4 ст. 256, предусматривающий право супругов решить этот вопрос путем заключения брачного договора, законодательство отошло от императивного правила о праве общей совместной собственности супругов на совместно нажитое имущество, что вполне соответствовало эпохе становления рыночных отношений в России. Презумпция права общей совместной собственности супругов на нажитое в браке имущество осталась, но при условии, что супругами брачным договором не установлен иной режим в отношении всего либо отдельных видов этого имущества. Эта тенденция была продолжена и конкретизирована в Семейном кодексе РФ (далее — СК РФ). Но и сегодня, спустя десятилетия, некоторые вопросы в рассматриваемой сфере не решены, а по ряду позиций — целесообразны изменения в законе. Именно поэтому брач-

ный договор до сих пор не стал у нас обыденным атрибутом брака. Обычно к ранее заключенному брачному договору супруги апеллируют либо в случае развода, либо в браке при условии, когда заканчиваются доверительные отношения между ними. Этот договор стал играть существенную роль и при определении наследственной массы и круга наследников после смерти одного из супругов, хотя закон об этом умалчивает.

Каждый из супругов и оба супруга совместно могут оставить завещание в отношении своего имущества (долей в общем имуществе) на случай смерти. При этом не исключены ситуации, когда супруг не желает, чтобы после его смерти его имущество (или его доля в общем имуществе супругов) досталась (практически вопреки воле наследодателя) его обязательным наследникам, которые в силу ст. 1149 ГК РФ наследуют свою долю независимо от наличия и содержания завещания (например, взрослому сыну одного из супругов, имеющему инвалидность, с которым давно утрачены какие-либо фактические отношения). На практике в такой ситуации супруги заключают брачный договор, по которому имущество (как правило, недвижимое) признается единоличной собственностью другого супруга, не «обремененного» обязательными наследниками. Обязательное условие, которое должно разъясняться нотариусом и фиксироваться в тексте договора при его удостоверении, — это государственная регистрация права единоличной собственности супруга на эту недвижимость (согласно брачному договору) в период брака, т. е. до момента смерти другого супруга, так как право собственности (в данном случае единоличное право одного из супругов на весь объект недвижимости) возникает согласно закону лишь с момента государственной регистрации этого права. Брачный же договор действует лишь во время брака и на случай его расторжения, но не смерти супруга (ст. 40 СК РФ).

Но в любом случае смерть одного из супругов нельзя рассматривать как основание возникновения (возрождения) права общей совместной собственности на имущество, нажитое супругами в браке. Основания возникновения права собственности вообще и права общей совместной собственности, в частности, исчерпывающе указаны в ГК РФ и СК РФ, и смерть одного из супругов к таким основаниям не относится. Кроме того, в данном случае воля умершего супруга зафиксирована, хотя и не в завещании, но в не менее значимом по своей юридической силе документе — брачном договоре, отражающем волю каждого из супругов и удостоверенном нотариусом.

На практике это положение имеет важное значение, так как предопределяет состав наследственной массы после смерти каждого из супру-

гов и круг лиц, призываемых к наследованию после смерти каждого из супругов. Например, если при жизни супруги заключили брачный договор, определив в нем, какое имущество является личной собственностью каждого из них, то в случае смерти одного из них имущество, отнесенное согласно брачному договору к личной собственности пережившего супруга, не может включаться в наследственную массу, не подлежит наследованию наследниками умершего супруга. Нужно только иметь в виду, что в тех случаях, когда речь идет о недвижимом имуществе, право собственности на него, в силу закона, возникает у супруга, которому оно должно принадлежать согласно условиям брачного договора не с момента заключения брачного договора, хотя и нотариально удостоверенного, а с момента регистрации права собственности на это имущество.

Как уже было отмечено, нотариус при удостоверении брачного договора должен этот момент разъяснить супругам (целесообразно это разъяснение сделать обязательным атрибутом брачного договора). Однако и в случае, когда условие брачного договора о праве единоличной собственности одного из супругов на то или иное недвижимое имущество не было зарегистрировано при жизни обоих супругов, переживший супруг, единоличное право которого на недвижимость зафиксировано брачным договором, может после смерти своего супруга в исковом порядке (ответчиками являются иные наследники, в том числе обязательные) требовать признания за ним права единоличной собственности на недвижимое имущество согласно условиям брачного договора. Представляется, что при такой ситуации решение суда, вынесенное на основании нотариально удостоверенного брачного договора, будет достаточным условием для исключения спорного имущества из наследственной массы и для государственной регистрации права собственности на него пережившим супругом.

Следует обратить внимание еще на один момент, не всегда учитываемый как нотариусами при нотариальном удостоверении сделок с недвижимостью, стороной (покупателем) по которой являются оба супруга, так и органами Росреестра при государственной регистрации права, возникающего из сделки с недвижимым имуществом. Законом (а именно, ст. 256 ГК РФ, отсылающей к ст. 38 СК РФ) предусмотрено лишь два возможных договора, которыми супруги могут изменить законный режим общей совместной собственности на нажитое ими в браке имущество. Это брачный договор и договор о разделе уже совместно нажитого имущества. Но при помощи последнего, также требующего обязательного нотариального удостоверения, можно разделить (поровну или иначе)

только уже нажитое имущество (причем если речь идет о недвижимом имуществе, то потом на основании этого договора нужно еще и зарегистрировать право собственности каждого из супругов на определенные данным договором доли или единоличное право на тот или иной объект недвижимости согласно договору). Но нельзя договором о разделе имущества (в отличие от брачного договора) установить между супругами режим еще не нажитого имущества, т. е. на будущее время.

Отсюда следует вывод, имеющий существенное практическое значение и не всегда учитываемый при оформлении (удостоверении) сделок и регистрации возникающего из сделки права собственности на недвижимость. Представляется противоречащей действующему законодательству практика, когда супруги при отсутствии брачного договора, предусматривающего иное, уже в момент приобретения недвижимости в собственность в договоре купли-продажи определяют долевой режим возникающей из сделки собственности или переход всего приобретаемого объекта недвижимости в единоличную собственность одного из супругов. Тем самым игнорируется факт, что закон в императивном порядке допускает только два возможных правовых инструмента для изменения презюмируемого режима права общей совместной собственности супругов на имущество, нажитое в браке, — брачный договор и договор о разделе уже приобретенного имущества. Причем оба эти договора, в отличие от договора купли-продажи недвижимости, должны иметь нотариальную форму.

К. Д. Николаев

Конституционные основы уголовно-правового воздействия

Уголовно-правовое воздействие — это деятельность законодательных, исполнительных и судебных органов власти по защите государства, общества, личности от преступных посягательств. Причем каждой из названных ветвей власти в рамках уголовно-правового воздействия присущи свойственные только ей функции. Следовательно, уголовно-правовое воздействие складывается из нескольких компонентов.

Так, законодательная власть принимает нормативные правовые акты, содержащие нормы, регламентирующие уголовно-правовое воздействие на разных этапах. Среди них можно назвать Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ и др. Кроме того, роль законодательной ветви власти в рамках осуществления уголовно-правового воздействия заключается в издании

нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность субъектов, так или иначе вовлеченных в уголовно-правовое воздействие. В этом контексте можно указать, например, федеральные законы от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», федеральные конституционные законы от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и др.

Среди норм Конституции РФ, выступающих основами уголовно-правового воздействия, в данном случае следует назвать положения ст. ст. 2, 6, 8, 10, 13, 15, 17–20, 27, 29, 32, 40, 41, 45, 54, 55, 61, 80, 81, 83–85, 94–98 и др.

Следующим не менее важным компонентом уголовно-правового воздействия выступает система правоохранительных органов, в непосредственные обязанности которых входит защита прав и свобод человека и гражданина, а также противодействие преступности (раскрытие преступлений, расследование уголовных дел, исполнение назначенных наказаний и т. д.).

Органы исполнительной и судебной ветвей власти действуют на основании федеральных законов, но они также издают подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность соответствующих государственных структур. Речь идет о приказах, распоряжениях и инструкциях Министерства внутренних дел, прокуратуры, Федеральной службы исполнения наказаний, судов и т. д.

В контексте рассматриваемого вопроса нужно отметить акты, издаваемые Президентом РФ, например, Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний».

Среди норм Конституции РФ, выступающих основами уголовно-правового воздействия, следует указать положения ст. ст. 17–25, 29, 31, 45, 47–49, 51–53, 110, 129 и др.

Совокупность (система) соответствующих актов (законодательных и подзаконных) образует нормативную правовую базу уголовно-правового воздействия.

К следующим компонентам уголовно-правового воздействия относятся судебная система, обеспечивающая свободный доступ к правосудию, судебную защиту прав и законных интересов человека и гражданина,

рассмотрение уголовных дел по существу, вынесение справедливого приговора. Среди норм Конституции РФ, выступающих основами уголовно-правового воздействия, в данном случае следует указать положения ст. ст. 17–25, 29, 31, 35, 45–53, 118–124 и др.

Самостоятельным компонентом уголовно-правового воздействия является соответствующая материальная база государства, позволяющая на практике эффективно осуществлять уголовно-правовое воздействие. Основой в этом случае выступают конституционные нормы, декларирующие охрану труда, единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности и т. д., что способствует формированию определенной налоговой базы, позволяющей наполнять бюджет и финансировать направления расходов. Среди норм Конституции РФ, выступающих основами уголовно-правового воздействия, в данном случае следует назвать положения ст. ст. 7–9, 17, 18, 27, 34–37, 44, 57, 60 и др.

Таким образом, конституционные основы уголовно-правового воздействия представляют собой положения норм Конституции РФ, которые находят свое дальнейшее развитие в соответствующих нормативных правовых актах (как законодательных, так и подзаконных) и реализуются через функционирование законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Следовательно, нормы, составляющие конституционные основы уголовно-правового воздействия, содержатся во многих статьях Конституции РФ, образуя сложную многоуровневую систему, охватывающую все аспекты рассматриваемого явления. Уголовно-правовое воздействие в России реализуется в строгом соответствии с нормативными правовыми актами, в основе которых лежат конституционные предписания.

С. А. Романькова, В. О. Кулик

Обеспечение конституционных прав граждан в области дорожного движения

Безопасность дорожного движения продолжает оставаться предметом пристального внимания органов государственной власти и общественности, так как тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) существенно влияет на демографическую политику и экономическое развитие страны.

Результаты анализа данных официальной статистики и материалов правоприменительной деятельности в области безопасности дорожного движения свидетельствуют, что ДТП с участием водителей грузовых автомобилей и автобусов — одна из причин массовой смертности трудоспособного населения страны и детей.

Что касается нарушений Правил дорожного движения, наиболее характерных для автобусов и грузового транспорта юридических лиц, осуществляющих деятельность по эксплуатации транспортных средств (далее — ТС), особое внимание необходимо обратить на управление ТС при наличии технических неисправностей, при которых их эксплуатация запрещена. Происшедшие именно по этой причине ДТП сопровождаются наиболее тяжелыми последствиями.

В новеллах российского законодательства установлено, что при реализации федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения применяется система оценки и управления рисками. Анализ нормативных правовых актов позволяет заключить, что деятельность организаций (в том числе по эксплуатации ТС) разграничена с учетом категорий рисков: чрезвычайно высокий, высокий, значительный, средний, умеренный и низкий. Основанием соответствия деятельности лица, осуществляющего эксплуатацию ТС, риску определенной категории выступает тяжесть причиненного вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Так, к категории высокого риска относится деятельность по организованной перевозке группы детей автобусами; к категории значительного риска — перевозка пассажиров автобусами (за исключением организованных перевозок группы детей и перевозок легковыми такси), к категории среднего риска — перевозка легковыми такси и т. д.

В качестве основания периодичности проверочных мероприятий в законодательстве обозначен риск-ориентированный подход. В частности, плановая проверка деятельности лица по эксплуатации ТС, отнесенной к категории высокого риска, проводится один раз в три года, значительного — один раз в четыре года и т. д.

Однако в отношении субъектов малого или среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность, связанную с эксплуатацией ТС, плановые проверки не проводятся с 2016 г., что обусловлено внесением изменений в действующее законодательство.

Во-первых, закрепленный в законодательстве срок, в течение которого у должностных лиц Госавтоинспекции отсутствует возможность проводить проверки и мероприятия по контролю в отношении указан-

ных субъектов, продлен с одного года до трех лет с момента их государственной регистрации.

Во-вторых, установленный с 2016 г. запрет периодически продлевается Правительством РФ. Так, первый мораторий на плановые проверки субъектов малого и среднего предпринимательства введен с 2016 г. по 2018 г., второй — с 2019 г. по 2020 г., третий — с 2020 г. по 2021 г. По итогам первого моратория проведение плановых проверок ограничили в отношении 500 тыс. малых предприятий, второго — 376 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса. Количество проверок за первое полугодие 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизилось на 45,7% (с 612 тыс. до 332,3 тыс.).

В настоящее время фактически продлен мораторий на проведение плановых проверок субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе осуществляющих деятельность, связанную с эксплуатацией ТС, до конца 2022 г.

В-третьих, в результате введения режима по предупреждению распространения коронавирусной инфекции осуществление внеплановых проверок ограничено. Этим обусловлены случаи отказов в согласовании решений о внеплановых выездных проверках со стороны прокурорских работников.

Сокращение количества проверок в отношении перечисленных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ведет к уменьшению численности проверенных ТС и, как следствие, увеличению фактов эксплуатации ТС с нарушениями технических требований безопасности конструкции и технического состояния.

Все это влечет за собой рост основных показателей аварийности, в их числе жизнь и здоровье граждан, которые признаются высшими ценностями, охраняемыми государством.

Сложившаяся ситуация не обеспечивает реализации новой системы обязательных требований, которые соответствуют современному уровню развития риск-ориентированного подхода и задач, определенных в государственных программах и стратегиях.

Представляется, что жизнь и здоровье граждан как высшие ценности, охраняемые законом, выступают основаниями, позволяющими отнести деятельность по организованной перевозке группы детей автобусами, перевозке пассажиров автобусами, легковыми такси к более высоким категориям риска.

В то же время ограничение мораториев на плановые проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих

деятельность, связанную с эксплуатацией ТС, позволит своевременно выявлять нарушения требований, предъявляемых к техническому состоянию и конструкции грузовых автомобилей и автобусов, и, как следствие, запрещать их эксплуатацию.

Для реализации указанных целей необходимо внести изменения в нормативные правовые акты.

Д. М. Сафронов

О сути гражданской позиции граждан Российской Федерации, вовлекаемых в уголовное судопроизводство

Современное российское законодательство представляет собой сложное явление, затрагивающее деятельность человека в разных сферах жизни. Каждая требует от него своей социальной роли, которой, как правило, соответствует определенный правовой статус. Законодательство одной страны должно содержать правовые положения, совокупность которых должна быть скоординирована между собой и образовывать систему. Между тем такое происходит не всегда. Рассмотрим это на примере участия гражданина в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, позиции граждан и не граждан сильно различаются.

Исходим из того, что гражданами Российской Федерации являются лица, имеющие либо приобретшие гражданство Российской Федерации (ст. 5 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»). В свою очередь гражданство определяется законодателем как «устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей». Как видим, основной термин «гражданство» характеризует социальную связь как обоюдную, т. е. протекающую между государством, с одной стороны, и гражданами, с другой. Эта социальная связь реализуется и через взаимные права, и через взаимные обязанности. Если один из участников правоотношений осуществляет свою деятельность некачественно — страдает система отношений в целом.

Статус гражданина предопределяет его особую гражданскую позицию. В своей деятельности он должен руководствоваться необходимостью обеспечения «устойчивой правовой связи», достижение которой будет способствовать безопасности общества и государства. Именно такой подход позволяет сформировать общее состояние защищенности. А дея-

тельность, направленная на достижение общего блага граждан, общества и государства, позволяет говорить о реализации гражданской позиции. Такая деятельность — долг и обязанность гражданина РФ. В соответствии с Конституцией РФ долгом и обязанностью гражданина РФ является защита Отечества (ч. 1 ст. 59). Реализуя свою гражданскую позицию, граждане обязаны содействовать органам государственной власти своей страны. Это означает предоставление полной и достоверной информации органам государственной власти. Предоставление такого характера сведений может позволить принять взвешенное решение должностным лицам государства и своевременно защитить граждан, общество и государство от угроз.

В рамках уголовного судопроизводства допрашиваемое лицо предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ст. ст. 307, 308 УК РФ). Кроме того, каждому лицу установлено и гарантируется право не свидетельствовать против себя самого, супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ). Указанные гарантии предоставляются каждому человеку. Однако, как нам представляется, позиция граждан РФ может и должна отличаться.

Во-первых, каждый гражданин РФ должен стремиться к обеспечению общей безопасности и безопасности государства и совершать действия, направленные на это. Выполнение таких действий — обязанность (долг) каждого гражданина. Во-вторых, гражданин, на наш взгляд, должен взвешенно оценить положение ст. 51 Конституции РФ. Соотнесение степени и характера угроз свидетельствует, что в случае возникновения угроз обществу и государству в целом необходимость их защиты должна повлечь сообщение гражданином полных и правдивых сведений в интересах защиты большинства.

Выстраивание системы правоотношений, основанных на содействии граждан РФ, с нашей точки зрения, необходимо начинать с граждан, стоящих на страже государственных интересов в силу должностного положения: с государственных служащих органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления, в том числе должностных лиц правоохранительных органов и судебной системы. Являясь представителями государства, они должны стать первыми, кто защищает граждан, оказывая государству помощь и поддержку. Для этого они должны предоставлять правдивые и полные сведения.

Иное поведение данных лиц либо их попытка воспользоваться гарантией против самоизобличения должны расцениваться как противодействие. Такое поведение должно влечь два самостоятельных последствия: рассмотрение во-

просов о привлечении виновных к ответственности и о безусловном лишении правового статуса должностного лица государства такого гражданина и возможном ограничении иных прав, связанных с воздействием на сферу управления государством (ст. 32 Конституции РФ).

Таким образом, мы исходим из того, что должностные лица органов государственной власти как граждане РФ, основываясь на своей гражданской позиции, должны оказывать содействие органам государственной власти, предоставляя им полную и правдивую информацию. Нарушение данного порядка должно влечь наступление и уголовно-правовых, и иных последствий, связанных с безусловной утратой лицом статуса должностного лица, и ограничение его в правах, которые позволили бы оказать влияние на деятельность государства (ст. 32 Конституции РФ).

А. Б. Соколов, Е. Б. Абдулина

Подписка о невыезде и надлежащем поведении: баланс правовых гарантий гражданина и интересов государственных органов

Вопросы определения понятия, сущности, избрания и механизма применения мер процессуального принуждения неоднократно подвергались рассмотрению не только на страницах периодической печати, научных и учебных изданий, но и становились предметом исследований диссертаций, в том числе на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Глубина идей ученых, анализирующих проблемы определения оснований избрания, а также процедуры применения мер пресечения вновь обращает внимание на целесообразность установления баланса между ограничениями правовых гарантий граждан и достижением интересов государственных органов в уголовном судопроизводстве. Данные вопросы в полной мере актуальны для одной из самых распространенных в правоприменительной деятельности мер пресечений — подписки о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ).

Анализ уголовно-процессуального закона и мнений ученых-процессуалистов позволяет озвучить тезис о том, что меры пресечения упоминаются законодателем от менее строгой к более строгой, представляя собой соответствующую систему (ст. 98 УПК РФ). Так, Н. В. Ткачева указывает, что построение системы мер пресечения «основано на принципе от менее строгой к более строгой мере пресечения» [1, с. 112]. Аналогичной позиции придерживается Х. М. Шахбанова, полагающая, что «для упро-

щения вопроса соразмерности выбора законодатель расположил меры пресечения, указав их виды от менее к более строгим» [2, с. 349]. Учитывая сказанное, можно заключить, что подписка о невыезде и надлежащем поведении является самой мягкой мерой пресечения. Интересным представляется вопрос о критерии дифференциации на менее и более мягкую (строгую) меру пресечения? По нашему мнению, в основе такого деления может находиться потенциальность существенных ограничений правовых гарантий гражданина. Исходя из этого, чем больше ограничений в правах и свободах претерпевает гражданин, в отношении которого избрана та или иная мера пресечения, тем она наиболее строга.

Вернемся к сущности подписки о невыезде и надлежащем поведении. Указанная мера пресечения состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого:

- 1) не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда;
  - 2) в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд;
  - 3) иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.
- Рассмотрим каждую из представленных задач.

Исследуемая мера пресечения избирается только в отношении подозреваемого (обвиняемого), у которого имеется место жительства (постоянное или временное). Доказательством наличия такового является регистрация по месту жительства или пребывания по конкретному указанному адресу, о чем следователь (дознаватель) перед избранием меры пресечения обязан удостовериться. Место проживания определяется самим подозреваемым (обвиняемым). Вместе с тем подозреваемый не имеет права менять без разрешения следователя (дознавателя) место проживания, о котором он сообщил при избрании меры пресечения. Подозреваемому (обвиняемому) разрешается выходить из дома, однако он должен находиться в пределах того же населенного пункта, где проживает (город, поселок), и обязан каждый день возвращаться к месту жительства.

Говоря об обязательстве подозреваемого (обвиняемого) являться к дознавателю, следователю и в суд в назначенный срок, отметим, что такие вызовы должны быть обоснованны необходимостью его участия в конкретных процессуальных действиях.

Воспрепятствование производству по уголовному делу иным путем следует понимать как совершение действий, препятствующих установлению обстоятельств дела (уничтожение следов преступления), совершение новых преступлений и т. д.

Учитывая сказанное, подписка о невыезде и надлежащем поведении ограничивает личное право гражданина, законно находящегося на территории Российской Федерации, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27 Конституции РФ; ст. 13 Всеобщей декларации прав человека; ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах; ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 1 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»). Анализ уголовно-процессуального законодательства, мнений ученых, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ позволяет сделать вывод, что в отличие от иных мер пресечения законодатель не определяет основания избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении, сроки ее действия, порядок разрешения на смену постоянного или временного места жительства (по сути, отсутствие учета многообразия жизненных ситуаций). Обратим внимание на то, что законодательно необходимо определить сроки применения подписки о невыезде и порядок ее продления, а также зачета времени нахождения под подпиской о невыезде при назначении уголовного наказания. Дополнительно, полагаем, нужно закрепить порядок получения разрешения о смене постоянного или временного места жительства.

Учитывая, что подписка о невыезде и надлежащем поведении в достаточной мере ограничивает права и свободы подозреваемого (обвиняемого), по нашему мнению, ее избрание и применение целесообразно по судебному решению наряду с запретом определенных действий, залогом, домашним арестом и заключением под стражу.

Список источников

1. *Ткачева Н. В.* Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография. Челябинск, 2004.
2. *Шахбанова Х. М.* Понятие мер процессуального пресечения и основания их применения // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы. Курск, 2015.

А. А. Старостин

Право иностранных граждан на свободу передвижения

Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

Действующее законодательство определяет законно находящегося в Российской Федерации иностранного гражданина как лицо, имеющее действительные вид на жительство либо разрешение на временное проживание, визу и (или) миграционную карту или иные предусмотренные федеральными законами или международными договорами РФ документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

При этом иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на свободу передвижения в личных или деловых целях в пределах Российской Федерации на основании документов, выданных или оформленных ими в соответствии с законом.

Несмотря на это, законодательство обязывает иностранных граждан, в зависимости от их статуса и подданства, встать на миграционный учет или осуществить регистрационный учет по месту пребывания, месту постоянного проживания. Иначе говоря, принцип разумности, связанный в данном случае с миграционным или регистрационным учетом иностранных граждан, нацелен на обеспечение контрольной функции со стороны соответствующих органов исполнительной власти в части законности их пребывания на территории Российской Федерации.

Кроме того, проводя аналогию с регистрационным учетом граждан Российской Федерации по месту проживания, месту пребывания, можно констатировать, что миграционный учет иностранных граждан в указанном случае также необходим в целях обеспечения необходимых условий для реализации иностранным гражданином его прав и свобод, а также исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом.

Тем не менее при осуществлении иностранными гражданами трудовой деятельности они, по сути, «привязаны» к той территории, где им выдают патент или разрешение на работу. В связи с этим они не имеют права трудиться вне территории выдачи указанных документов, за исключением иностранных граждан, относящихся к категории высококвалифицированных специалистов, а также в иных предусмотренных законом случаях. Иными словами, законодатель, стремясь определенным образом регулировать вопросы трудовой миграции и востребованности иностранных специалистов, устанавливает квоты по выдаче разрешительных документов, а также вводит ограничения свободы их передвижения по территории Российской Федерации.

Цели и задачи государства в этой части вполне понятны и оправданы, так как, не имея соответствующих, в том числе законодательных инструментов, дающих возможность регулировать эти вопросы примени-

тельно к российским гражданам, государство осуществляет восполнение имеющихся «пробелов» в трудовой сфере за счет иностранных граждан. Конечно, можно рассуждать об эффективности и рациональности данных ограничений, но это находится за рамками рассматриваемого вопроса. Сюда же можно отнести привлечение в Российскую Федерацию, в том числе в целях дальнейшего получения российского гражданства, иностранных граждан, подпадающих под категорию «соотечественники». Можно также говорить об ограничениях свободы передвижения указанных лиц на территории Российской Федерации. Территории, на которых могут пребывать и где могут проживать «соотечественники», строго регламентированы с учетом приоритетности их заселения и последующего постоянного там проживания (не менее трех лет до получения гражданства).

Помимо указанных ограничений передвижения иностранных граждан, государство определило перечень территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение.

Следует также отметить, что к иностранным гражданам, нарушившим указанный режим и соответствующие ограничения, связанные с пребыванием на территории Российской Федерации, могут быть применены меры государственного воздействия в виде административного выдворения или депортации, с принятием в дальнейшем решения о недопущении или неразрешении их въезда на территорию Российской Федерации на определенное время.

Таким образом, российское государство, проводя миграционную политику, направленную в том числе на создание соответствующих перспектив и престижа по привлечению иностранных граждан, ограничивает свободу их передвижения, руководствуясь при этом различными критериями, связанными с регулированием вопросов внешней трудовой миграции, безопасности и других важных государственных приоритетов.

А. В. Червяковский

Вопросы доступа граждан к официальной правовой информации (в связи с принятием Указа Президента РФ от 3 марта 2022 г. № 90)

Регулирование доступа к нормативной правовой информации осуществляется не только посредством внесения изменений в федеральные законы, но и с помощью подзаконных нормативных правовых актов, пре-

жде всего указов Президента РФ. 3 марта 2022 г. Президент РФ подписал Указ № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на „Официальном интернет-портале правовой информации“» (далее — Указ) (URL: <https://www.pravo.gov.ru>). Этим документом «Официальный интернет-портал правовой информации» признается в качестве единого официального государственного информационно-правового ресурса в РФ. На Федеральную службу охраны РФ возлагается обязанность по подготовке текстов законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и правовых актов Президента РФ с учетом изменений, внесенных в них после 1 июля 2022 г., за исключением правовых актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, и размещению этих текстов на «Официальном интернет-портале правовой информации».

В результате принятия Указа на «Официальном интернет-портале правовой информации», помимо имеющихся базы официального опубликования нормативных правовых актов федерального и регионального законодательства, интегрированного банка данных «Законодательство России», появилась база данных текстов правовых актов с внесенными в них изменениями (с учетом изменений после 1 июля 2022 г.). Если база официального опубликования правовых актов и интегрированный банк данных «Законодательство России» содержат тексты правовых актов как федерального, так и регионального уровня, то база текстов актов с внесенными изменениями включает тексты только законов РФ о поправке к Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и правовых актов Президента РФ.

Ни в Указе, ни в других документах, ничего не говорится о том, через какое время тексты нормативных правовых актов, опубликованных в источниках официального опубликования, должны размещаться в имеющихся на «Официальном интернет-портале правовой информации» иных банках данных.

Применительно ко всем размещенным базам (банкам) правовой информации, представленным на «Официальном интернет-портале правовой информации», имеющееся программное обеспечение позволяет пользователю по-разному сохранять на свое устройство файлы с текстами правовых актов. Документы на страницах портала, предназначенных для официального опубликования, размещаются в виде электронных образов контрольных экземпляров правовых актов, изданных органами государственной власти, и доступны пользователям в псевдографическом формате для просмотра

и скачивания. Документы, имеющиеся в интегрированном полнотекстовом банке правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) «Законодательство России», пользователи могут сохранять в текстовом формате RTF. База данных текстов правовых актов с внесенными изменениями предлагает пользователям сохранять документы в формате HTML. Однако сохраненный в таком формате текст не предусматривает гиперссылок. И в «Законодательстве России», и в базе нормативных правовых актов с внесенными изменениями пользователям предоставлена возможность работать с редакциями текстов правовых актов.

Официальное опубликование правовых актов осуществляется только на страницах портала, непосредственно относящихся к официальному опубликованию правовых актов. И Банк данных «Законодательство России», и база нормативных правовых актов с внесенными изменениями не предназначены для официального опубликования нормативных правовых актов. В то же время в Указе отмечается, что тексты правовых актов с внесенными в них изменениями, размещаемые на «Официальном интернет-портале правовой информации», признаются в качестве официальных с 1 июля 2022 г.

После принятия Указа на «Официальном интернет-портале правовой информации» появились два банка данных с текстами правовых актов с аналогичным функционалом. По сравнению с банком данных «Законодательство России», на наш взгляд, банк данных правовых актов с внесенными изменениями имеет не только преимущества, но и недостатки. К преимуществам следует отнести быстрый доступ к необходимым документам (скорость загрузки интернет-страницы выше, чем при работе с «Законодательством России»), более современный интерфейс. Полагаем, что такая система позволит пользователям познакомиться с новыми федеральными документами со всеми внесенными в них изменениями.

К сожалению, в отличие от системы официального опубликования правовых актов, в новом банке данных не предусмотрено гиперссылок на нужные документы. Было бы неплохо реализовать возможность перехода по ссылке на документ в актуальной редакции и предусмотреть функцию по своевременному обновлению правового акта при внесении в него изменений.

Считаем, что в этот банк необходимо включить нормативные правовые акты и других высших органов государственной власти (Правительства РФ, Конституционного Суда РФ).

На наш взгляд, вносимые изменения в федеральное законодательство, безусловно, будут способствовать обеспечению доступа граждан к правовой информации. Дальнейшее развитие системы видится

в интеграции имеющихся государственных банков данных, создании информационно-поисковых и иных систем, позволяющих профессиональным пользователям, государственным и муниципальным служащим и иным гражданам находить нужную правовую информацию.

П. Р. Шарифзода

Конституционно-правовые основы профилактики насилия в семье органами внутренних дел Республики Таджикистан

Одной из важнейших тенденций развития российской правовой системы, как справедливо отмечает М. А. Бучакова, является конституционализация российского права [1, с. 82]. Это оказывает непосредственное влияние на отраслевое правовое регулирование [2, с. 85; 3, с. 79; 4, с. 27], которое все сильнее «впитывает» новые конституционные идеи, учитывает необходимость сохранения и развития конституционных ценностей [5, с. 110]. Это характерно и для государств — участников СНГ, в том числе для Республики Таджикистан (далее — РТ) [4, с. 27].

Рассматривая конституционно-правовые основы профилактики насилия в семье органами внутренних дел РТ, следует отметить, что положения законодательства РТ по вопросам профилактики насилия в семье основываются на Конституции РТ. Главным образом это касается положений Закона РТ от 19 марта 2013 г. № 954 «О предупреждении насилия в семье», в котором закреплено, что насилие в семье — это умышленное противоправное деяние физического, психического, сексуального и экономического характера, совершенное в рамках семейных отношений одним членом семьи по отношению к другому члену семьи, которое становится причиной нарушения его прав и свобод, причинения физической боли или вреда его здоровью или угрозой причинения такого вреда здоровью; предупреждение насилия в семье» — это комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами, предупреждающими насилие в семье, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в рамках семейных отношений, предупреждение насилия в семье, определение и устранение причин и условий, способствующих насилию в семье.

Таким образом, данные определения показывают, что с насилием в семье связаны, прежде всего, умышленные противоправные деяния, совершенные в рамках семейных отношений одним членом семьи по от-

ношению к другому члену семьи, которые становятся причиной нарушения его прав и свобод, закрепленных в нормах Конституции РТ. Это показывает тесную связь конституционного и правового регулирования деятельности всех государственных органов в области профилактики насилия в семье.

Важное значение в рассматриваемой сфере имеет глава 2 Конституции РТ «Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина». В статье 14 провозглашается, что права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной власти и местных органов государственной власти и самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Ограничения прав и свобод человека и гражданина допускаются только в целях обеспечения прав и свобод других, общественного порядка, защиты основ конституционного строя, безопасности государства, обороны страны, общественной морали, здоровья населения и территориальной целостности Республики.

Кроме вышеназванных, важен учет следующих положений: мужчины и женщины равноправны; каждый имеет право на жизнь; неприкосновенность личности гарантируется государством; жилище лица неприкосновенно. Не допускается вторжение в жилище и лишение человека его жилища, за исключением случаев, предусмотренных законом; обеспечивается тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений, за исключением случаев, предусмотренных законом; сбор, хранение, использование и распространение сведений о личной жизни человека без его на то согласия запрещаются.

В Конституции РТ также говорится, что семья как основа общества находится под защитой государства. Если в семье совершается насилие в отношении одного члена семьи, то это влияет на всех других членов семьи. А в статье 34 Конституции РТ установлено, что мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства.

Таким образом, анализ положений Конституции РТ показывает, что ее нормы полностью охватывают своим конституционным регулирующим действием такую важную область деятельности органов внутренних дел РТ, какой является профилактика насилия в семье.

По нашему мнению, рассматривая конституционно-правовые основы профилактики насилия в семье органами внутренних дел РТ, необходимо расширить круг сравнительно-правовых исследований в области профилактики насилия в семье [6, с. 155], с тем чтобы на конституционно-правовом уровне были закреплены предпосылки использования орга-

нами внутренних дел и иными уполномоченными органами правовых средств, препятствующих совершению актов насилия в семье. В целях совершенствования профилактики насилия в семье также необходимо добиваться четкой координации деятельности и взаимодействия всех уполномоченных органов и организаций, что будет способствовать охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в целом.

Список источников

1. *Буцакова М. А.* Конституционализация российского права // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2.

2. *Редкоус В. М.* Некоторые вопросы совершенствования стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8(56).

3. *Редкоус В. М.* Административно-правовое регулирование подготовки специалистов для федеральных органов исполнительной власти // Военное право. 2019. № 6(58).

4. *Буцакова М. А.* Феномен публичной власти Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сб. статей всерос. науч.-практ. конф., (Томск, 28–30 января 2021 г.). Томск, 2021.

5. *Шарифзода Ф. Р.* Теоретико-правовые основы организации деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в системе обеспечения национальной безопасности государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2022.

6. *Редкоус В. М., Сергеев А. В.* Вопросы взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Закон и право. 2016. № 2.

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

П. В. Андреев

Народ как юридическая терминология. Проблемы понятия

Современное государство невозможно представить без его движущей силы — народа. В подавляющем большинстве конституций народ выступает носителем суверенитета и источником власти. От имени народа и во имя народа осуществляется публичная власть и принимаются законы как высшие нормативно-правовые акты, выражающие народную волю. Именно посредством участия граждан происходит избрание представителей ряда органов государственной власти и органов местного самоуправления, путем организации публичных мероприятий (митингов, шествий, демонстраций, пикетирований, собраний) реализуется политическая воля российских граждан.

Проблема участия народа в осуществлении публичной власти ведет свою историю с древних времен — с момента появления первых народных собраний, на которых решались важные вопросы жизнедеятельности общества. Постепенно институты прямой (непосредственной) демократии уступают место представительной, а в настоящее время в конституциях большинства стран референдум и выборы признаются высшей формой проявления народовластия. Может показаться, что народ постепенно, сохраняя за собой статус источника власти и носителя суверенитета, передает осуществление части своих полномочий различным органам государственной власти и местного самоуправления. Однако, несмотря на указанную проблему, полагаем, что представляет интерес собственно сама юридическая дефиниция категории «народ» и ее смысловое значение. В юридической литературе не раз поднимался вопрос относительно исследования правовой категории «народ».

В тексте Конституции РФ слово «народ» используется в нескольких значениях и, конечно же, они имеют разный правовой смысл. Нас инте-

ресует понимание народа как источника власти и носителя суверенитета, о чем говорится в ст. 3 Конституции РФ, и соотношение этих терминов друг с другом. Представляет интерес мнение Д. А. Авдеева, который пишет, что понятие «народ» по юридическому содержанию отличается от понятия «население», а в связи с этим «...источником власти (в государственном управлении как разновидности публичного управления) следует считать не весь народ, а лишь ту часть, которая именуется избирателями» [1, с. 15]. Эта точка зрения, по нашему мнению, наиболее точно отражает смысл понятия «народ» в юридическом аспекте.

Ю. А. Боков выводит три определения понятия «народ». Одно из них трактуется как некий этнос, а точнее его общность, которая может исходить главным образом из понятия «человек» [2, с. 16]. Опираясь на данное определение, необходимо осознавать, что народом в данном случае выступает скорее социально-этническо-географическая характеристика группы людей, связанных этническими и географическими признаками, проживающих на одной территории, именуемой государством, нежели его формально-правовая часть, что уже идет вразрез с конституционным понятием «народ», которое закрепляет за ним право быть единственным источником власти и осуществлять свою власть через выборы.

Е. А. Казьмина предлагает понимать «народ» с позиции социальной общности. Данное мнение охватывает социальный статус народа, а также обозначает, что народ является единым субъектом конституционного права, что дает ему полномочия, наделяющие его конституционно-правовым статусом, отличающим от других субъектов [3, с. 15]. Однако данная дефиниция не может быть принята нами как определяющая категорию «народ». В ней имеются существенные отличия от той, которая закреплена в Конституции РФ, а именно: в ней отсутствуют детальный анализ и обозначения категорий граждан, которые являются народом. Данную дефиницию можно использовать при рассмотрении и собственном анализе политико-правовой категории народа, вместе с тем нельзя признавать единственно верной.

В заключение отметим, что проблема определения категории «народ» в юридической терминологии до сих пор остается нерешенной. Мы предлагаем закрепить дефиницию категории «народ» в Конституции РФ в следующем виде: «Народ — это единственный источник власти в Российской Федерации и носитель ее суверенитета».

Список источников

1. *Авдеев Д. А.* Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.

2. Боков Ю. А. Об определении конституционно-правового термина «народ» // Юридическая наука. 2019. № 10.

3. Казьмина Е. А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Д. Б. Бакиткалиев

Вопросы защиты несовершеннолетних в Республике Казахстан

Защита прав несовершеннолетних в настоящее время — актуальная проблема, так как несовершеннолетние относятся к одной из наиболее уязвимых категорий населения. Главным защитником прав детей выступает государство. В соответствии со ст. 27 Конституции Республики Казахстан (далее — РК) брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства.

4 декабря 2009 г. в РК был принят Закон РК № 214-IV «О профилактике бытового насилия». Кроме того, для профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, предупреждения детской безнадзорности и беспризорности 9 июля 2004 г. подписан Закон РК № 591 «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности».

По официальным данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, около 1% из всего числа зарегистрированных преступлений за период с 2018 г. по ноябрь 2022 г. были совершены в отношении несовершеннолетних. Казалось бы, этот процент очень мал, однако с каждым годом количество преступлений в отношении несовершеннолетних растет, а это тревожный показатель. Это только зарегистрированные преступления, а сколько несовершеннолетних не обращаются в органы уголовного преследования.

Безусловно, те меры, что уже предприняты — ужесточение законодательных норм, создание кризисных центров, работа психологов в школах, активизация деятельности правоохранительных органов и социальных служб — очень важны. Откуда берутся взрослые, которые избивают своих жен и детей, подвергают их унижениям, идут на преступления, нарушая права других людей, детей? Откуда берутся дети, которые подвергают друг друга травле, физическому насилию, вплоть до убийства? Отсутствие системы полноценного воспитания детей, возможности раскрытия их способностей, развития талантов порождает общество, склон-

ное к нарушению законов, насилию и ущемлению прав других людей. Поэтому, когда мы говорим о борьбе с насилием, мы должны осознавать причины — почему его становится больше.

Работа полиции, прокуратуры, судов, психологов, несомненно, важна, но главное — нужно искоренять причины.

Одним из эффективных путей борьбы с проявлениями насилия в отношении детей в сфере семейно-бытовых отношений является реформирование действующего законодательства. Анализ правоприменительной практики показывает, что нормы нового административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства нашей страны не в полной мере обеспечивают защиту детей от насилия.

К одной из проблем борьбы с насилием в отношении детей относится сложность применения некоторых положений уголовного законодательства.

С принятием нового Уголовного кодекса РК некоторые нормы, устанавливающие ответственность за противоправные действия в данной сфере, перешли в категорию уголовных проступков. Но как показывает практическая деятельность, применение этих норм имеет низкую эффективность.

Д. Е. Баталов

Место и роль института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе в системе обеспечения национальной безопасности России

Современное развитие России происходит в условиях сложной геополитической обстановки. Беспрецедентное количество ограничений, введенных рядом государств на фоне проводимой Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины, обуславливает поиск новых форм взаимодействия всех элементов системы обеспечения национальной безопасности государства.

В теории национальной безопасности выделяется достаточно широкая система субъектов ее обеспечения. При этом особое место в данной системе занимают органы и должностные лица, в обязанность которых входит координация деятельности органов и должностных лиц по обеспечению национальной безопасности. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» таковыми являются Президент РФ, Совет Безопасности РФ, Правительство РФ, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления.

Однако несправедливо, что законодатель не упомянул в этом перечне такой институт государственной власти, как полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе (далее — полномочный представитель Президента РФ).

Правовой статус полномочного представителя Президента РФ регламентирован Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Целью создания данного института выступают: реализация Президентом РФ своих конституционных полномочий; повышение эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствование системы контроля за исполнением их решений. В систему задач входят: организация работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом РФ; организация контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти; обеспечение реализации кадровой политики Президента РФ; предоставление Президенту РФ регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении; внесение Президенту РФ соответствующих предложений. Главной же функцией полномочного представителя Президента РФ выступает обеспечение координации федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе.

Закрепленные в Указе Президента РФ задачи в совокупности с главной функцией свидетельствуют о непосредственном участии полномочных представителей Президента РФ в обеспечении национальной безопасности государства. Входя в состав Администрации Президента РФ, полномочный представитель непосредственно подчиняется Президенту РФ и подотчетен ему. Следовательно, не подчиняясь федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов РФ, органам местного самоуправления, данные должностные лица являются «сторонними наблюдателями» за всем, что происходит во вверенных им регионах, анализируют происходящее, реагируют на возникающие угрозы национальной безопасности.

Отдельно следует отметить такую функцию, как анализ эффективности деятельности правоохранительных органов в федеральном округе, а также состояние кадровой обеспеченности в указанных органах, внесение Президенту РФ соответствующих предложений. Это положение свидетельствует о важной роли полномочных представи-

телей в системе обеспечения общественной безопасности через координацию кадровой политики в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Таким образом, анализируя функции полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе, следует сделать вывод о необходимости частичного пересмотра системы субъектов, координирующих процесс обеспечения национальной безопасности, что особенно актуально в современных геополитических реалиях.

К. К. Бекмурзина

Соблюдение конституционных прав в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения

В производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения институт мер обеспечения производства занимает особое место, исходя из сущности, целей, назначения и роли воздействия на субъект правонарушения, обеспечения законности и правопорядка. Эффективность деятельности административно-юрисдикционных органов, направленная на привлечение правонарушителей к административной ответственности, зависит от соблюдения как процессуального порядка привлечения к административной ответственности, так и от конституционных прав и свобод граждан в процессе применения мер обеспечения, поскольку целью принуждения является обеспечение производства по делам об административных правонарушениях.

Законность и обоснованность применения мер обеспечения обуславливаются необходимостью соблюдения следующих оснований, закрепленных в КоАП РФ: использование в соответствии с целевым назначением (ч. 1 ст. 27.1); реализация целей производства (ст. 24.1).

Следует отметить, что, осуществляя производство по делу об административном правонарушении, должностные лица при применении мер обеспечения не только ограничивают конституционные права и свободы граждан, также они обязаны обеспечить реализацию конституционных прав и свобод, в частности право пользоваться помощью защитника (адвоката). Однако и при реализации конституционных прав и свобод лиц, привлекаемых к административной ответственности, должностные лица, осуществляющие производство по делу, допускают нарушения. Если законодательно установлены критерии ограничения конституционных

прав и свобод граждан при применении мер обеспечения, то порядок, форма и критерии ограничения конституционных прав и свобод лица, привлекаемого к административной ответственности, не предусмотрены (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ).

Анализ судебной практики говорит о том, что соблюдение сокращенных сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях (ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ) не должно приводить к ограничению лица, привлекаемого к административной ответственности, пользоваться помощью защитника (адвоката). Это является безусловным обстоятельством, препятствующим реализации данного права.

Таким образом, по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения должностные лица, осуществляющие производство, обязаны соблюдать конституционные права и свободы граждан как при применении мер обеспечения, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, так и использовать все меры по реализации конституционных прав и свобод граждан в производстве по делам об административных правонарушениях.

В. С. Бектева

Особенности реализации права на доступ к правосудию в случае приостановления производства по уголовному делу

Конституция Российской Федерации является фундаментом правовой системы России, закрепляющим основные базовые принципы функционирования общества и государства. Так, в ст. 46 Основного закона государство гарантирует каждому гражданину право на судебную защиту прав и свобод.

Под правом на доступ к правосудию мы понимаем, прежде всего, возможность обращаться в судебные органы в целях защиты своих прав. Доступ к правосудию выступает категорией не только процессуальной, но и конституционно-правовой. Однако такое право не закреплено ни в Конституции РФ, ни в Гражданском процессуальном кодексе РФ, ни в уголовно-процессуальном законодательстве РФ. Несмотря на это, судебные органы постоянно упоминают о необходимости гарантии права на доступ к правосудию. В настоящее время в уголовно-процессуальной науке остаются не разрешенными вопросы о существовании права на доступ к правосудию, а также его реализации в случае приостановления производства по уголовному делу.

Проблема реализации права на доступ к правосудию становится особо актуальной в случае приостановления производства по уголовному делу. Возникает множество вопросов, связанных с невозможностью обращения в судебные органы в связи с тем, что нет окончательного решения по уголовному делу. В частности, Конституционный Суд РФ отметил, что установление ответственности государства в виде компенсации лицам за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства возможно в двух случаях: либо после вступления приговора в законную силу, либо на стадии исполнения приговора.

Считаем, что такая позиция Конституционного Суда РФ ограничивает право на доступ к правосудию при приостановлении производства по уголовному делу. В судебной практике существуют примеры, когда производство по уголовному делу приостанавливается десятки раз в течение нескольких лет. В таком случае участники уголовного судопроизводства не имеют права обращаться в суд, пока в уголовном деле не будет окончательного решения.

Частично в решениях Конституционного Суда РФ данная проблема была отражена: потерпевший и иное заинтересованное лицо, обратившееся в защиту своих прав с требованием возбудить уголовное дело, не могут быть лишены права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по данному уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые. Однако, разъясняя право на доступ к правосудию в случаях отсутствия подозреваемого (обвиняемого) в уголовном деле, Конституционный Суд РФ не акцентирует внимание на случаях приостановления производства по уголовному делу.

Наличие такого условия обращения в суд как итоговое решение по уголовному делу считаем спорным. Независимо от того, что существует ряд решений Конституционного Суда РФ, где указана обязанность государства обеспечить доступ к правосудию на всех стадиях уголовного судопроизводства (включая, на наш взгляд, и приостановление производства по уголовному делу), институт приостановления производства по уголовному делу обычно остается в стороне. Несмотря на постоянный рост таких уголовных дел и возникающую в связи с этим проблему ограничения права на доступ к правосудию в случае приостановления производства по уголовному делу, законодатель никак не реагирует на данный вопрос.

Подводя итог, мы пришли к выводу, что право на доступ к правосудию является отдельной категорией, дополняющей конституционное право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Данное право под-

разумеает гарантию государства, предусматривающую возможность обращаться в суд в целях защиты своих прав на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Считаем, что наличие такого обстоятельства, как итоговое решение по уголовному делу, серьезно ограничивает право на доступ к правосудию в случае приостановления производства по уголовному делу. Применительно к институту приостановления предварительного расследования данная проблема становится актуальной в связи с длительными сроками приостановления производства по делу и, как следствие, невозможностью потерпевшего реализовать данное право.

Думается, что помимо указания на необходимость обеспечения доступа к правосудию (ст. 52 Конституции РФ), законодателю необходимо выделить это право в отдельную категорию. Более того, считаем недопустимым вводить искусственные ограничения реализации права на доступ к правосудию, о которых говорится в решениях Конституционного Суда РФ.

Д. А. Белецкий

Реализация конституционного права на судебную защиту в приказном производстве

Одним из процессуально-правовых принципов, имеющих статус конституционного, является право на судебную защиту. Статьей 46 Конституции РФ закреплено, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». В юридической литературе отмечено, что данный принцип занимает особое место в ряду процессуально-правовых.

При этом, как справедливо отмечено А. А. Фоминым, «право на судебную защиту нельзя сводить только к реализации одного правомочия индивида на обращение в суд, а интерпретировать как совокупность нескольких конституционных правомочий (процессуальных прав-гарантий), обеспечивающих справедливое судебное разбирательство» [1, с. 175].

С точки зрения В. А. Терехина, «одним из правомочий на судебную защиту и существенной гарантией обеспечения правовой определенности и юридической безопасности судебного процесса является право на личное участие гражданина при рассмотрении его дела в суде» [2, с. 55].

Таким образом, принцип судебной защиты предусматривает не только возможность лица, чье право нарушено, обратиться в суд, но и право ответчика участвовать в судебном заседании в целях изложения своих возражений относительно требований истца.

Вместе с тем в настоящее время данный принцип реализуется не в полном объеме, в частности, он не находит своего отражения в приказном производстве.

Приказное производство урегулировано главой 11 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ). Так, частью 2 ст. 126 ГПК РФ предусмотрено, что судебный приказ выносится без вызова взыскателя и должника и проведения судебного разбирательства. Суд исследует изложенные в направленном взыскателем заявлении о вынесении судебного приказа и приложенных к нему документах сведения в обоснование позиции данного лица и выносит судебный приказ на основании представленных документов.

Таким образом, в приказном производстве должник не только не имеет возможности представить суду свои возражения относительно требований взыскателя, а вообще не может узнать о самом факте подачи взыскателем заявления о вынесении судебного приказа. Эти обстоятельства часто приводят к неправомерным ущемлениям прав должника.

Например, пропуск взыскателем срока исковой давности не является препятствием для вынесения судебного приказа, поэтому нередко в приказном производстве взыскивается задолженность по давно «просроченным» требованиям. Судья при вынесении судебного приказа также не имеет права по своему усмотрению уменьшить несоразмерную неустойку по правилам ст. 333 Гражданского кодекса РФ.

Следовательно, на практике возникают ситуации, когда судья видит, что требование взыскателя заявлено за пределами срока исковой давности либо что взыскиваемая неустойка является несоразмерной нарушенному праву, но не может предпринять каких-либо действий по защите прав должника.

Конечно, можно возразить, что судебный приказ отменяется по заявлению должника, но в этом случае страдает эффективность судебной деятельности, поскольку ее критерием выступает возможность с минимальными издержками достичь поставленной цели.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что в настоящее время конституционное право на судебную защиту в приказном производстве реализуется не в полной мере, что свидетельствует о дальнейшей необходимости совершенствования данного института.

Список источников

1. Фомин А. А. Право на судебную защиту как конституционный принцип правосудия и основа обеспечения юридической безопасности граждан // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения : сб. статей по мат-лам междунар. научн.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2020 г.). СПб., 2020.

2. Терехин В. А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8.

О. С. Гоман

Роль и значение решений Конституционного Суда Российской Федерации в механизме контроля за оборотом гражданского оружия

Термин «оружие» упоминается в Конституции РФ только в двух статьях: в ст. 31, которая устанавливает, что граждане имеют право собираться мирно, без оружия, и в п. «м» ч. 1 ст. 71, относящем определение порядка продажи и покупки оружия к вопросам исключительного ведения Российской Федерации.

Следует помнить, что особый режим оборота гражданского оружия установлен в связи с тем, что оружие как техническое средство конструктивно предусмотрено для поражения живой и иной цели и, следовательно, может быть использовано для причинения вреда жизни и здоровью человека, при этом может быть сопряжено с посягательством на иные конституционные ценности, такие как основы конституционного строя, безопасность государства. Учитывая данные обстоятельства, специально уполномоченные государственные органы в установленном порядке в каждом конкретном случае определяют, соответствует ли лицо закрепленным в норме права требованиям и может ли оно владеть, пользоваться и распоряжаться гражданским оружием.

Однако и нормы права, и действия государственных органов должны исходить из критериев пропорциональности, необходимости и соразмерности ограничения прав граждан конституционными целям.

В контексте данных обстоятельств решения Конституционного Суда РФ рассматриваются нами как источник права, позволяющий незамедлительно и с наименьшими ресурсными затратами устранить колли-

зии и выступить регулятором общественных отношений в сфере оборота гражданского оружия, вплоть до внесения изменений в соответствующие нормативные правовые акты.

Наряду с констатацией не конституционности нормативных положений Конституционный Суд РФ в тексте постановления закрепляет порядок, в соответствии с которым граждане, совершившие соответствующие административные правонарушения, вправе обращаться за получением лицензии на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом по истечении срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, а граждане, совершившие преступления, связанные с нарушением правил охоты и правил оборота оружия, вправе обращаться за получением лицензии на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом после снятия или погашения судимости, указав при этом, что принятый в этом постановлении порядок должен действовать до внесения федеральным законодателем необходимых изменений в действующее правовое регулирование.

В некоторых случаях решения Конституционного Суда РФ не устанавливают правила и не устраняют пробелы в законодательстве, а исключают или запрещают один из вариантов поведения. Так, в постановлении от 16 апреля 2015 г. № 8-П дана оценка конституционности п. 3 ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об Оружии». В итоге оспариваемое нормативное положение признано не конституционным в части наличия возможности внесудебного аннулирования разрешения на хранение и использование оружия и патронов юридических лиц. Таким образом, результатом рассмотрения стало исключение возможности аннулирования разрешения правоприменительным органом в административном порядке и оставлен единственный возможный вариант аннулирования разрешения в судебном порядке.

Полагаем, что необходимо и целесообразно использовать решения Конституционного Суда РФ в механизме контроля за оборотом гражданского оружия. Учитывая возможности и особые характеристики указанных актов (имеют непосредственное действие на всей территории государства, не подлежат обжалованию и вступают в силу со дня их принятия), становится очевидно, что с применением таких рычагов пробелы и коллизии законодательства в сфере оборота оружия своевременно и эффективно устраняются из механизма контроля.

Н. А. Гукова

Предупреждение незаконной передачи предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и изоляторах временного содержания

Одним из гарантов обеспечения прав и свобод лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания, является обеспечение безопасности не только этих лиц, но также сотрудников и работников указанных учреждений и иных лиц, их посещающих, а также совершенствование организации деятельности уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания, обеспечение законности и правопорядка.

Согласно данным опроса оперативных сотрудников УФСИН России по Омской области, периодически выявляются факты наличия у содержащихся подозреваемых, обвиняемых и осужденных запрещенных предметов и вещей, а способы передачи запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы и изоляторы временного содержания становятся все более изощренными и нередко реализуются с участием самих сотрудников и работников данных учреждений. Это и обуславливает актуальность разработки и применения эффективных мер по предупреждению и пресечению попыток передачи запрещенных предметов.

Как показывает практика, чаще всего передаются деньги, алкогольная продукция, мобильные средства связи, наркотические средства и психотропные вещества. Так, полученные мобильные средства связи лица, содержащиеся в условиях изоляции, используют для координации преступной деятельности как орудие совершения мошеннических действий (дистанционных мошенничеств и др.).

Разработке эффективных мер по предупреждению передачи запрещенных предметов способствует детальное изучение способов реализации данного деяния, при использовании которых нарушаются правила внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания. Опрос сотрудников оперативных подразделений УФСИН России по Омской области показал, что чаще всего запрещенные предметы поступают путем передачи, проноса, провоза, пересылки, переброса в эти учреждения. Использование беспилотных летательных аппаратов для передачи запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы создает необходимость современного эффективного технического оснащения учреждений и прилегающих к ним

территорий для выявления и пресечения как попыток, так и самой передачи. Особое внимание следует уделить лицам, которые приходят на свидания (в том числе длительные) с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, а также адвокатам и защитникам, должностным лицам, работникам и сотрудникам учреждений уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания.

Необходимо подчеркнуть, что осуществление вышеперечисленных мероприятий будет наиболее результативным при условии постоянно-го взаимодействия сотрудников ФСИН России и МВД России в рамках проведения совместных совещаний, осуществления планирования комплексных мероприятий по предупреждению противоправных действий, нарушающих правила внутреннего распорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания.

Н. Ю. Карапетян

Особенности правового статуса граждан в условиях военного положения

Права и свободы человека и гражданина выступают основным элементом правового статуса личности, наравне с такими, как обязанности и гарантии правового статуса. Конституция РФ провозгласила права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности (ст. 2) и закрепила обязанность за государством признавать, соблюдать и защищать их. Права и обязанности человека и гражданина подвергаются различным угрозам. Эти угрозы, прежде всего, связаны с военно-политической сферой и с агрессией против российского государства.

В соответствии с ч. 2 ст. 87 Конституции РФ 19 октября 2022 г. Президент РФ В. Путин подписал Указ № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной республики, Луганской Народной республики, Запорожской и Херсонской областей». Введение такого правового режима стало исключительным случаем с момента принятия Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Все это свидетельствует об актуальности исследования реализации таких прав, в особенности, когда государство принимает экстраординарные меры. При таких условиях права и свободы одних ограничиваются действиями непосредственно лиц, от которых исходит агрессия, других же — применением мер и временных ограничений, предусмотренных законодательством.

Отдельные аспекты режима военного положения регламентируются также федеральными законами от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»; от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»; от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» и др.

Одной из основных характеристик правового режима военного положения выступает наличие особого правового статуса граждан. Это выражается в ограничении такого элемента правового статуса, как права и свободы человека и гражданина. Конституция РФ, являясь основным гарантом защиты прав и свобод человека и гражданина, устанавливает принципы ограничения этих прав только применительно к режиму чрезвычайного положения (ч. 1 ст. 56 Конституции РФ), но ничего не говорит про ограничения прав и свобод, связанных с режимом военного положения. Такой пробел может вызывать вопросы. Нам представляется, что основная идея, заложенная в ст. 56 Конституции РФ, относится и к режиму военного положения, так как ч. 3 указанной статьи обеспечивает защиту наиболее важных прав человека и гласит: «Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54 Конституции Российской Федерации», т. е. имеет свои пределы, что свидетельствует о необходимости и целесообразности введения таких мер.

Анализ Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» позволяет выделить специфические признаки, характерные для ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения.

1. Имеют определенные цели — обеспечение обороны страны и безопасности государства, создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

2. Выступают факультативными по отношению к уже базовым ограничениям, указанным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

3. Имеют временной характер (с момента введения военного положения до его отмены).

4. Имеют территориальный принцип (действуют только на той территории, где введено военное положение).

Таким образом, дополнительные ограничения прав и свобод личности являются необходимым элементом института военного положения. Эти ограничения охватывают достаточно широкий круг конституционных прав и свобод гражданина. Ограничения прав и свобод человека и гражданина, применяемые в условиях военного положения, позволяют

расширить полномочия государственных органов, и в этом смысле они являются одним из инструментов для отражения агрессии и восстановления конституционного правопорядка.

Е. С. Квасников

Реализация конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности: вопросы уголовно-правовой оценки

Конституционное право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, защищается в том числе уголовно-правовыми средствами. УК РФ содержит ряд составов преступлений, за которые предусмотрена уголовная ответственность за нарушение специальных правил безопасности при осуществлении трудовой деятельности (ст. ст. 143, 215, 216, 217, 219 и др.). Несмотря на обилие уголовно-правовых норм, охраняющих названное конституционное право, универсальной нормой выступает ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда», поскольку в примечании имеет указание на все предусмотренные в Российской Федерации требования охраны труда (в том числе и на специальные правила безопасности). Поэтому в этом смысле ст. 143 УК РФ охватывает иные однородные составы преступлений.

Вместе с тем уголовно-правовая оценка преступного нарушения требований охраны труда ставит под сомнение реализацию указанного конституционного права на должном уровне.

Правоприменительная и судебная практика свидетельствуют об отсутствии адекватности применяемых уголовных наказаний за совершение рассматриваемых преступлений. Так, в период с 2016 г. по 2021 г. из 4664 зарегистрированных по ст. 143 УК РФ уголовных дел (что касается количества потерпевших, представляется, что число лиц, которым был причинен тяжкий вред здоровью либо смерть от рассматриваемого деяния, значительно больше) всего 1006 доведены до суда. При этом количество осужденных составляет 678 человек. Из них к реальному лишению свободы были приговорены лишь 32, т. е. 4,71% от общего числа.

Неоднократность нарушения рассматриваемых требований свидетельствует о безразличном отношении субъекта к потенциальным последствиям. В указанный период за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах

и иных нормативных актах (ст. 5.27.1 КоАП РФ), наиболее серьезные санкции в виде дисквалификации и административного приостановления деятельности были применены к лицам, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение как минимум 43 раза (если вести речь о применении менее суровых санкций в виде штрафа, то количество таких лиц еще увеличится).

Вышесказанное свидетельствует о том, что уровень уголовно-правовой охраны безопасности в труде чрезвычайно занижен. Это связано с высокой степенью латентности нарушений требований охраны труда (в том числе особенностями личности преступника); несвоевременной адаптацией норм, направленных на обеспечение безопасности труда, к изменению традиционной занятости населения; несовершенством юридического описания диспозиций ст. 143 УК РФ; наличием множества положений, размещенных в разных разделах УК РФ, направленных на охрану прав в сфере производства работ и оказания услуг; отсутствием единообразного подхода к квалификации преступления по ст. 143 УК РФ правоприменителем.

На наш взгляд, решение данной проблемы заключается в такой модернизации ст. 143 УК РФ, которая позволила бы правоприменителю беспрепятственно применять данную норму, а воздействие на потенциального нарушителя осуществлялось бы реально. Следует подчеркнуть, что в доктрине также не раз упоминалось о необходимости совершенствования ст. 143 УК РФ.

Полагаем, что данная модернизация может быть реализована путем указания в диспозициях ст. 143 УК РФ на трудовую статус потерпевшего; уточнения неправомерных действий субъекта; пересмотра субъективной стороны преступления в части исключения указания на неосторожную форму вины; криминализации последствий от нарушения требований охраны труда в виде причинения вреда средней тяжести; указания в качестве квалифицирующих признаков причинения тяжкого вреда здоровью двум и более лицам, а также причинения иных тяжких последствий (например, причинения крупного ущерба, сумма которого превышает 500 тыс. рублей, длительная приостановка или дезорганизация работы предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения — электроэнергии, газа, тепла, водоснабжения и т. п.).

С. В. Литвякова

Забота о детях — право или обязанность родителей

В Конституции РФ особое положение занимает человек на всем протяжении его жизненного пути и во всем многообразии его социальных ролей, но ребенок — будущий взрослый — находится на центральном месте.

Обеспечение защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. Проблемы детства и пути их решения нашли свое отражение в Национальной стратегии действий в интересах детей, одним из ключевых принципов которой является сбережение здоровья каждого ребенка, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, Концепции демографической политики Российской Федерации.

Приоритетные направления государственной политики нашей страны изложены в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

На наш взгляд, важнейшим индикатором благополучия общества выступает уровень безопасности детского населения. Основными показателями защищенности детей являются: снижение смертности и травматизма, обеспечение интересов детей во всех сферах их жизнедеятельности, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных российских ценностей. Достижение указанных задач возможно путем укрепления института традиционной российской семьи и профилактики противоправных деяний, совершаемых в отношении детей. Однако, не смотря на принимаемые меры, уровень детской смертности от внешних факторов, не связанных с их здоровьем, за период с 2017–2021 гг. увеличился с 25% до 29,5%. Гибель детей в результате несчастных случаев составляет 25% из всей массы детской смертности.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от 100 до 500 рублей (ст. 5.35 КоАП РФ). В настоящее время минимальный размер оплаты труда составляет 15 279 рублей в месяц, а с 1 января 2023 г. — 16 242 рублей. Представляется сомнительной сама возможность обеспечить защиту детей административно-

правовыми средствами при сохранении существующих мер административной ответственности.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования действующих и выработки новых механизмов защиты несовершеннолетних от обозначенных факторов риска, в том числе путем усиления административной ответственности за неисполнение родителями надлежащим образом конституционной обязанности, связанной с заботой о детях.

А. В. Мирошниченко

Регламентация запрета на право заниматься педагогической деятельностью определенной категорией лиц

Введенные в 2013 г. нормы, запрещающие осуществлять пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, остаются актуальными и по сей день. Вопросы, касающиеся защиты детей от информации, которая отрицает семейные ценности, пропагандирует нетрадиционные сексуальные отношения, поднимаются на всех уровнях жизнедеятельности общества и государства. Законопроект № 165975-8 является одним из самых обсуждаемых в правовой сфере. Правозащитники, отстаивающие интересы групп сексуальных меньшинств, продолжают настаивать, что подобные ограничения носят дискриминационный характер относительно положений Конституции РФ и вытекающих из них обязанностей государства по защите граждан от дискриминации по признаку сексуальной ориентации. В связи со сложившимся сексоцентризмом современного общества и тенденциями, направленными на формирование культа ЛГБТ+ среди молодежи, возникает необходимость в усилении мер правового воздействия в сфере здорового и нравственного развития детей. Согласно ст. 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» целью государственной политики в интересах детей является: защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. В соответствии с этим в пп. 1, 2 ст. 14 закона указано, что органы государственной власти РФ принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Не допустить негативные последствия предпо-

читательнее, чем осуществлять работу после их наступления. Самой благоприятной средой для распространения пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений является молодежная, а точнее площадки их социального пребывания (учебные заведения, спортивные секции, торговые центры, сеть Интернет и т. д.). Несомненно, полностью изолировать детей от информации, которая способна нанести им вред, сложно, однако ограничить пагубное влияние на них можно путем исключения авторитетного взрослого воздействия.

В связи с этим считаем необходимым ввести некоторые ограничения на занятие педагогической деятельностью лицами, подпадающими под определенные антисоциальные категории по причине:

- 1) открытой принадлежности к сообществу ЛГБТ+;
- 2) осуществления деятельности по формированию у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений;
- 3) навязывания информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям.

Безусловно, статьей 37 Конституции РФ закрепляется право на свободный труд без какой бы то ни было дискриминации, а ст. 3 Трудового Кодекса РФ (далее — ТК РФ) устанавливается условие, что «никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах в зависимости от принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам». Однако лицу могут отказать в праве заниматься педагогической деятельностью. Право на занятие педагогической деятельностью устанавливается ст. 46 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а в ч. 3 ст. 48 указано, что «педагогическим работникам запрещается использовать образовательную деятельность для (...) принуждения обучающихся к принятию (...) убеждений либо отказу от них». Статья 331 ТК РФ закрепляет запрет на занятие педагогической деятельностью лицам, в отношении которых вступил в законную силу приговор суда или в отношении тех, которые имели судимость ранее за «преступления против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности».

В. Е. Мушаков

Конституционная гарантия обращения граждан Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав человека в условиях цифровизации

Под конституционными гарантиями понимаются предусмотренные Конституцией РФ условия и средства обеспечения фактической реализации и защиты прав человека. Как известно, цифровизация общества обострила проблему защиты прав человека. Следовательно, возрастает запрос личности на эффективное действие конституционных гарантий. Важнейшей конституционной гарантией, позволяющей воспользоваться наднациональными механизмами защиты прав человека, является норма ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждый при исчерпании всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

До недавнего времени граждане РФ для защиты своих прав активно пользовались механизмами Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), действующего на основе Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950 г. ЕСПЧ выступал действенным судебным органом, решения которого накладывали на государства Совета Европы обязательства частного и общего характера. Более того, во исполнение решений ЕСПЧ граждане, чьи права были нарушены, получали денежную компенсацию. В 2022 г. Российская Федерация прекратила членство в Совете Европы и окончательно вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ. В связи с этим вызывает вопросы актуальность положений ч. 3 ст. 46 Конституции РФ для гарантирования прав и свобод человека.

В практике ЕСПЧ встречались решения, посвященные защите прав человека в условиях цифровых коммуникаций. Приведем ряд примеров. В деле 2015 г. «Роман Захаров (RomanZakharov) против Российской Федерации» заявитель оспаривал действия операторов мобильной связи, которые при предоставлении ФСБ России технической возможности прослушивать телефонные переговоры сами получали аналогичную возможность. По мнению заявителя, такой системой тайного прослушивания мобильной связи в нарушение ст. 8 Европейской Конвенции прав человека и основных свобод было совершено посягательство на тайну его телефонных переговоров. ЕСПЧ удовлетворил жалобу заявителя и обязал Российскую Федерацию выплатить ему компенсацию.

В 2020 г. ЕСПЧ вынес решения сразу по четырем делам: «Владимир Харитонов против России», «Энгельс против России», «Булгаков против России» и «ООО „Флабус“ и другие против России». При некоторых различиях в фактических обстоятельствах заявители обжаловали одну проблему — сопутствующую блокировку интернет-сайтов в России, когда заблокированный IP-адрес был общим для нескольких сайтов либо когда весь сайт заблокировали из-за одной страницы или файла. Во всех случаях ЕСПЧ признал нарушение Российской Федерацией права на свободу выражения мнений (ст. 10 Европейской Конвенции прав человека и основных свобод).

Таким образом, была сформирована практика ЕСПЧ по защите частной жизни и свободы выражения мнения в виртуальной среде. Учитывая ускоренное технологическое развитие, обостряющее проблему защиты прав человека в виртуальной среде, выход Российской Федерации из состава Совета Европы имеет негативные последствия.

Отметим, что в связи с выходом Российской Федерации из состава Совета Европы и нивелированием юрисдикции ЕСПЧ существенно снизилась актуальность положения ч. 3 ст. 46 Конституции РФ для гарантирования прав человека в материальной и виртуальной среде. Это не говорит об утрате жизнеспособности данной нормы, потому как ее потенциал меняется в зависимости от складывающихся международных политических отношений, проблемы которых не разрешимы в рамках конституционно-правовой науки.

А. Е. Никитина

Плюрализм в понимании сущности конституционного права на свободу совести в Российской Федерации

Доктринальное знание сущности института свободы совести (ст. 28 Конституции РФ) позволяет сформировать комплексное представление о его содержании. В процессе реализации права на свободу совести граждане неоднозначно толкуют две правовые категории «свобода совести» и «свобода вероисповедания», их соотношение, что свидетельствует о необходимости изучения их сущности. На наш взгляд, нужно говорить об узком и широком смыслах понимания свободы совести. В широком смысле свобода совести предполагает возможность каждого на формирование убеждений и ценностей, влияющих на самоактуализацию человека.

Анализ норм Конституции РФ, Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод об узком подходе в понимании сущности свободы совести. Конституция РФ в ст. 28 гарантирует реализацию свободы совести, а также свободы вероисповедания, наполняя в дальнейшем содержание свободы совести исключительно религиозным аспектом:

- 1) придерживаться или не придерживаться религии;
- 2) выбирать, иметь и распространять религиозные и иные взгляды;
- 3) в соответствии с ними поступать (отсюда вытекает проблема соотношений двух правовых категорий «свободы совести» и «свободы вероисповедания»).

Правовые позиции Конституционного Суда РФ рассматривают свободу совести и свободу вероисповедания в неразрывном единстве и в последующем как единый сложносоставной институт.

Таким образом, свобода совести — это многоаспектное явление, сущность которого заключается в возможности иметь мировоззренческие убеждения в целом. В связи с этим необходимо наполнение самостоятельным собственным элементарным содержанием свободы совести. Представляется, что сущность свободы совести следует раскрывать через следующую совокупность ее элементов:

- 1) свобода иметь мировоззренческие убеждения (в том числе атеистические, агностические);
- 2) свобода относиться к религии нейтрально;
- 3) свобода действия в соответствии с мировоззренческими установками [1, с. 49].

Это, в свою очередь, предполагает наличие нового концептуального подхода к пониманию свободы совести, прежде всего, как мировоззренческого феномена с последующим его правовым закреплением на законодательном уровне [2, с. 46].

Список источников

1. *Никитина А. Е.* Проблемы сущности и содержания свободы совести в Российской Федерации // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Восьмой всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

2. *Бучакова М. А.* Свобода совести в России: теоретический и правоприменительный аспекты // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Восьмой всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2022.

Е. И. Сотникова

О требованиях к гражданам, поступающим на службу в полицию (милицию), по законодательству о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан

С момента принятия модельного закона Содружества Независимых Государств от 15 июня 1998 г. № 11-5 «Об основах государственной службы» (далее — модельный закон) законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан стало развиваться в своих направлениях. Некоторые общие положения о требованиях к кандидатам на службу были скорректированы применительно к условиям государств, разработавших и принявших модельный закон.

В статье 8 модельного закона предложен единый возрастной ценз для граждан всех стран СНГ: на государственную службу принимаются граждане государства не моложе 18 лет, имеющие соответствующее образование и отвечающие требованиям настоящего закона для государственных служащих.

Возрастной ценз для поступления на службу в органы внутренних дел в РФ ограничен возрастом не моложе 18 лет и не старше 40 лет.

Сравнительное исследование показывает, что возрастной ценз при поступлении на службу в милицию Республики Таджикистан составляет от 20 лет и не старше 35 лет.

Обязательными требованиями по законодательству обоих государств являются: владение государственным языком, наличие соответствующего образования, соответствие состояния здоровья, личных моральных и деловых качеств установленным нормативными правовыми актами требованиям.

В модельном законе ничего не сказано о службе в вооруженных силах или о том, что гражданин обязан иметь военную подготовку как условие поступления на службу.

Однако в ст. 19 Закона Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции» указано, что на службу в милицию принимаются граждане только после прохождения ими военной службы по призыву.

На наш взгляд, такое предписание закона создает более благоприятную ситуацию для отбора кадров на службу в милицию. В частности, не может возникнуть ситуации, когда только что поступивший на службу в милицию гражданин будет призван на срочную службу с одновремен-

ным прекращением контракта о службе в милиции. По российскому законодательству такая ситуация возможна. Так, в пункте 3 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве основания для расторжения контракта в обязательном порядке указан призыв гражданина на военную службу.

В модельном законе описаны критерии, по которым граждане не могут быть приняты на государственную службу. Гражданин не может быть принят на государственную службу и находиться на государственной службе в случае наличия неснятой или непогашенной судимости, которая несовместима с замещением государственной должности государственной службы.

Российское законодательство построено на основе более жесткой модели ограничений в отношении кандидатов, поступающих на службу, нежели аналогичное законодательство Республики Таджикистан.

По нашему мнению, более мягкие требования к кандидатам по законодательству Республики Таджикистан предоставляют руководителю большую возможность выбора, а также дают гражданам, которые ранее нарушили закон и претерпели все установленные законом ограничения, возможность приносить пользу на службе в милиции.

О. В. Храмцова

Отдельные вопросы освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортных средств при дорожно-транспортном происшествии

Анализ статистики дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) за 2021 г., опубликованной на официальном сайте Госавтоинспекции РФ, свидетельствует о положительной динамике. По сравнению с аналогичным периодом 2020 г. за 2021 г. было совершено 133 331 ДТП, из них в 64 713 пострадали люди. Данные говорят об улучшении факторов, влияющих на совершение ДТП.

При совершении ДТП сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД (далее — ДПС ГИБДД) обязаны освидетельствовать водителей, причастных к дорожно-транспортному происшествию, на состояние опьянения.

При выезде на место происшествия у сотрудников ДПС ГИБДД не всегда имеется возможность произвести процессуальные действия в отношении водителей в связи с тем, что к водителю может отсутствовать на месте происшествия, так как получил телесные повреждения и автомобилем скорой медицинской помощи доставлен в медицинское учреждение. Сотрудникам ГИБДД при этом необходимо не только проехать за пострадавшим лицом для проведения освидетельствования, но и оформить ДТП на месте, что, конечно, не представляется возможным. Не редки случаи, когда пострадавшему была оказана медицинская помощь в учреждении амбулаторно, и он покинул его до приезда экипажа ДПС ГИБДД.

Еще одной проблемой является освидетельствование на состояние опьянения участников дорожного движения, управляющих транспортным средством с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 см³ или максимальной мощностью 4 кВт, а также максимальной конструктивной скоростью более 50 км/ч (мопеды, средства индивидуальной мобильности, квадроциклы, электрические самокаты и т. д.). Должностное лицо не всегда может ознакомиться с техническими характеристиками транспортного средства, поэтому вопрос о том, является ли гражданин участником дорожного движения в качестве водителя или пешехода, остается открытым. По этой причине составить протокол об отстранении от управления транспортным средством не представляется возможным.

Таким образом, освидетельствование водителей на состояние опьянения, причастных к ДТП, выступает неотъемлемой частью административного производства и мерой обеспечения, поскольку данные о наличии или отсутствия в организме человека алкоголя или других веществ помогут правильно и точно квалифицировать совершенное деяние, а также выяснить причины и условия ДТП, установить причинно-следственную связь между нарушенным пунктом Правил дорожного движения и наступившими последствиями. Пока на законодательном уровне не будут устранены противоречия и пробелы, в практической деятельности должностных лиц правоохранительных органов будут возникать сложности с проведением освидетельствования водителей, участвующих в дорожно-транспортных происшествиях, и привлечением их к административной ответственности.

А. В. Честнов

Понятие и особенности содержания конституционного права на распространение информации в условиях цифровизации общества

Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно распространять информацию любым законным способом. Закрепление данного фундаментального права в Основном законе государства не ново, аналогичные положения имелись в Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г.: «Осуществление политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио». В отличие от положений Конституции РСФСР 1978 г., Конституция РФ 1993 г. устанавливает правомочия распространения информации в строгом соответствии с законодательством.

До определенного времени основными источниками распространения информации выступали средства телерадиовещания и общественные собрания. В условиях развития общества и государства появился новый ресурс — сеть Интернет. Официальным Днем интернета в РФ считается 30 сентября 1994 г. На период принятия Конституции РФ в 1993 г. реализация права на распространение информации в условиях цифровизации, естественно, никак не учитывалась.

Информация — это «строительный материал», первооснова творимых, высказываемых или воспринимаемых людьми взглядов, суждений, оценок, мнений, сообщений, которые представляют собой лично окрашенную информацию, отражающую чьи-либо позиции и интересы. Распространение информации представляется одной из возможностей по работе со «строительным материалом», создание интеллектуальных информационных объектов позволяет «разбрасывать семена», имея при этом необъятный спектр возможностей в условиях цифровизации общества.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон № 149-ФЗ) распространение информации — это действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. В случае предоставления информации — это всегда определенный круг лиц, в то время как распространение информации

предполагает неопределенный круг лиц на стороне получателя. Например, отправление информации по электронной почте предполагает наличие конкретного адресата, поэтому, по общему правилу, является предоставлением информации, за исключением случаев так называемой «веерной» рассылки. Размещение информации на общедоступном веб-сайте должно рассматриваться как распространение информации. Некоторые сайты требуют регистрации, что может осложнять квалификацию характера действий, совершаемых с информацией, размещаемой на таких сайтах. Представляется, что решение должно зависеть от характера регистрации. Если она доступна любому желающему лицу, то размещение информации на таком веб-сайте будет распространением. Если же регистрация доступна лишь для лиц, обладающих определенным статусом, например, клиентов или партнеров компании, то можно говорить о предоставлении информации.

Вместе с этим положения Закона № 149-ФЗ указывают на отсутствие возможности точно определить круг лиц, получающих и передающих информацию. Масштаб института распространения информации одновременно указывает на расширение возможностей субъектов, реализующих данное право, к ним относятся: органы публичной власти РФ, СМИ, граждане РФ, граждане иностранных государств, международные организации, иностранные государства и т. д.

Изучение содержания конституционного права на распространение информации позволяет сделать вывод, что в Законе № 149-ФЗ должны быть шире раскрыты условия распространения информации. На наш взгляд, понятие «распространение информации» — это действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц в целях повышения информационной активности, формирования определенных взглядов и системы ценностей с недопущением злоупотребления и регуляцией реализации данного права.

Л. З. Чеченова

**Юридические аспекты взаимодействия
уголовно-исполнительной системы
и органов внутренних дел при установлении
специальных административно-правовых режимов
на территории пенитенциарных учреждений**

Организация взаимодействия в пенитенциарной системе определяется как управленческая деятельность, направленная на организацию функционирования взаимодействующих служб и подразделений, согласование и объединение их усилий и возможностей, использование преимуществ их совместной деятельности в целях наиболее успешного решения общих задач. В настоящее время в науке выделяют два вида взаимодействия в уголовно-исполнительной системе — внутриведомственное и межведомственное. Необходимо отметить, что ранее в рамках административного права не рассматривались вопросы классификации «взаимодействия» в период установления специальных административно-правовых режимов на территории пенитенциарных учреждений.

В части 2 ст. 26 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» установлено, что сотрудники органов уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) обязаны в случае непосредственного обнаружения событий, угрожающих личной или общественной безопасности, принять меры к спасению людей, предотвращению и пресечению правонарушений, задержанию лиц по подозрению в совершении этих правонарушений и сообщить об этом в ближайший орган внутренних дел РФ.

Обратимся к п. 13 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который устанавливает, что органы полиции обязаны оказывать содействие учреждениям и органам УИС в осуществлении розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений. При этом не конкретизируются вопросы, касающиеся совместных мероприятий, которые должны быть осуществлены сотрудниками УИС и ОВД. Исходя из этого, можно говорить об отсутствии точности в регламентации совместных мероприятий. Особенностью функционирования пенитенциарной системы в период установления специальных административно-правовых режимов является подчинение временным органам управления или должностным лицам. Введение любого вида специального административно-правового режима

оказывает существенное влияние на методы, средства и формы деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений, определяя тем самым необходимость использования иных организационных форм и методов управления персоналом.

Ведомственные нормативные правовые акты (как УИС, так и ОВД) закрепляют нормы, устанавливающие необходимость создания общего органа управления для ликвидации возникших негативных последствий при чрезвычайных обстоятельствах. Таким органом является оперативный штаб, в функции которого входят координация сил и средств, организация взаимной информированности в целях ликвидации негативных последствий, образовавшихся при установлении одного из разновидностей специальных административно-правовых режимов.

Е. А. Шайденко

Роль уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в реализации конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства

Значимое место в главе 2 Конституции РФ занимают нормы, посвященные гарантиям со стороны государства на защиту прав и законных интересов граждан в сфере осуществления правосудия. Особенностью регулирования данных общественных отношений выступает один из участников, ведь государство не может уклониться от ответственности за действия своих представителей. Конституционный Суд РФ неоднократно в своих постановлениях отмечал, что каждый пострадавший от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц вправе требовать от государства справедливого возмещения вреда, причем оно несет обязанность возместить вред, связанный с осуществлением государственной деятельности в различных ее сферах, независимо от возложения ответственности на конкретные органы государственной власти или должностных лиц.

Вышеизложенные обстоятельства в комплексе обуславливают неизбежность установления в отечественном уголовном законодательстве уголовно-правовой ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Таким образом, законодатель логически продолжает демонстрировать существование конституционных обязанностей не только у граждан, но и у государства.

Актуальным и дискуссионным является вопрос о дифференциации фальсификации как преступного деяния, который напрямую связан с определением характера и степени общественной опасности, а также местом данного деяния в системе преступлений против правосудия. Именно общественная опасность фальсификации доказательств и результатов ОРД выступает мерой для возможного применения института малозначительности. Более того, вызывают беспокойство случаи прекращения уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа, что, на наш взгляд, не отражает соразмерной уголовно-правовой реакции на преступления, предусмотренные ст. 303 УК РФ.

В настоящее время остается открытым вопрос о легитимной дефиниции «фальсификация» с закреплением ее устойчивых признаков как уголовно-правового явления. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» требуют пересмотра способы совершения фальсификации доказательств по делам об административном нарушении и уголовным делам. Так, в указанном постановлении сказано, что «умышленные действия уполномоченных должностных лиц по уничтожению и(или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к делу об административном правонарушении или уголовному делу предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение, состава фальсификации доказательств не образуют».

Требуют внимания вопросы, касающиеся перечня субъектов данного преступления. Противоречие видится в том, что к числу лиц, подлежащих уголовной ответственности по ч. 2, ч. 3 ст. 303 УК РФ, не отнесены судьи, рассматривающие дело по существу, а также проводящие судебный контроль на стадии досудебного производства. Опираясь на позицию, что судья самостоятельно не формирует доказательств, а лишь оценивает их, прокурор также должен был быть исключен из круга субъектов совершения данного преступления, так как фактически лишен полномочия по собиранию и приобщению доказательств.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что субъектом совершения преступлений, предусмотренных ч. 2, ч. 3 ст. 303 УК РФ, следует считать должностных лиц, непосредственно имеющих доступ к доказательствам, а также в силу своего должностного положения способных влиять на принятие процессуальных решений в рамках судопроизводства.

Таким образом, именно установление уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов ОРД отражает особую зна-

чимостью борьбы с данным явлением, подрывающим стабильное функционирование системы судов, снижающим доверие граждан к судопроизводству и государственной власти в целом. Несмотря на несовершенства законодательного регулирования, ст. 303 УК РФ выступает крайней формой практической реализации гарантируемой защиты конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства.

Т. Н. Шумилова

Реализация положений статьи 118 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве

Осуществление правосудия только судом в качестве принципа уголовного судопроизводства закреплено в ст. 8 УПК РФ. Однако само название данной нормы не в полной мере соответствует процессуальному положению суда в современном уголовном процессе. Из буквального понимания приведенного законоположения следует, что в уголовном судопроизводстве как самостоятельной форме судебной власти конституционные установления, содержащиеся в ст. 118 Конституции РФ, реализуются посредством решения вопроса о виновности лица в совершении преступления надлежащим судом («...в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено настоящим Кодексом»).

Такое содержание названного принципа не учитывает, что суд наделен целым спектром полномочий, в том числе в ходе досудебного производства по уголовному делу, а также в иных видах уголовно-процессуальных производств, предназначенных для решения специальной задачи в уголовном процессе посредством реализации специфических процессуальных процедур, предусмотренных законом (ст. ст. 125, 125¹, ч. 5 ст. 165, ст. 214¹ и иные нормы УПК РФ).

Кроме того, ст. 29 УПК РФ устанавливает пределы исключительной судебной компетенции, касающейся не только рассмотрения уголовного дела по существу, но и связанной в большинстве своем со значительным ограничением конституционных прав личности. Так, судебным решением (актом правосудия) санкционируется применение наиболее строгих мер уголовно-процессуального принуждения (например, запрета определенных действий, залога, домашнего ареста, заключения под стражу, временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности, наложения ареста на имущество), производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав личности

(обыска, выемки и др.). Помимо этого, законом (ст. ст. 125, 125¹ УПК РФ) определен порядок рассмотрения судом жалоб на действия (бездействие) и решения властных субъектов уголовного процесса (прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя). Отметим, что нами приведен далеко не полный перечень полномочий суда в уголовном процессе.

Некоторые из упомянутых процедур обоснованно позиционируются высшим судебным органом (инстанцией) как формы осуществления уголовного правосудия (например, ст. 125 УПК РФ), что проявляется в использовании Верховным Судом РФ права законодательной инициативы, а также в разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства, даче судам разъяснений по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения.

При этом ни постановления Пленума Верховного Суда РФ, ни инициированные законопроекты (даже с учетом направленности на совершенствование правоприменительной практики) не могут восполнить пробелы уголовно-процессуального законодательства.

Судебный контроль в данном сегменте правоприменения происходит в условиях серьезного дефицита правового регулирования соответствующих процедур. По этой причине он часто превращается в формальность, осуществляется в условиях несогласованности, противоречивости законодательства.

Решение обозначенного в названии публикации вопроса напрямую зависит от того, что понимать под правосудием. Полагаем, что независимо от того, в какой форме оно осуществляется (иными словами, в каком виде судопроизводства), его признаки как конституционной категории остаются неизменными.

Относительно понятия и содержания правосудия, осуществляемого в уголовном судопроизводстве, нам близка позиция С. В. Бурмагина, который полагает, что оно представляет собой специфическую деятельность органов судебной власти, единую систему уголовно-процессуальной деятельности суда, направленной на разрешение социально-правовых споров в сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений, состоящая из отдельных судебных процедур (совокупностей последовательных и взаимосвязанных процессуальных действий и решений) и охватывающая все виды судебной деятельности, осуществляемой в рамках уголовного судопроизводства [1, с. 37].

Необходимо отметить, что отличительными признаками правосудия как конституционно-правовой категории являются: исключительная су-

дебная компетенция и соответствующие ей полномочия суда; предусмотренный законом порядок рассмотрения и разрешения юридического дела (правового спора), обеспечивающий судебную защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 46 Конституции РФ); принятие судебного решения — акта правосудия. Они являются перманентными и не зависят от формы реализации судебной власти (вида судопроизводства).

Список источников

1. *Бурмагин С. В.* О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // Известия высших учебных заведений. Правосудие. 2018. № 1(336).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулина Екатерина Борисовна — судья Добрянского районного суда Пермского края.

Алтынбаева Лилия Мударисовна — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Андреев Петр Владимирович — аспирант Тюменского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Анохина Светлана Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника факультета переподготовки и повышения квалификации Барнаульского юридического института МВД России.

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России.

Бабурин Сергей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник — Научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, президент Ассоциации юридических вузов, Заслуженный деятель науки РФ, иностранный член Академии наук Абхазии (г. Москва).

Баkitкалиев Дамир Баkitкалиевич — магистрант 1-го курса научно-педагогической магистратуры Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова.

Баталов Данила Евгеньевич — преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Бекетов Олег Иванович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Бекмурзинова Камила Кайратовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Бектева Виктория Сергеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Белецкий Даниил Александрович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Бородич Алексей Иванович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск).

Буряков Сергей Константинович — кандидат политических наук, начальник Омской академии МВД России.

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Вичева Алена Андреевна — преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь).

Волчкевич Ольга Владимировна — магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск).

Головко Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Гоман Ольга Сергеевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Грудинин Никита Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета.

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Гукова Наталья Анатольевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Гусев Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе).

Данькова Ирина Валерьевна — старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь.

Десятов Михаил Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дизер Ольга Александровна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Елисеева Галина Валерьевна — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Сибирского юридического университета (г. Омск).

Жданова Александра Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Жиляев Артур Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Засыпкин Михаил Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Казанцева Екатерина Валентиновна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь).

Каплунов Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Карапетян Наталия Юрьевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Карпов Константин Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Квасников Евгений Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Кисс Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь).

Кожевников Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Конюх Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники».

Корабельникова Юлия Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (г. Москва).

Кошелев Евгений Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Кулик Василий Олегович — заместитель начальника ОМВД России по г. Артему Приморского края — начальник полиции.

Куянова Арина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Ладушкин Сергей Иванович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ладыгина Оксана Александровна — магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры общеюридических дисциплин Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова.

Литвякова Светлана Викторовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Луговик Виктор Федорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России.

Маслов Кирилл Владиславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права юридического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Мирошниченко Анастасия Владиславовна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Москаленко Глеб Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Мурин Дмитрий Анатольевич — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Мушаков Виталий Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Невзгодина Елена Львовна — кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Никитина Анна Евгеньевна — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Николаев Константин Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Петров Александр Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Полякова Виктория Юрьевна — инспектор организационно-методического отдела управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Алтайскому краю (г. Барнаул) .

Редкоус Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва).

Романькова Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Сафронов Дмитрий Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Середа Руслан Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь.

Симонов Владимир Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Сисакьян Арус Качпероновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры права Троицкого филиала Челябинского государственного университета.

Соколов Андрей Борисович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Сотникова Евгения Игоревна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Старостин Александр Александрович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Трусов Николай Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России.

Филимонов Александр Григорьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Храмцова Ольга Владимировна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск).

Червяковский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Честнов Александр Владимирович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Чеченова Ляна Залимовна — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань).

Шайденко Екатерина Алексеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Шарифзода Парвини Рахмулло — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности 2-го факультета Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе).

Шумилова Татьяна Николаевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
РАЗДЕЛ I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	
Бабурин С. Н. Нравственный каркас Конституции как основа реализации ее норм	5
Бекетов О. И. «Новая чрезвычайность»: административно-правовые аспекты и тенденции	6
Бучакова М. А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности	9
Быков А. В. Трансформация конституционного регулирования субъектного состава РСФСР	12
Вичева А. А. Влияние цифровизации на избирательный процесс в Российской Федерации	13
Волчкевич О. В. Реализация конституционно-правовых норм о прекращении гражданства: состояние и перспективы	16
Грудинин Н. С. Перспективы развития российского конституционализма на современном этапе	19
Грязнова Т. Е. Принципы конституционализма в учении Ф. Ф. Кокошкина	22
Гусев В. А. Право человека на неприкосновенность частной жизни и обязанность государства обеспечить общественную безопасность	24
Данькова И. В. Конституционные права и свободы несовершеннолетних: особенности реализации на примере Республики Беларусь	26
Елисева Г. В. Проблемы реализации государством международно-правовых обязательств по защите прав и свобод человека	30
Жиляев А. В. Текущее состояние и перспективы развития территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации	32

Зайцева Е. С. Краудсорсинг как технология установления пределов правового регулирования	34
Засыпкин М. А. Президент как субъект стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности.	37
Казанцева Е. В. Благотворительность как конституционная гарантия	39
Кисс С. В. Некоторые основы конституционных традиций российского конституционализма	41
Кожевников О. А. Публичная власть в позициях Конституционного Суда РФ	43
Корабельникова Ю. Л. К вопросу об организации местного самоуправления в городских округах Российской Федерации	48
Кошелев Е. В. Совершенствование конституционно-правовой ответственности органов публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации	50
Ладыгина О. А. Правовые преимущества в структуре правового статуса	53
Маслов К. В. Сущность налоговой безопасности государства.	55
Каплунов А. И., Москаленко Г. Е. Политика Александра I как фактор развития идеи конституционализма в России.	58
Петров А. В. Проекция витального характера традиционных ценностей в аксиологическое пространство основного закона	60
Полякова В. Ю. Частная жизнь как социальный инструментарий морально-нравственных отношений	63
Редкоус В. М. Конституционное развитие государств — участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности.	65
Середа Р. А. К вопросу конституционализации права на доступ к сети Интернет	69
Симонов В. А. Государствообразующий этнос и отечественный опыт обеспечения его статуса.	72
Сисакьян А. К. Конституционное правосознание и отечественный парламентаризм.	75
Трусов Н. А. Конституционная реформа в России: причины, результат, правовые последствия	79
Филимонов А. Г. Природа русского государства и опыт демократических реформ современной России	81

РАЗДЕЛ II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Десятов М. С. Конституционные основы правоприменительного оперативно-розыскного процесса.	85
Алтынбаева Л. М. Конституционное право на труд у недееспособных и ограниченно дееспособных лиц.	87
Анохина С. Ю., Анохин Ю. В. Государственно-правовое обеспечение конституционного права граждан на защиту их социальных прав	89
Бабурин В. В. Конституционные основы правомерного поведения, связанного с причинением вреда	94
Борков В. Н. Реализация принципа доверия граждан к государству: уголовно-правовой аспект	97
Бородич А. И. О Всебелорусском народном собрании	100
Головко В. В. Применение административного штрафа в области дорожного движения: проблемы и перспективы	103
Дизер О. А. Проблемные аспекты квалификации действий лица, спровоцированного на совершение преступления	105
Жданова А. Н. Конституционно-правовые основы использования искусственного интеллекта.	108
Карпов К. В. Конституционное право граждан на жилище: вселение и определение порядка пользования жилым помещением	111
Конюх Е. А. Применение копий документов в гражданском процессе в контексте конституционного права на судебную защиту (на основе анализа актов Конституционного Суда РФ)	113
Куянова А. В. Органы внутренних дел (полиция) как субъект реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина.	115
Ладушкин С. И. Логическая диверсия в правовой имплементации.	118
Луговик В. Ф. Реализация конституционного принципа справедливости в оперативно-розыском законодательстве.	120
Мурин Д. А. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ) как разновидность общественного опасного посягательства на конституционное право собственности	124
Невзгодина Е. Л. Конституционные основы брачного договора	126

Николаев К. Д. Конституционные основы уголовно-правового воздействия.	129
Романькова С. А., Кулик В. О. Обеспечение конституционных прав граждан в области дорожного движения	131
Сафронов Д. М. О сути гражданской позиции граждан Российской Федерации, вовлекаемых в уголовное судопроизводство	134
Соколов А. Б., Абдулина Е. Б. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: баланс правовых гарантий гражданина и интересов государственных органов	136
Старостин А. А. Право иностранных граждан на свободу передвижения.	138
Червяковский А. В. Вопросы доступа граждан к официальной правовой информации (в связи с принятием Указа Президента РФ от 3 марта 2022 г. № 90)	140
Шарифзода П. Р. Конституционно-правовые основы профилактики насилия в семье органами внутренних дел Республики Таджикистан	143
РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО	
Андреев П. В. Народ как юридическая терминология. Проблемы понятия	146
Бакиткалиев Д. Б. Вопросы защиты несовершеннолетних в Республике Казахстан	148
Баталов Д. Е. Место и роль института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе в системе обеспечения национальной безопасности России	149
Бекмурзинова К. К. Соблюдение конституционных прав в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.	151
Бектева В. С. Особенности реализации права на доступ к правосудию в случае приостановления производства по уголовному делу	152
Белецкий Д. А. Реализация конституционного права на судебную защиту в приказном производстве.	154
Гоман О. С. Роль и значение решений Конституционного Суда Российской Федерации в механизме контроля за оборотом гражданского оружия.	156

Гукова Н. А. Предупреждение незаконной передачи предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и изоляторах временного содержания.	158
Карапетян Н. Ю. Особенности правового статуса граждан в условиях военного положения	159
Квасников Е. С. Реализация конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности: вопросы уголовно-правовой оценки.	161
Литвякова С. В. Забота о детях — право или обязанность родителей	163
Мирошниченко А. В. Регламентация запрета на право заниматься педагогической деятельностью определенной категорией лиц.	164
Мушаков В. Е. Конституционная гарантия обращения граждан Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав человека в условиях цифровизации	166
Никитина А. Е. Плюрализм в понимании сущности конституционного права на свободу совести в Российской Федерации	167
Сотникова Е. И. О требованиях к гражданам, поступающим на службу в полицию (милицию), по законодательству о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан ...	169
Храмцова О. В. Отдельные вопросы освидетельствования на состояние опьянения водителей транспортных средств при дорожно-транспортном происшествии	170
Честнов А. В. Понятие и особенности содержания конституционного права на распространение информации в условиях цифровизации общества	172
Чеченова Л. З. Юридические аспекты взаимодействия уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел при установлении специальных административно-правовых режимов на территории пенитенциарных учреждений	174
Шайденко Е. А. Роль уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в реализации конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства	175
Шумилова Т. Н. Реализация положений статьи 118 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве	177
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	180

Научное издание

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Материалы VII международной научно-практической
конференции*

Редактирование и корректура Е. А. Жукова

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 27.06.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 140 экз. Заказ № 174.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7